Серебрянский

от Керенщины к пролетарской Диктатуре

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП/б/ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП /Б/

З. СЕРЕБРЯНСКИЙ

ОТ КЕРЕНЩИНЫ К ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

З. СЕРЕБРЯНСКИЙ

ОТ КЕРЕНЩИНЫ К ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЕ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ 1917 года

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в 16-й типогр.
„Мосполиграф". Трехпрудн. 9,
в количестве 4.000 экземпл.
Мосгублит № 48.828.
1928.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА

Изучение керенщины и первых месяцев советской власти находится до сих пор преимущественно в стадии собирания документов и мемуарного освещения эпохи. Долго еще эта «концентрация фактов» не потеряет своего значения. Между тем, протекшие годы дают право, а накопившийся материал— возможность подготовки монографических и даже первых приступов к сводным, обобщающим работам.

Настоящие очерки и представляют собой попытку дать для широкого читательского круга подготовительную работу обобщающего характера по истории периода февраль 1917 г.— январь 1918 г. Нечего и говорить о трудностях, какие пока встречает выполнение поставленной задачи. Ведь события, начавшиеся в 1917 г., далеко не завершили своего развития. Научное изучение Октябрьской революции только теперь, собственно, развертывается. Многие важные материалы только теперь начинают появляться в свет. Для сводной работы еще не подготовлена дорога специальными, частичными исследованиями отдельных сторон событий, величайших в истории по своей значительности.

В этих условиях предлагаемые очерки не могли, разумеется, избежать ряда существенных пробелов и ошибок как в части описательной (вообще здесь сравнительно сжатой), так и в части аналитической. Я буду весьма признателен товарищам за указание таких недостатков.

Основными источниками для данных очерков — помимо сочинений В. И. Ленина — явились: всевозможные архивные печатные документы, газеты и журналы 1917 и начала 1918 гг., различные отчетные и статистические материалы, мемуарная литература (в том числе и антисоветская), а также отдельные имеющиеся исследования.

В заключение должен выразить свою благодарность тт. В. Адоратскому, И. Волковичеру и Д. Кину, помогшим мне своими советами и замечаниями, а также сотрудникам библиотек Коммунистической академии и КУВКС при Военной академии.

З. С.

ОТДЕЛ I

КЕРЕНЩИНА

К СОЦИАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КЕРЕНЩИНЫ

Попытка пригнать Февральский переворот к буржуазной мерке. Необходимость демократического прикрытия буржуазной власти. Двоевластие и его классовый смысл. Рабочие и солдаты—основная сила Февральской революции. Совет в Петрограде. Советы в провинции. Ступени реакционного перерождения мелкобуржуазной демократии. Была ли буржуазия революционным классом? Меньшевики и эсеры в период керенщины. Партия большевиков в период керенщины. Пролетариат, крестьянство и городская мелкая буржуазия в период керенщины. Интеллигенция как опора мещанского социализма.

Энгельс писал Бебелю в 1884 г.: «Что касается чистой демократии и ее роли в будущем, то я полагаю... (что ничто) не помешает ей в момент революции, на короткий срок, приобрести временное значение в качестве самой крайней буржуазной партии, какой она выступала уже во Франции, в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства. В такой момент вся реакционная масса группируется вокруг нее и усиливает ее. Все, что было реакционного, выступает тогда демократически» [1]).

Период керенщины дал практическую проверку этому тезису. Снова мелкобуржуазная демократия приобрела временное значение, на этот раз в России 1917 г., и снова, как увидим, она выступала в качестве последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства.

Появление керенщины обусловили вполне определенные исторические обстоятельства. Главное условие, поднявшее на гребень революционной волны мелкобуржуазную демократию, заключалось в том, что Февральская революция не могла в силу исторически сложившихся обстоятельств (бурный рост капитализма в России, революционная зрелость рабочего класса, война—с одной стороны, и реакционный характер буржуазии—с другой) остаться в узких пределах буржуазно-демократической революции. По своему содержанию она шла дальше этих

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. — «Письма», изд. «Московский рабочий», стр. 265.

пределов, становясь таким образом полустанком на пути к другой, более глубокой революции, имеющей своей ближайшей целью установление диктатуры пролетариата. Опасность социалистической революции и заставила буржуазию воздвигать мелкобуржуазное прикрытие своей власти. Но, если керенщина таким образом представляла собой, с одной стороны, особую форму господства буржуазии, то, с другой стороны, ее самое поддерживали иллюзии и заблуждения масс.

Вот как идиллически описывал «медовые дни» февраля—марта «Вестник Европы» [1]). «И чуялось,—живописал он,—что есть братство у торжествующих победу над бесправием и гнетом. Рабочие стояли рядом с «буржуями», простые обыватели рядом с чиновными людьми. В глазах одних не было направленных на других злобных огоньков».

Несмотря на сентиментальные идиллии, порожденные блестящим эффектом Февральской революции, очень скоро выступили наружу могущественнейшие социальные антагонизмы. Рабочие и солдаты, совершившие революцию, связали с нею свои собственные цели: надежда на выход из войны и аграрный переворот в деревне—таковы были те самые первоочередные требования, какие приносили с собой трудящиеся массы. Послефевральские дни очень скоро выявили гигантскую остроту этих, ставших в порядок дня, вопросов. Громадное народное восстание, без которого Февральская революция не произошла бы,—это народное восстание, подготовленное всем ходом классовой борьбы в России, в свою очередь обострило давно накоплявшиеся противоречия и придало небывалый размах борьбе классов. «Либеральные» помещики и буржуазия оказались к моменту Февральской революции самым подготовленным и наиболее организованным классом. Естественно, что этот класс, по примеру французской буржуазии 1830 и 1848 гг., поспешил прибрать к своим рукам все плоды февральской победы. Буржуазия изо всех сил стремилась поддержать сентиментальные иллюзии первых февральских дней. Но в то же время она изо всех сил старалась поскорее отречься от своего революционного происхождения, стремясь представить переворот в виде легально совершенного Государственной думой, а не в виде итога могучей стачки питерских пролетариев, поддержанной солдатами, каким Февраль был в действительности.

Под шумок первого опьянения масс революционной победой буржуазия сделала энергичную попытку обернуть революцию целиком в свою пользу. В этом ей пришла на помощь та привилегия организованности, какую имела бур-

[1]) Ст. В. Кузьмина-Караваева в номере за январь—апрель 1918 г.

жуазия еще при старом строе. Таким образом, в первые дни переворота «цензовые элементы» оказались в руководящей головке так называемых комитетов общественных организаций, ставших центрами власти на местах. Показателен в этом отношении состав Комитета московских общественных организаций. 1 марта состоялось учредительное собрание для организации этого Комитета, на которое было привлечено 171 представителей от 23 организаций. Старые органы самоуправления—думы и земства—вместе с работавшими в них служащими и существовавшими при царизме общественными организациями, как Земгор, Военно-промышленный комитет, кооперативы, адвокатура и т. д.,—имели 107 представителей из 171 (см. «Сборник материалов Комитета московских общественных организаций», выпуск I. Май 1917 г.).

Временное правительство первого состава, вышедшее из думского прогрессивного блока, и должно было закрепить политическую власть империалистской буржуазии, которой уже давно принадлежало экономическое господство в России. Но *буржуазия вышла на сцену слишком поздно.* Она встретила против себя сильный и зрелый пролетариат. Да и крестьянство, измученное войной и длительным земельным голодом, не могло примириться с империалистской диктатурой. После февральских дней народ—рабочие и солдаты—не выпустили из своих рук материальной силы и, благодаря этому, решающей, единственно реальной властью после Февраля стали советы. И в самые февральские дни источником революционной власти и организатором борьбы с царским режимом выступил не Временный комитет Государственной думы, а Совет рабочих и солдатских депутатов. Совет отдавал первые распоряжения по ликвидации царского строя. Совет (а не думский комитет) принял 27 февраля необходимые меры к немедленному из'ятию всех государственных финансовых средств из ведения органов старой власти. Совет (а не думский комитет) отдавал распоряжения революционным караулам занять Госбанк, Главное и губернское казначейства, Монетный двор, Экспедицию заготовления государственных бумаг и т. д.

Рабочий класс и крестьянская, в своем огромном большинстве, армия явились главными творцами Февральского переворота; а на другой день после победы последнего ими же сформированный Совет остался единственной фактической властью. Империалистское Временное правительство могло держаться только по соглашению с Советом. Недаром поэтому Комитет Государственной думы так настойчиво потребовал от Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, чтобы в его декларации было указано, что Временное

правительство образовано по соглашению с ним. Эту крайне важную особенность Февральского переворота поняли очень скоро наиболее дальновидные идеологи буржуазии. «Крестьяне и рабочие,—писал Туган-Барановский—вот два социальных класса, которые сделали русскую революцию... И то обстоятельство, что, произведя революцию, солдаты и рабочие не передали власти в руки Временного правительства, но сохранили ее в своих руках, с полной очевидностью показывает, что цели революции в глазах ее творцов далеко еще не достигнуты. В глазах трудящихся классов революция только начинается» [1].

Так Совет стал в этот период вторым правительством, на ряду с Временным правительством. Петроградский совет мог требовать, чтобы без его ведома не издавался ни один крупный политический акт, и Временное правительство вынуждено было с этим считаться. Петроградский совет мог самостоятельно издавать декреты государственной важности (приказы № 1 [2]) и № 2, постановление об аресте семьи Романовых и т. д.). Совет мог воспретить издателям журналов и газет выпуск изданий без особого на то с его стороны разрешения, и приказ Совета беспрекословно выполнялся. Совет мог своею властью отменить утвержденную Временным правительством присягу, в которой ничего не говорилось о завоеваниях революции; где присяга была уже принесена, Совет мог постановить считать этот акт недействительным, и Временному правительству ничего не оставалось, как сделать раз'яснение, что присяга не требуется. «Давление Совета на либеральную буржуазию,—докладывал один из лидеров Совета Стеклов 30 марта на Всероссийском совещании советов,—было настолько серьезно, что программа Совета принималась ею, как нечто неизбежное, непререкаемое». Само Временное правительство, отдавая должное силе Совета, вынуждено было прибегать к помощи Совета во всех трудных случаях, как например, при «водворении порядка» в Балтфлоте.

Но, обладая громадными возможностями, Петроградский совет имел крупнейший внутренний дефект. Волна Февральской революции сделала Петроградский совет гегемоном революционного движения всей России, но в нем самом гегемонию приобрели элементы, сдерживающие революционную инициативу масс.

---

[1]) «Вестник кооперации» за февраль—март 1917 г.

[2]) «Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется советам рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам»—гласила ст. 3 приказа № 1.

Если сочувствие масс давало Совету громадную силу, то оппортунизм его вождей порождал в то же время бессилие Совета. Вожди Совета видели свою задачу исключительно в том, чтобы «подталкивать» буржуазию влево, — отсюда та жалкая политика «контактных комиссий» и самоурезки, которая проводилась Советом. «Эпоха господства в советах меньшевиков и социалистов-революционеров,—говорил Чернов, оценивая события уже в качестве мемуариста, — была эпохой заботливого с а м о о г р а н и ч е н и я советов» (ст. В. Чернова «Советы в нашей революции» в эсеровском сборнике: «Год русской революции», стр. 59).

Бессилие и страх доктринерских вождей Совета очень ярко сказались на эпизоде с первомайским праздником. Совет боялся об'явить день 1 мая праздничным, опасаясь оттолкнуть от себя буржуазию, которая вела бешеную кампанию против «безделия» рабочих. Меньшевики моментально нашли выход в виде предложения об отработке за праздничный день, хотя такое предложение явно шло вразрез с постановлениями конгрессов II Интернационала.

В этом маленьком инциденте—картина силы и бессилия Совета. Никто не мог помешать Совету об'явить день 1 мая праздником — Совет мог любое мероприятие провести своей властью, но Советом руководили мелкобуржуазные вожди, которые главную свою задачу видели в «заботливом самоограничении».

В провинции мы наблюдаем более полное использование власти советами. В Казани Исполнительный комитет совета рабочих депутатов установил твердые цены на мануфактуру, реквизировал кондитерские изделия и передал продовольственной комиссии. В Гомеле совет рабочих и солдатских депутатов опечатал мануфактурные магазины для учета товаров и нормировки цен, дошедших до невероятных размеров. Совет постановил реквизировать для своих нужд замок князя Паскевича, а имущество и ценности взять под свою охрану. Ряд провинциальных исполкомов обращались в отделения Госбанка с требованиями о выдаче сведений, касающихся движения вкладов частных лиц. Некоторые советы требовали сведений о валовой и чистой прибыли банков. Иногда советы налагали запрещения на текущие счета. В некоторых пунктах установилось советское единовластие: в Кронштадте и Ревеле советы вскоре об'являют себя единственными органами власти.

Н а т о л к н у в ш и с ь н а р е ш и т е л ь н о е т о р м о ж е н и е в к р у п н ы х ц е н т р а х, р е в о л ю ц и я п е р е ш л а н а м е с т а, где революционная инициатива меньше задерживалась сверху.

Политическое двоевластие, а в некоторых местах советское единовластие выражали не что иное как тот факт, что бур-

жуазия уже не в состоянии собственными силами осуществлять власть. Но в то же время пролетариат еще не был в состоянии *немедленно* захватить власть в свои руки.

В получающуюся таким образом щель спешит пролезть мелкобуржуазная демократия, которая и заполняет образующуюся, вследствие распада старой власти, пустоту. Ее социальный удельный вес сразу поднимается необычайно высоко. Но это происходит вовсе не в итоге борьбы мелкобуржуазной демократии с буржуазией за власть. Вовсе нет! Буржуазия, поставленная перед необходимостью срочно создавать заслоны угрожающему ходу революции, в испуге *сама* возносит на вершину мелкобуржуазную демократию. «Демократии» благосклонно разрешается стать «оттяжным пластырем» от революции; ей поручается сглаживать, притуплять, оттягивать, примирять вскрытые и усиленные революцией противоречия. С другой стороны, только что пробужденные к политической жизни массы, и в первую очередь крестьянство, еще не осознавшие своего правильного пути, доверчиво идут под знамена бесформенного народничества.

Эта разбуженная революцией мелкобуржуазная крестьянская стихия заполняет своей численной массой всю авансцену политической жизни. Ее гигантское давление испытывает на себе и рабочий класс, чей голос на время приглушается многомиллионным хором мелкобуржуазной демократии [1]). Эксплоатируя темноту и беспомощность масс, мелкобуржуазная интеллигенция приобретает внезапно громадное, совершенно ей несвойственное, в нормальных условиях, влияние.

Такова расстановка сил в самый начальный период Февральской революции. Ленин еще в 1906 г. предвидел возможность подобного хода дел. Он писал тогда, что «действительная политическая свобода всего больше усилит именно эти партии (мелкой буржуазии.— *З. С.*), потому что при отсутствии политической свободы их способность к организации слабее, чем у буржуазии, слабее, чем у пролетариата. С другой стороны, в такой преимущественно мелкобуржуазной и крестьянской стране, как Россия, совершенно неизбежно образование идейно-шатких и политически неустойчивых, но чрезвычайно крупных мелкобуржуазных или «трудовых» партий» [2]). Несколько позднее, в 1907 г., Ленин снова возвращается к этой теме и говорит о том, что «революционной» мелкобуржуазной партии удается только в от-

---

[1]) Модус представительства в Петроградский совет этого периода дает яркую иллюстрацию только что приведенной мысли: полумиллионная масса рабочих Петрограда посылала в Совет 500 представителей, а 100—120 тысяч солдат—свыше одной тысячи.

[2]) Ленин, т. VII, ч. II, стр. 38.—«Опыт классификации русских политических партий».

дельные моменты «эксплоатировать малую еще политическую подготовку масс, «пленяя» якобы широкой (на деле расплывчатой и интеллигентски-мишурной) постановкой вопросов, играя на неразвитости классового сознания, демагогически используя традиционную «тягу к земле» в тех случаях, когда есть еще связь с деревней, и т. д. и т. п.» [1]).

Так оно и случилось в Февральской революции 1917 г.: мелкобуржуазная демократия оказалась вознесенной на вершину. Она же поспешила «переуступить» власть буржуазии. Уже в первые дни после Февральского переворота ее вожди поспешили «согласиться» с чисто-буржуазным Временным правительством, образованным Государственной думой. Они одобрили вступление Керенского в состав министров империалистского правительства, дали обязательство поддерживать правительство кн. Львова и в публичной декларации Петроградского совета осудили «раз'единение и анархию», равно как и «упадок дисциплины в армии».

Две основные партии мелкобуржуазной демократии—эсеры и меньшевики—равно как и другие политические штабы раздробленной мелкой буржуазии (народные социалисты, трудовики, «Единство» и т. д.) одинаково находились в плену доктринерски-книжного взгляда на революцию, как на революцию чисто-буржуазную.

Они исходили при этом не из анализа тех социально-экономических условий, в которых в данный исторический период находилась Россия, а из голой доктрины, что в процессе «созревания» мы должны пройти через стадию политического господства буржуазии. Отсюда делались все их теоретические и практические выводы.

События 18—20 апреля, знаменовавшие первый крупный отход мелкой буржуазии от крупной, прямо поставили перед Советом вопрос о недоверии масс к империалистскому правительству и о необходимости взятия власти Советом. Но советские вожди об этом и слышать не хотели. На заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 20 апреля ряд ораторов говорил, что «брать власть в свои руки преждевременно и опасно». Один оратор спрашивал: «Кто заменит правительство? Мы? Но у нас руки дрожат. Нет, товарищи, не надо нам строить карточных домиков...» [2]).

Так родилось на свет первое коалиционное правительство 6 мая. Руководящее место в нем было добровольно уступлено

---

[1]) Ленин, т. VIII, стр. 754.—«Выборы по рабочей курии в Петрограде».

[2]) П. Н. Милюков.—«История второй русской революции», т. I, вып. I, стр. 96.

мелкобуржуазной демократией буржуазии. Шесть министров-социалистов сели за один стол с девятью министрами-несоциалистами.

Российские меньшевики и эсеры вступили в буржуазное правительство и стали, таким образом, министерскими партиями. Хотя и с порядочным опозданием, они как бы спешили приобщиться к практике европейского социал-реформизма, который особенно в годы войны показал так много образцов верной службы империализму. К Керенскому, «министру революционной театральности», в первом коалиционном правительстве прибавился еще пяток «министров успокоения», или «министров для посылок на успокоение» (выражения Ленина) [1].

Предложение о коалиции было вполне расчитанным ходом со стороны буржуазии. *Оно преследовало, прежде всего, задачу уничтожения двоевластия, за счет лишения власти советской организации.* Кадеты выставили следующие условия сотрудничества с социалистами: 1) Совет рабочих депутатов не должен издавать распоряжений, имеющих характер правительственных актов. 2) В частности, Совет отказывается от распорядительных действий по армии и петроградскому гарнизону. 3) Ведение войны должно быть подчинено военно-стратегическим требованиям для обеспечения успеха наступательных действий. 4) Во внешней политике должно быть поддерживаемо тесное единение с союзниками. Мир может быть заключен лишь согласно с ними.

С какими же целями шла в коалиционное правительство «демократия»? На экстренном заседании Петроградского совета 2 мая Церетелли так обосновывал необходимость принять предложение о коалиции: взять всю власть в свои руки Совет рабочих и солдатских депутатов не может—это оттолкнуло бы от дела революции и бросило бы в об'ятия сторонников старого режима широкие круги населения, которые сейчас могут еще итти вместе с революционной демократией. У демократии,—говорил он,—и без того много врагов. Если бы она без нужды плодила себе лишних врагов, она потерпела бы крушение.

Таким образом, вожди демократии шли на коалицию в глубоком убеждении, что буржуазия может еще представлять из себя революционный класс. Не было самообмана большего, чем этот. Достаточно вспомнить позицию буржуазии еще в 1905 г., чтобы оценить, насколько велика была эта иллюзия демократии. Еще тогда, в 1905 г., буржуазия ясно видела, какие опасности несет ей победа демократической революции. «Пора остановиться!—говорил тогда Гучков, едва буржуазия робким зигза-

[1]) Ленинский сборник № 4.—«К с'езду советов», стр. 313.

гом вступила на путь поддержки революции.—Мы своими руками подкладываем хворост в костер, который сожжет всех нас». Как в 1905 г., так и 12 лет спустя буржуазия смертельно боялась до конца доведенного демократического переворота, за которым следовало самое для нее страшное: борьба рабочего класса с буржуазным строем. Вторя Гучкову, Милюков уже 9 мая 1917 г. заявил на кадетском с'езде: «Нам говорили, что революцию нельзя вызвать. Это неправда. Я думаю, что ее можно вызвать, когда она нужна для блага и спасения родины. Но *если революцию можно вызвать, то ее можно остановить, если это тоже нужно для блага России*».

Буржуазия в 1905 г. соединилась с силами реакции, чтобы не дать перевеса буржуазно-демократической революции. Теперь, когда 12-летнее бурное капиталистическое развитие России и империалистская война невероятно приблизили опасность социалистической революции пролетариата, она завопила с *первых же дней*: «Пора остановиться!»

Эта позиция буржуазии подтверждала ту истину, что там, *где пролетариат выступает самостоятельно, буржуазия совершенно перестает быть революционным классом*.

Буржуазия, санкционировавшая маленькую революцию против феодально-помещичьей верхушки, в самых крайних своих дерзаниях не шла дальше конституционной монархии. Революционный напор заставил, однако, ее—хотя и не без ожесточенного сопротивления — сменить вехи. Потребовалась более утонченная форма, чем конституционная монархия. Буржуазия стала поэтому республиканской и демократичной. Что в самом деле могла она теперь иметь против бесчисленных фикций демократии, если только эта последняя наилучшим образом ее защитит от пролетарской революции? Буржуазия знала слабое место мелкобуржуазной демократии и тонко играла на ее самообмане и ее страхе отпугнуть от себя «живые силы». *Тактика буржуазии была основана на реальном расчете: мелкая буржуазия совершенно не была намерена бороться за свержение буржуазии. Она в самых смелых своих построениях не шла дальше раздела власти с буржуазией*.

Отражая явные настроения кадетов и буржуазных групп, правее их, «Новый экономист» в № 26—27 писал несколько позднее, когда новая коалиция была возглавлена Керенским: «*А. Ф. Керенский, как глава правительственной власти—гораздо большая гарантия порядка, нежели нерешительный и неавторитетный князь Г. Е. Львов... Среди вождей нашего социалистического движения есть люди высоко образован-*

ные, энергичные, талантливые. Из них могут выйти прекрасные министры».

Коалиционное правительство, образованное 6 мая, приняло условия кадетов. Тем не менее вожди мелкобуржуазной демократии изображали коалицию 6 мая как выдающуюся победу демократии. Эсеровский лидер Гоц говорил в Петроградском совете, что никаких опасений за последствия вхождения в состав министерства быть не должно. Когда социалист-революционер Чернов идет в министры земледелия, то он делает это для того, чтобы там осуществлять лозунг «Земля и воля». Для таких же целей идут в министерство Церетелли, Скобелев и Пешехонов. «Не в плен к буржуазии,—говорил Гоц,—идут они, а занимать новую позицию выдвинутых вперед окопов революции». «Земля и воля» (московская газета эсеров) писала 5 мая [1]) по поводу нового правительства, что «отныне окончательно стирается противоположность между народом и властью, ибо устанавливается новая, истинно-народная власть, власть революционная, которой должно быть обеспечено доверие всего народа».

Первое коалиционное правительство 6 мая вошло, таким образом, в историю как правительство мелкобуржуазных иллюзий и мелкобуржуазного соглашательства. В упоении достигнутой 6 мая «победой», Авксентьев заявлял, что «социалисты находятся в правительстве в положении диктующих». Другой лидер демократии, Войтинский, через некоторое время утверждал, что за все время коалиции министры-социалисты ни разу не были на заседании Временного правительства в меньшинстве.

Позднее, когда мы подробнее разберем практику правительства мелкобуржуазных иллюзий, мы увидим, каким самообманом и обманом масс были эти хвастливые заверения.

После июльских дней «революционная демократия» резко скатывается сразу еще на несколько ступенек по пути зависимости от империалистской буржуазии. При ее дружеском попустительстве, кадеты и военная клика (корниловцы и калединцы) приобретают решающее влияние на власть. Меньшевистско-эсеровский ЦИК совместно с корниловцами подавляет вооруженной рукой июльское выступление большевиков. Генералитет приобретает исключительное значение. На фронте восстанавливается смертная казнь. Против крестьян посылаются карательные отряды. Против рабочих поднимается волна локаутов. Все это свидетельствовало о гигантском росте влияния реакции, поставившей в порядок дня установление «порядка».

Видели все это вожди мелкобуржуазной демократии? Конечно, видели. На меньшевистском с'езде в августе Церетелли

[1]) Где не оговорен год цитируемых газет и журналов, там всюду подразумевается 1917 г.

говорил: «Широкие слои имущих классов... стремятся разрушить демократические организации в тылу и на фронте, привести к покорности народные массы». Но верный себе, он об'ясняет это недоразумением и влиянием «безответственных кругов буржуазии». Главную свою задачу вожди демократии видят в том, чтобы направлять «в хаосе разрушения» стихийное движение народа-гиганта «в русло планомерности» (слова декларации революционной демократии, оглашенной Чхеидзе 14 августа на Московском совещании).

Неудивительно, что умеренность «демократии» прославлялась на всех перекрестках. «Пролетариат,—говорил Зарудный на Демократическом совещании,—в лице своих вождей был так мудр, что сначала совершенно устранился от непосредственного влияния на дела правительства, затем контролировал действия правительства, потом делегировал во Временное правительство своих членов и сейчас, я надеюсь, что благоразумное большинство не заставит пролетариат взять в свои руки бразды правления». «Благоразумное большинство» демократии до конца своего номинального господства продолжало самообманываться и верить в революционность русской буржуазии даже тогда, когда эта последняя вопила исключительно о генеральской сабле.

Что же мы получили в итоге этой «эпидемии доверчивости» наших соглашателей? Итог этот подведен в следующей формулировке Ленина: «Два блока,—писал он,—вот кто правит Россией: блок социалистов-революционеров с меньшевиками и блок этого блока с кадетами, которые в блоке со всеми, стоящими правее их политическими партиями»[1]). Что представляла из себя первая часть этого «правящего блока блоков»?

Партия эсеров вобрала в себя с начала Февраля гигантскую массу самых разношерстных элементов. «Мода» на эсеров сразу подняла эту партию на громадную высоту и сделала ее самой большой в России партией. Многим кружил голову этот триумф эсеров. Но более искушенные в политических делах ясно видели его призрачность. «Стремительный рост нашей партии,—докладывал Зензинов с'езду социалистов-революционеров,—который мы все наблюдаем за последнее время, несомненно превзошел ожидания самых пламенных партийных оптимистов... Но этот успех партии имеет и свою теневую сторону. Постепенно ее рост приобретает угрожающий характер. Широкие народные массы, увлеченные так привлекательно звучащими для их ума и сердца лозунгами, но еще не прошедшие через строгую школу партийной работы, представляют, конечно, для партии немалую опасность, вливаясь в нее широкими потоками. Они рискуют затопить наши партийные организации

[1]) Ленин, т. XIV, ч. I, стр. 292.

и забить их мало подготовленной для партийного самоопределения толпой» [1]... Опасения Зензинова оказались более чем основательными. Сила, которую благодаря наплыву широких потоков мещанства в ряды партии приобрели эсеры, породила скоро поразительное бессилие этой партии.

Такая же судьба ждала и другую партию «революционной» демократии—меньшевиков. Ее успех был не так велик, как успех партии социалистов-революционеров, под знамена которой вначале охотно шло крестьянство. Меньшевистская проповедь, пугавшая «переоценкой» сил пролетариата и его «самоизоляцией», хотя и находила вначале отклик среди известных слоев пролетариата (мы позднее разберем, среди каких именно слоев), по мере развития революции слушалась все менее сочувственно. В ряды меньшевиков тоже очень скоро устремилась пестрая обывательско-мещанская толпа. Стародавняя рыхлость организационных основ, на которых покоилась партия меньшевиков, облегчала этот процесс, снимая с его пути всякие преграды.

Меньшевистские «Партийные известия» приводили следующие тезисы доклада по организационному вопросу на одной из провинциальных конференций социал-демократов. «3 принципа должны лечь в основу нашего организационного устава: 1) широко открытые двери партии обеспечивают массовый характер ее, 2) принятие программы и 3) регулярная поддержка партии определенным членским взносом,—вот единственные условия для вступления в члены партии» [2]. Эти принципы были общи не только для провинциальных организаций, а распространялись на всю партию. В настежь раскрытые двери обеих больших партий керенщины — меньшевиков и социалистов-революционеров—с первых дней Февральской революции хлынули, таким образом, самые разнородные элементы. А между тем именно эти партии были вознесены на небывалую высоту. Они собирали почти всюду в стране абсолютное большинство голосов. Им принадлежала почти безраздельная гегемония в массах в этот начальный период.

Мы видели, каковы были причины этого. Керенщина вытекала из остроты поднятых Февральской революцией вопросов; из необходимости для буржуазии произвести демократическую маскировку своей власти; из беспомощности неизжившил демократических иллюзий масс; из того, что крестьянство и крестьянская армия временно своей массой заслонили рабочий класс. Когда иллюзии рассеялись, когда рабочий класс снова

[1]) Протоколы III с'езда партии социалистов-революционеров, стр. 391.

[2]) «Партийные известия» — двухнедельник организационного комитета РСДРП № 3 от 26 августа 1917 г.

прочно занял исторически ему принадлежащее место вождя революционных масс города и деревни,—тогда массы резко отхлынули от эсеров и меньшевиков, так же быстро, как примкнули к ним.

Что же должен был делать пролетариат и его партия в условиях керенщины? Критическое, терпеливое, упорное раз'яснение ошибок и предательства мелкобуржуазных партий и тех добросовестно заблуждающихся масс, которые шли за этими партиями,—таков был «гвоздь» работы большевиков в этот период. Поскольку Временное правительство держалось соглашением с Советом, пролетариат не мог взять в свои руки власть без привлечения большинства трудящегося населения на свою сторону. Пока правительство держалось бессознательным доверием масс, борьба за завоевание масс становилась главнейшей задачей пролетариата и его единственным путем к власти. Упорная работа в массах, раз'яснение, критика, пропаганда, организация,—все это выступало на первый план. Дело изменилось, когда орудия силы ушли из рук большинства. Тогда на очередь дня выступила другая тактика—оружие критики было заменено критикой оружием; организация масс обратилась в организацию вооруженного восстания, которое в свою очередь не могло быть успешным без прежде проведенной работы по мобилизации масс. Но и в том и в другом случае перед партией пролетариата стояла одна общая задача: «готовиться к краху и революции в тысячу раз сильнее Февральской»[1]).

Своеобразие этой тактики и курс на социалистическую революцию, ясно намеченный Лениным в первый же день его возвращения в Россию, вызвали в рядах партии, которую переворот в Феврале застал крайне ослабленной, известные возражения. Споры сосредоточились вокруг оценки того этапа, через который проходила революция.

Тов. Каменев, возглавивший на апрельской партийной конференции оппозицию против оценок и тактики Ленина, следующим образом характеризовал свои взгляды: Февральская революция представляет собой буржуазно-демократическую революцию, которая происходит в самой экономически отсталой стране. В этих условиях невозможно говорить о курсе на социалистическую революцию—это было бы чистейшим авантюризмом.

«Советы рабочих и солдатских депутатов,—говорил тов. Каменев,—как свидетельствует одно их название, представляют собой блок мелкобуржуазных и пролетарских сил, перед которыми стоят еще незаконченные буржуазно-демократические задачи. Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок не мог бы существовать и перед ним

[1]) Ленин. «План брошюры об апрельской конференции». Ленинский сборник № 4, стр. 290.

никаких определенных задач не было бы, а пролетариат вел бы революционную борьбу против мелкобуржуазного блока».

По Каменеву получалось, таким образом, что:

1) Пролетарская революция не может иметь места, пока не пройдена такая-то и такая-то ступенька буржуазно-демократической революции. Подобная точка зрения обрекала тов. Каменева на полное доктринерство и абсолютное непонимание того, что пролетарская революция не отделена от демократической китайской стеной, что развитие революции может породить—и неизбежно порождает—переход одного этапа революции в другой. Как раз последнее и имело место в Февральском перевороте, в котором слились совершенно различные потоки и в который пролетариат внесл сильнейшую социалистическую струю.

2) Другое положение тов. Каменева о том, что на другой день после победы социалистической революции пролетариат должен был бы повести борьбу против мелкой буржуазии, резко расходится, как это очевидно, с ленинской постановкой вопроса о бедняцко-середняцких слоях крестьянства, как союзниках пролетариата.

Но если позиция Каменева способна была причинить громадный вред партии, ориентировавшейся на пролетарскую революцию, то не менее вредны были оценки движущих сил революции теорией «перманентной революции» тов. Троцкого, игнорирующей вовсе революционные возможности крестьянства. На общегородской Петроградской конференции в апреле Ленин счел необходимым особо оговорить это обстоятельство. «Троцкизм,—заявил он,—«без царя, а правительство рабочих». Это неверно. Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя».

Февральская революция осуществила прогноз большевизма об установлении революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства (а не прямиком диктатуры пролетариата, как говорил тов. Троцкий, отрицавший вовсе возможность буржуазно-демократической революции в России). Советы рабочих и солдатских депутатов и были своеобразным воплощением диктатуры пролетариата и крестьянства. Своеобразие заключалось в том, что, говоря словами Ленина на той же апрельской конференции, «жизнь сплела диктатуру пролетариата и крестьянства с диктатурой буржуазии. Дальнейшая ступень—диктатура пролетариата, но он еще недостаточно организован и просвещен, его надо просветить».

Этого своеобразного переплета и вытекающей из него тактики не поняли некоторые старые большевики; им,—но только им—приходилось потом «перевооружаться», чтоб итти в ногу с партией.

Партия в целом ясно отдавала себе отчет в оценке текущего момента, взяв ориентацию на высвобождение пролетариата и крестьянства из-под влияния демократических иллюзий и на подготовку к неизбежному краху мелкобуржуазной демократии [1].

Господство мелкобуржуазной демократии в Февральской революции 1917 г. носило в себе зерно гибели с самого начала. Исторические обстоятельства, обусловившие появление керенщины, отвели ей весьма короткий отрезок времени. Демократия не могла сколько-нибудь долго оставаться на той высоте, на которую она была вознесена специфическими условиями Февральской революции.

Мелкобуржуазная демократия не успела у нас сложиться в сильную организацию, подобно тому, как это имело место в Западной Европе. Такому ходу дел у нас помешало необыкновенно быстрое развитие капитализма, притом в самой передовой его форме. «Чем дальше к востоку,—говорит об этом М. Н. Покровский,—тем процесс развития капитализма был быстрее, революционнее, катастрофичнее... мелкобуржуазный мир был здесь уничтожен капитализмом раньше, чем успели создаться прочно мелкобуржуазная мораль и право...» [2]. Городское мещанство, которое являлось гегемоном буржуазных революций на Западе и которое рука об руку с молодым и еще слабым пролетариатом сражалось на баррикадах Великой французской революции,—это городское мещанство играло слишком незначительную роль у нас еще в революцию 1905 г.; тем более ничтожна была его роль в 1917 г. [3]. Капитализм, пришедший на почву нашей страны с известным опозданием, переносился зато во всей мощи новейшей техники и опирался на большие оборотные средства Запада. Он проявился поэтому с наибольшей резкостью, обострив до крайности противоречия двух основных классов современного общества—пролетариата и буржуазии.

---

[1] В то же время партия решительно отмежевалась от навязывавшейся ей в апреле группой большевиков во главе с тов. Богдатьевым линии на немедленное свержение Временного правительства. Ошибка группы тов. Богдатьева заключалась в том, что она не учла необходимости переваривания выбрасываемых партией лозунгов широчайшими массами. Партия отвергла линию тов. Богдатьева, считая необходимым обдуманный учет психики масс и продвижение вперед не иначе, как с основной массой пролетариата и крестьянства. В основе этой тактики лежало постепенное и действенное подведение самих масс—через их собственный политический опыт—к партийным лозунгам в самом развернутом их виде.

[2] М. Н. Покровский.—«Очерки истории русской культуры», ч. II, стр. 340.

[3] «За некоторыми исключениями мелкие торговцы не были организованы, а ремесленники скорее придерживались направления пролетариев-рабочих, чем самостоятельных хозяев».—рассказывает В. Ауербах в «Архиве русской революции» Гессена (т. XIV, стр. 37. Берлин).

Промежуточные элементы—элементы мелкой городской ремесленной промышленности—столь сильные в свое время в странах старого капитализма, у нас не получили соответствующего развития. Они были раздавлены или оттеснены назад крупной индустрией, раньше чем успели как следует сложиться [1]).

Место ремесленной и полупролетарской демократии занял у нас пролетариат. К 1917 г. он играл уже слишком важную роль в общественном производстве страны, чтобы служить одной лишь подпоркой буржуазной революции. Прошедший через горнило катастрофического роста капитализма и империалистической войны пролетариат лишь в самых незначительных своих частях проявлял оппортунистическую уязвимость.

Крестьянство к этому времени прошло тоже через основательную капиталистическую переделку, но его (крестьянства) промежуточное классовое положение не могло не сказаться в ряде колебаний и перебежек то в сторону реакционной буржуазии, то в сторону революционного пролетариата. Эти колебания и эти перебежки крестьянских масс вносили неоднократно резкие и исключительно важные изменения в соотношение классовых сил. Они подчас целиком определяли победу того или иного класса: империалистской буржуазии, во время июльских дней, пролетариата — к моменту Октября. Очень скоро крестьянство, неспособное к самостоятельной политической борьбе и нуждающееся в руководстве со стороны какого-либо городского класса, было поставлено перед выбором: либо при-

[1]) По данным анкеты министерства торговли и промышленности («Ремесленники и ремесленное управление в России». Петроград, 1916 г.— Цитировано по Финн-Енотаевскому «Капитализм в России», стр. 131—134) в 1910 г. в городах России насчитывалось всего 110.642 ремесленника единоличных или с одним наемным рабочим и 103.469 заведений с числом рабочих от 2 и выше. Каков был удельный вес городской ремесленной промышленности, можно судить по следующему: в 1913 г. промышленный товарооборот, подлежащий промысловому обложению, составил у фабрично-заводских предприятий 6.882 млн. руб.; у кустарно-ремесленных — 790 млн. руб., т.-е. всего 11,8% крупной (С. Г. Струмилин, ст. «Наш довоенный товарооборот» в журнале «Плановое хозяйство» № 1, 1925 г.). Для 1895 — 98 гг. доля городского ремесла была выше, достигая почти 15% фабрично-заводской промышленности (ibid). Динамику соотношения крупной и кустарно-ремесленной промышленности наглядно отражают данные об основном капитале крупной и кустарно-ремесленной промышленности. Если в 1890 г. основной капитал крупной промышленности составлял 761 млн. руб., а кустарно-ремесленной—76 млн. (ок. 10% крупной), то в 1913 г. картина меняется еще более: основной капитал крупной—3,9 млрд. руб., а кустарно-ремесленной—216 млн. руб., т.-е. около 5% крупной (Струмилин, «К проблеме капитала в СССР»).

знание гегемонии либеральной буржуазии, либо революционного пролетариата.

Обстановка революции 1917 г. неизбежно приводила громаднейшую часть деревни под руководство именно революционного пролетариата. Ни крупная буржуазия, ни мелкобуржуазная демократия не оказались в состоянии удовлетворить насущные требования крестьянства. Особенности развития капитализма в России, соединявшие буржуазию с крепостниками-помещиками и не создавшие крепкого мелкобуржуазного слоя в городах, толкали крестьянство—за исключением самых верхушечных его частей—непосредственно под влияние пролетариата. Крестьянство неизбежно должно было пойти за пролетариатом не только потому, что это был единственный городской класс, под руководством которого оно могло получить землю и последовательно довести до конца аграрную революцию. Крестьянство неизбежно должно было пойти за пролетариатом и потому, что в условиях революции 1917 г. рабочий класс один мог указать путь к выходу из войны и заключению мира. Мы видим, таким образом, что крестьянство, несмотря на его персметывания, не могло в конечном счете стать сколько-нибудь надежной опорой режима мелкобуржуазной демократии.

Итак, анализируя составные части того обширного и в достаточной мере неясного понятия, которое носит название мелкобуржуазной демократии, нам нужно признать, что и для пролетариата и для подавляющей части крестьянства мелкобуржуазная демократия оказалась только временной, первоначальной формой их политического бытия.

Кто же в таком случае составлял основное ядро, главный корпус мелкобуржуазной демократии?

Собственная социальная база партий мелкобуржуазной демократии была ничтожно узкой. Если эсеры и меньшевики, эксплоатируя особенности послефевральской ситуации, стали гегемонами в рабочих и, особенно, в крестьянских массах, то в их собственной среде безраздельная гегемония принадлежала интеллигенции: представителям так называемых «свободных профессий» (адвокатам, врачам и т. д.), торгово-промышленным и банковским служащим, бухгалтерскому и техническому персоналу в широком смысле, деревенским «культурникам» кулацкого типа. Особо важная роль принадлежала при керенщине технической интеллигенции.

Обезличение хозяйственных процессов в монополистически-капиталистическом обществе приводит к тому, что капиталиста, как непосредственного организатора и руководителя производ-

ства, полностью заменяет техническая интеллигенция. Буржуазия теперь уже не имеет времени, чтобы управлять,—она только господствует. Функции управления, контроля, руководства и надзора теперь вовсе отделены от буржуазии и целиком переданы технической интеллигенции. Эти функции, срастающиеся в капиталистическом обществе с функциями эксплоатации, порождают особое положение, занимаемое в обществе указанным слоем,—промежуточное между пролетариатом и буржуазией. В области производства роль технической интеллигенции сводится к тому, чтобы помочь капиталисту поднять технику и организацию предириятия и, таким образом, дать возможность при помощи увеличения, главным образом, относительной прибавочной стоимости увеличить степень эксплоатации рабочих. Служба технической интеллигенции обыкновенно высоко ценится капиталом, который тем охотнее отказывается от ее эксплоатации, чем более важные услуги она ему оказывает. Конечно, не все слои интеллигенции и служащих находятся в таком привилегированном положении при капитализме. Чем значительнее рост интеллигенции, тем более она пролетаризуется. Много представителей интеллигенции и служащих оказываются в итоге на низу общественной лестницы, и уровень их жизни иногда спускается даже ниже уровня жизни пролетариев. Подгоняемые кризисом, эти пролетаризующиеся слои интеллигенции могут (как это было в Германии осенью 1923 г.) колебнуться в сторону пролетариата. Но целый ряд социальных качеств делают подавляющую часть интеллигенции существенно отличной от фабричных рабочих. Прежде всего, далеко не все слои интеллигенции являются наемными работниками. К примеру—адвокаты, врачи, живущие только своей практикой, журналисты и т. д. Эти группы продают не свою рабочую силу, а готовые плоды своего труда, и потому мы находим в них много сходства с мелкой буржуазией и ремесленниками.

Другая часть интеллигенции, хотя и живет наемным трудом, но опять-таки существенно отличается от индустриального пролетариата. Значительные слои этих «пролетариев в крахмальных воротничках» могут при капитализме рассчитывать подняться вверх по социальной лестнице—в итоге верной службы капиталу или вследствие развития капитализма, роста колоний и усложнения государственной машины, открывающего новые точки приложения интеллигентного труда [1]).

Слои «умственных работников», служащих и административно-технического персонала, таким образом, р а с ш и р я-

[1]) См. ст. Н. Мещерякова: «Новые вехи» в сборнике «Интеллигенция и революция».

ются и умножаются с развитием капитализма[1]). *Все эти слои непосредственно заинтересованы в режиме «демократии», так как при нем они имеют возможность играть, на ряду с крупной буржуазией, первую роль.* В силу своего специфического положения в производстве и в силу всех своих жизненных условий и привычек, *эти слои являются главной опорой партий социальных реформ.* Они не прочь принять марксизм, но выхолощив из него революционное содержание. Они не прочь об'явить себя революционерами (даже ультра-революционерами на словах), но при условии отсутствия каких бы то ни было решительных революционных *действий.* Они не прочь примкнуть к социализму, но превратив его предварительно в осторожненький, доктринер-

---

[1]) Насколько значителен этот рост, видно из следующих данных: В Северо-Американских Соединенных Штатах число специалистов, инженеров, врачей, представителей административно-контрольного персонала и лиц свободных профессий составляло в 1910 г. 2.482.478 чел., 6,5% всех работающих по найму, а в 1920 г.—3.540.608 чел.—8,5% всех работающих по найму (см. у С. Вольфсона: «Интеллигенция, как социально-экономическая категория». ГИЗ 1926 г.). В Германии с 1882 до 1895 г. число наемных рабочих—по данным промысловой переписи—увеличилось на 62,9%, а служащих на 118,9%. (Каутский.—«Анти-Бернштейн», стр. 205). Для 1907 г. Каутский определяет эти слои в 2.377.000 чел.; с 1882 по 1907 г. число служащих в Германии учетверилось, а число рабочих за то же время не вполне удвоилось (Каутский.—«Пролетарская революция и ее программа». Берлин 1923 г., стр. 49—50). Бухарин в ст. «Буржуазная революция и революция пролетарская» приводит такое соотношение между рабочими и технической интеллигенцией в крупнейших предприятиях Германии (в 1906 г.): металлургия и горное дело: на 30—26 рабочих—1 служащий; вязальные фабрики: на 18—25 рабочих—1 служащий; ткацкие фабрики: на 12—10 рабочих—1 служащий; верфи: на 16—8 рабочих—1 служащий; машиностроительные заводы: на 12—4 рабочих—1 служащий; газовые заводы: на 9—4 рабочих—1 служащий; химические заводы: на 7—6 рабочих—1 служащий». (Сб. «Атака», стр. 228). По переписи 1925 г. служащие и чиновники со своими семьями составляют в Берлине около 28% всего его населения. В отдельных районах города они составляют от 37 до 39% (ст. «Берлин в свете новой статистики», «Правда» от 10/III 1927 г.). Не приходится сомневаться в том, что Россия не составила исключения в этом процессе роста технической интеллигенции параллельно развитию капитализма. Рост этот особенно заметен с конца XIX в. По переписи 1897 г. лица свободных профессий и общественных служащих составили 1.175 тыс. чел. Для 1917 г. возьмем хотя бы статистику населения Петрограда. «Рабочий путь» от 13/X—1917 г. приводит такие данные: на 1 октября 1917 г. в Петрограде числилось металлистов 195 тыс. чел., телегр. служащих—4.700 чел., служащих конторского труда—20 тыс., почтовых служащих—6 тыс., банковых служащих—около 10 тыс. Таким образом, одни только перечисленные—далеко не все—категории служащих составили до 20% общего числа рабочих-металлистов в Петрограде.

ский, мещанский социализм. Именно эти слои дали партиям эсеров и меньшевиков самых надежных рядовых и почти всех вождей.

Интеллигенция, отчетливо понимающая узость своей собственной социальной базы, всегда стремится привязать свой утлый челн к корме большого корабля. Или она тянется в хвосте за крупной либеральной буржуазией, с которой ее привилегированную верхушку связывают многочисленные нити, или же, когда классовые антагонизмы начинают со слишком большой силой раздирать общество, буржуазия выдвигает на время вперед интеллигенцию—своего «говорящего и пишущего» представителя—в качестве наименее дискредитированного в глазах масс слоя. В этом последнем случае интеллигенция под флером якобы «общеклассовой» силы несет капиталу еще более верную службу в качестве буржуазного идеолога и истолкователя крестьянской и рабочей революции. Ни один общественный слой не годился у нас для торможения революции в такой мере, как интеллигенция[1]). Деревенская интеллигенция (земские служащие, агрономы, врачи, организаторы и деятели деревенской кооперации, статистики, учителя и т. д.), которая была зачастую в положении гонимой при старом строе, получила после Февральской революции монополию политической и культурнической деятельности. Сельская буржуазия («первые либералы» в деревне), как наиболее грамотная и культурная часть деревни, близко сходилась с этой интеллигенцией. Она обрабатывала ее в свою пользу и все теснее с нею связывалась. В городах интеллигенция,—так же как в армии и в деревне,—приобрела после Февральской революции огромное влияние и выдвинулась на передовую линию. Слои, принадлежащие к категории свободных профессий и технической интеллигенции, сделались в городах представителями либеральных тенденций в рабочем движении. Их опорой служила рабочая аристократия и торгово-промышленные служащие, пока масса этих последних не освободилась от руководства своих буржуазных верхов.

Поскольку Февральская революция открыла интеллигенции широчайший простор для ее деятельности, поскольку она предоставила слоям технической интеллигенции и «свободных профессий» громадное влияние в стране—постольку революция для этих слоев была окончена уже в феврале. Но интеллигенция, взявшая на себя функции торможения рево-

[1]) Позднее мы увидим эти же слои организующими самое ожесточенное сопротивление пролетарской власти в форме саботажа.

люции, не обладала самостоятельной классовой силой. Вследствие этого судьба нашего мещанского социализма в 1917 г. могла сложиться двояким образом: или интеллигенция, вознесенная на время на вершину, должна была по окончании своей «миссии» уступить место диктатуре крупного капитала; или же, в случае поражения буржуазии, она должна была уступить место диктатуре пролетариата, которая кладет конец одновременно и буржуазии и ее мелкобуржуазной агентуре. Само появление на исторической авансцене интеллигенции в качестве последнего якоря спасения—признак исключительного обострения классовых антагонизмов, которое может найти себе исход лишь в победе одной из решающих сил современного общества—пролетариата или буржуазии.

Условия 1917 года предрекали неизбежную и скорую гибель номинальному господству мелкобуржуазной демократии[1]). Не было массы, на которую она могла бы всерьез опереться. Поставленная перед острейшими и сложнейшими вопросами современности, мелкобуржуазная демократия, возглавленная интеллигенцией, была осуждена на то, чтобы ежедневно демонстрировать свою зависимость от крупной буржуазии и свое полнейшее бессилие удовлетворить требования масс.

Керенщина, таким образом, доказывала каждым днем своего существования, что она является не чем иным, как **мелкобуржуазной формой буржуазной контр-революции**. Благодаря этому саморазоблачению керенщины, массы быстро постигали свои собственные ошибки и заблуждения. «Господство» демократии в конечном счете пошло в прок не только Октябрьской революции, которой оно расчистило дорогу. Предметные уроки керенщины и по сей день не потеряли своей ценности для международного пролетариата, для которого демократические иллюзии являются наиболе опасным—потому что внутренним—врагом. Мы перейдем поэтому к разбору тех предметных уроков, какие дал период керенщины.

❖ ❖ ❖

---

[1]) Иным путем, как известно, развивались события в Западной Европе. Мелкобуржуазная демократия, с которой, как и в России, буржуазия в испуге перед пролетарской революцией, разделила после войны власть в ряде стран, оказалась гораздо более крепкой, чем у нас (как более крепкой оказалась и буржуазия в этих странах). Пролетариат же, развращаемый в течение долгих лет оппортунистической практикой, связанный оппортунистическими традициями, обескровленный и измученный войной и наступившей в ее итоге разрухой,—оказался не в состоянии в своих первых боях опрокинуть керенщину у себя с такой же быстротой и сравнительной легкостью, как это было проделано в России. Если в России, благодаря победе пролетариата, из керенщины выросла власть советов, то в ряде западно-европейских стран из керенщины—в итоге победы буржуазии—выросла **фашистская диктатура**.

АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КЕРЕНЩИНА

Задачи аграрной революции. Крестьянское движение в послефевральский период. Земельная политика Временного правительства 1-го состава. Саботаж земельных реформ со стороны буржуазной части коалиции. Законопроект Маслова. Могла ли буржуазия пожертвовать крупным землевладением? Крах земельной политики керенщины.

Чернов так об'яснял мотивы вхождения социалистов в коалиционное правительство: «1) Нам, до революции производившим лишь работу разрушения и низвержения, надо было испробовать свои силы на положительной, созидательной работе и 2) нам надо было показать широким массам демократии нашу способность к этой работе. Наша работа во Временном правительстве должна была явиться для народа предметным уроком, свидетельствующим о том, что все его симпатии должны перейти от представителей цензовой России к представителям России народной» [1]).

Как видим, мелкобуржуазная демократия намеревалась не в шутку заняться положительной государственной работой во Временном правительстве.

Нам нужно поэтому познакомиться ближе с этой ее работой. Начнем с действий демократии в вопросе о земле.

Нерешенные в 1905 г. задачи аграрной революции выступили снова через 12 лет во весь свой гигантский рост. Через 15-миллионную армию крестьянство, с еще большей чем в 1905 г. силой, громко и властно заявляло о своем требовании аграрной революции.

Крестьянство ставило вопрос о земельном фонде, который был в руках казны, уделов, церквей, помещиков и поддерживал феодально-крепостнические пережитки в деревне. Как велик был этот земельный фонд? Он представлялся в таком виде:

---

[1]) «Дело народа», № 212 от 17/X.

дворянство имело	— 43,2	млн.	десятин
духовенство	— 3,2	»	»
купцы, почетные граждане и т. д.	— 17,9	»	»
мещане, ремесленники и пр.	— 3,7	»	»
купчая земля	— 30,4	»	»
Итого	— 98,4	млн.	десятин.

(данные относятся к 1911 г. и составлены по 47 губерниям) [1].

Если взять из всей частновладельческой земли только земли дворян, духовенства и купцов, то земельный фонд мог увеличиться на 64 млн. десятин.

Как видим, речь шла о вполне реальном земельном фонде больше чем в 60 млн. десятин, без обладания которым крестьянство прямо задыхалось. Если учесть, что вся находившаяся у крестьян надельная земля составляла по 50 губерниям 139 млн. десятин, то прибавление к этой земле 64 млн. десятин сразу увеличивало крестьянское землепользование приблизительно в полтора раза [2]. Из некрестьянских земель, обрабатываемых капиталистически, было только около 3 млн. десятин. Вся остальная некрестьянская земля или сдавалась по грабительским ценам или обрабатывалась полукрепостнически [3]. Арендная плата, тяжело придавившая крестьянское хозяйство, составляла 444—450 млн. руб. в год (В. Милютин, цитированная работа). Аграрный вопрос—важнейший вопрос буржуазно-демократической революции—не мог дальше оставаться нерешенным. Сломить экономическую силу помещика, уничтожить все феодально-крепостнические пережитки—такова была главная задача деревенской революции. К этому сводились могучие стремления крестьянства.

Как ни мучительно долго стояла «земля» в порядке дня русского крестьянина,—он ждал, однако, первые месяцы Февральской революции сравнительно спокойно.

«1905—1906 гг. были еще слишком живы в памяти крестьян, и поэтому итти старым путем крестьянские массы не захотели. С небывалой настойчивостью стали искать законного во что бы то ни стало пути к борьбе с помещиками»,—описывала «Новая жизнь» этот период [4]. Началась тяжебная

[1]) Статистический справочник по аграрному вопросу лиги аграрных реформ, Москва, 1917 г. вып. I, «Землевладение и землепользование».

[2]) В. Милютин.—«Земельный вопрос в России». Петроград. 1918 г. Правда, данные эти очень приблизительны и, как средние, скрывают большие различия в зависимости от района и других обстоятельств (как соотношение полевых угодий и лесов в помещичьей земле).

[3]) С. Дубровский.—«Очерки русской революции», вып. I, стр. 195.

[4]) Ст. Д. Михайлова.—«Крестьянское движение» в номере от 15/XII—1917 г.

горячка. «Из-за каждого спорного, много лет забытого клочка земли, чересполосной полосы, выгона, покоса или угодий крестьяне тащили помещика в суд».

Крестьяне верили, что вышедшая из революции власть удовлетворит их справедливейшие требования землицы. Но разве чисто буржуазное Временное правительство первого состава могло удовлетворить крестьянские требования? Наоборот, оно приняло все меры, чтобы помещики не были даны в обиду. 21 апреля оно издало закон о земельных комитетах, где подчеркивалось, что комитеты действуют на основании существующих, т.-е. дореволюционных законов. Крестьянство, бросившееся в поисках правды в суды, встретилось там со старой знакомой юстицией. «Все провинциальное чиновничество,— описывает вышеприведенная статья Д. Михайлова,—со всеми судьями, прокурорами, адвокатами и нотариусами сразу наименовали себя кадетами, затянули прежнюю волокиту со всеми крючками, зацепками и отводами».

Тогда началась «раскупка» помещиков. «Скот, зерно, сельскохозяйственные машины и орудия, сани и телеги, все «под чистую» разбиралось крестьянами—без торгу, по какой угодно назначенной цене». Даже мелкие постройки переносились и машины забирались, хотя и без пользы. Характерно при этом стремление крестьян обставить все «по закону», придать аграрным беспорядкам вид своеобразной «покупки». «Почти всегда,— свидетельствует Д. Михайлов,—в угрожающий момент крестьянскую массу можно было удержать указанием на незаконность их действий. Достаточно было сказать: вот ключи, вот амбары—коли хотите делать самовольно—делайте, забирайте— крестьяне тотчас же отступали от владельцев».

Не только первый состав Временного правительства положил под сукно требования крестьянства. Эту же линию продолжало и коалиционное правительство, в котором было порядочное представительство «социалистов».

Ни одного решительного шага до Учредительного собрания,—такова была программа, которую демократия проводила вкупе с буржуазией. «Всякая ломка,—говорил Прилежаев на III с'езде партии эсеров,—могущая внести дезорганизацию в сельскохозяйственном производстве, всякие сепаратные выступления на почве захвата земли, ценных культур и пр., неизбежно являются реакционными, и партия должна их заклеймить, как таковые» [1].

Но терпение крестьянства быстро истощалось. Уже в мае, на Всероссийском крестьянском с'езде, была вынесена резолюция с требованием о передаче в ведение (т.-е. на учет и под

[1]) «III с'езд партии эсеров», стр. 55.

контроль) земельных комитетов всех земель сельскохозяйственного назначения. Этот с'езд в то же время присоединился, однако, к призыву ждать с разрешением земельного вопроса до Учредительного собрания.

Чем ниже был крестьянский орган, тем больше выявлял он нетерпение крестьянских масс, тем ближе была его позиция к настроениям крестьян и наоборот.

Ряд губернских крестьянских советов (Казанской губернии, Пензенской, Самарской, Нижегородской и др.) выносил решения брать земли до Учредительного собрания. Делегаты Всероссийского с'езда в этих советах «раз'ясняли», что с'езд одобрил разрешение земельного вопроса самими крестьянами. Уездные советы крестьянских депутатов еще чаще выносили решения брать землю до Учредительного собрания [1]). В центре же всякий мало-мальски существенный шаг в направлении удовлетворения крестьянских требований встречал упорное сопротивление и саботаж со стороны буржуазных представителей Временного правительства. Всплывший в июне закон о воспрещении сделок на землю не мог быть проведен в жизнь из-за того же самого саботажа. Понадобилось июльское выступление и отставка Львова [2]), чтобы этот скромный подготовительный закон был опубликован (да и то в урезанном виде). «В основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль о переходе земли в руки трудящихся»,—возвещала декларация Временного правительства от 8 июля. Крестьянство же хотело не б у д у щ е й земельной реформы, а н а с т о я щ е й; одна м ы с л ь о переходе земли его совершенно не удовлетворяла. Ему нужно было д е л о, а не мысль. Декларация же коалиционного правительства не говорила даже обо в с е й земле. Зато в ней имелось упоминание об организации земельных комитетов, «не предрешающих основного вопроса о праве собственности на землю».

Наконец, перед самым крушением керенщины появился на свет божий министерский законопроект Маслова о земле. Этот недоношенный закон знаменовал отступление партии эсеров от своих давних программных требований. Он расходился с крестьянскими требованиями и был гораздо правее их.

Разраставшееся крестьянское движение требовало отмены права частной собственности на землю, обращения всей частновладельческой и т. д. земли во всенародное достояние, конфискации всего хозяйственного инвентаря. Проект Маслова

---

[1]) Журнал «На аграрном фронте» № 2 за 1926 г., ст. И. Верменичева: «Аграрное движение в 1917 г.»

[2]) Не случайно кн. Львов сложил с себя звание министра-председателя, мотивируя это разногласиями именно по земельному вопросу.

ограничивался передачей только части помещичьих земель во временный арендный фонд. Из этого фонда должны были временно наделяться крестьяне, располагавшие слишком недостаточным количеством земли. Примечательно, что в этот фонд барская запашка почти не входила—она допускалась с величайшим ограничением; таким образом, частные экономии обеспечивались эсерами за их владельцами. Крестьянство должно было часть арендных денег уплачивать государству, а часть—тем же помещикам. И этот-то проект был об'явлен эсеровским официозом, «Делом народа», «крупным шагом к осуществлению аграрной программы партии» [1]. Необходимо при этом еще отметить, что земельные комитеты (исключая волостные), на которые была возложена земельная реформа, были построены совершенно недемократично. В Главном земельном комитете большинство было так составлено, что превалировали кадеты и стоящие правее их.

Земельные комитеты оставались без всяких правовых норм, определяющих их функции. Постановления земельных комитетов не были обязательными ни для помещиков, ни для крестьян. Этим бесправным положением земельных комитетов воспользовались «союзы земельных собственников», которые привлекали на свою сторону не только помещиков, но и часть крестьян, выделившихся на хутора и отруба или имевших купчую землю. Если земельные комитеты в массе пошли за эсерами и в них имели очень солидное представительство кулацкие слои крестьянства, то крестьянские массы в ряде местностей пошли своим путем. В большинстве случаев аграрное движение останавливалось, однако, на полдороге, не приводя к полной конфискации, но в то же время переворачивая вверх ногами старые отношения.

Законопроект Маслова опять-таки благодаря кадетским союзникам «демократии» не мог стать законом. Но, если бы он и получил санкцию закона, он ничего сделать не мог,—было уже поздно: крестьянство, мучительно долго ждавшее «законного» разрешения земельного вопроса, потеряло терпение, и вся страна запылала крестьянскими восстаниями. Тем не менее еще 22 октября петроградские газеты сообщали, что Временное правительство все продолжает рассматривать проект Маслова о передаче земли земельным комитетам, что из имеющихся в законопроекте около 100 статей рассмотрено пока только 4, причем рассмотрение и этих статей не закончено. «Законопроект,—сообщали газеты,—встречает сильные возражения со стороны значительной части министров».

---

[1]) См. «Спутник коммуниста» № 26 за январь 1924 г. ст. Астрова: «Тактика левых эсеров в эпоху пролетарской революции», стр. 212—213.

Чернов писал в «Деле народа» (№ 145): «Политика, столкнувшая кадетов с социалистами, в частности с партией эсеров—земельная политика. Торгово-промышленный класс в этой политике не играет большой роли. Он может с головой выдать крупное землевладение, так как деревня создает ему нового потребителя».

Но «торгово-промышленный класс», являясь опорой империалистской политики, искал нового потребителя совсем на других рынках—внешних, а не внутренних. «Торгово-промышленный класс» вовсе не оказался склонным выдать с головой крупное землевладение. Это мы видели в 1906 г., когда Рябушинские и Четвериковы поддержали Столыпина. Это было и в 1917 г., когда буржуазия готова была с головой выдать все завоевания буржуазно-демократической революции ставленнику помещичьей контр-революции—Корнилову. Секрет такой «неразумной» политики буржуазии кроется в весьма реальных экономических интересах.

Капиталистическое развитие России давно сплело в один клубок интересы крупных помещиков, промышленников и банкового капитала. Задолженность частного землевладения банкам равнялась в 1915 г. $3\frac{1}{2}$ млрд. руб. [1]). В конце 1917 г. эта задолженность была по курсу рубля равна приблизительно 30 млрд. руб. [2]). Понятно, какой сильный удар был бы нанесен банкам передачей земли крестьянам без выкупа. Конфискация помещичьих земель превратила бы в простую бумагу все «закладные листы» на эти земли, а между тем большое количество этих «закладных» находилось в банках. Стоимость, создаваемая в деревне, большей частью переходила через помещиков в индустрию на покупку акций и т. д. Империалистская политика крепко связывала воедино крупных промышленников и крупных экспортеров зерна и сахара. Сращивание буржуазии и помещиков через банки и акционерные компании отразилось и в создании кадетской и октябристской партий, куда на ряду с промышленниками входили и либеральные помещики. В годы войны это привело к созданию прогрессивного блока.

Выдающаяся роль экспорта хлеба, на котором держалась финансовая устойчивость государства и туземное накопление, также делала буржуазию еще в 1905 г. сторонницей устойчивых отношений землевладения. За военный период в руках буржу-

---

[1]) П. Маслов исчисляет для 1913 г. задолженность частного землевладения и городской недвижимости в учреждениях долгосрочного кредита в 5.300 млн. руб.: $3^1/_2$ млрд. долга земельных собственников и $1^3/_4$ млрд.—городской недвижимости («Итоги войн и революций». М. 1918, стр. 192). Финн-Енотаевский («Капитализм в России», стр. 327) исчисляет задолженность сельского землевладения в 1917 г. в 3.924 млн. руб.

[2]) Ст. Преображенского в «Правде» от 17/XII—1917 г.

азии сосредоточилось много земельных участков (вследствие разорения части помещиков, из-за падения ипотек и обесценения денег, вследствие топливного кризиса, побуждавшего предпринимателей покупать лесные угодия, и т. д.). Эта «аграризация» промышленников еще более связывала братскими узами промышленность и землевладение. И в 1917 г. мы видим со стороны промышленников не желание выдать с головой крупное землевладение, а полную готовность всеми мерами сохранить помещичье землевладение [1]).

Когда комитет с'ездов коммерческих банков узнал о предполагаемом постановлении, приостанавливавшем земельные сделки до Учредительного собрания, он подал кн. Львову тревожную записку: «Постановление это,—говорилось в ней,—грозит такими осложнениями и потрясениями, что следовало бы ранее принятия проектируемой радикальной (!) меры тщательно продумать все ее результаты» [2]). Банки не даром были встревожены. Падение ценности закладных листов грозило потрясти всю систему ипотечного кредита.

«Страшная это вещь—раздел чужой земли и чужого имущества!»,—это восклицание «Нового экономиста» (№ 39—40) лучше всего характеризует настроения торгово-промышленной буржуазии в вопросе о земле.

Российские помещики, часто вкупе с российской промышленной буржуазией, стали спешно организовываться против угрожающей им опасности. «Будущие пролетарии, русские землевладельцы, соединяйтесь!»—гласила одна безымянная прокламация. Спешно созданные союзы земельных собственников охватили более 30 губерний. Помещики стремились привлечь в эти союзы и мелких собственников-кулаков, играя на опасности, угрожающей якобы и им. В Новгород-Северском союзе земельных собственников было 3.000 членов, в Полтавском—1.200, в Одесском, Екатеринославском—по 500 членов. В Тамбове об'единились союз землевладельцев с торгово-промышленным. На Рязанском с'езде земельных собственников один из помещичьих лидеров говорил: «Совет всероссийского союза земельных собствен-

[1]) Находились, правда, такие промышленники, которые ставили вопрос, чтобы пожертвовать интересами помещиков (согласившись на выкуп) и приобрести благодаря этому такого союзника, как крестьянство, которое тоже «за собственность» (мы имеем в виду выступление Равкинда на с'езде представителей промышленности и торговли. См. «Пролетарскую революцию» № 10 за 1926 г., стр. 232). Но подобное выступление явилось совершенно одиноким исключением. Если у радикальных буржуа, даже в период начинающегося капитализма, часто не хватало храбрости отстаивать на деле признаваемую ими в теории ликвидацию помещичьего землевладения, то тем меньшей была эта храбрость в 1917 г.,—когда капитализм шел к гибели.

[2]) «Торгово-промышленная газета» от 9 июня 1917 г.

ников вошел в тесную связь с советом с'ездов представителей промышленности и торговли и пользуется сочувствием банков, особенно земельных».

Стоит почитать, с каким сочувствием к помещику, вся без исключения буржуазная печать раздувала сведения о крестьянских «беспорядках» и об «анархии» в деревне, чтобы не оставалось никаких сомнений в наличии блока, общая программа которого: никаких покушений на священную частную собственность!

Родичев говорил на с'езде кадетов: «Институт личной земельной собственности уничтожать нельзя, потому что этот институт еще живет в народном правосознании». «Справедливое» вознаграждение за отчужденную землю,—к этому сводилась вся программа кадетов в земельном вопросе. Что же говорить о группах правее их? «С'езд русских избирателей» Киевской губернии под председательством Шульгина вынес такое решение о земле: «Принудительное отчуждение, если оно явится необходимым, должно быть проведено так, чтобы оно было продолжением реформы 1861 г.». Откровеннее этого, кажется, трудно было сказать. На с'езде партии кадетов в конце марта ЦК заявил, что «не имеет никаких конкретных предложений по существу аграрного вопроса» и отложил вопрос до следующего с'езда. Но если буржуазно-помещичий блок и имел что-либо предложить по аграрному вопросу—так это ни в коей мере не соответствовало стремлениям крестьянства и надеждам, пробужденным в нем революцией. Ленин еще в период первой революции писал: «Буржуазии выгодно было, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, чтобы преобразования были как можно осторожнее к почтенным учреждениям крепостничества» [1]). 1917 год подтвердил эту характеристику.

Помещичье-буржуазное разрешение аграрного вопроса означало на деле сохранение старых крепостнических отношений [2]). Все усилия буржуазной части коалиции свелись к задержке и саботажу всяких серьезных земельных мероприятий. Напрасно Чернов, мнивший себя «мужицким» министром, все ждал, что Временное правительство назначит «земельный день» для рассмотрения накопившихся законопроектов о земле. Он этого

---

[1]) Ленин.— «Две тактики», т. VI, стр. 335.

[2]) Это же подтверждается целиком и всей дальнейшей историей российской контр-революции. В деникинской России, гетманской Украине и на Дону у генерала Краснова торгово-промышленный класс оказывался гораздо менее влиятельным, чем помещики. Несмотря на опыт 1917 г., ни один из белогвардейских правителей не был способен выставить такую аграрную программу, которая хоть сколько-нибудь могла удовлетворить основную массу крестьянства.

дня так и не дождался. Аграрная проблема могла быть решена только помимо и вопреки воле буржуазных классов. История ставила вопрос еще определенней: удовлетворение земельных требований крестьянства, конфискация всей частновладельческой земли были невозможны без свержения власти капиталистов.

Мелкобуржуазная демократия добивалась не свержения буржуазии, а только разделения власти с нею. Отсюда—полнейшая неспособность господствующей партии эсеров удовлетворить самые насущные требования крестьянских масс. Только за несколько недель до Октябрьского переворота эсеровское «Дело народа» (в № от 29 сентября) вынуждено было с грустью констатировать: «Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне».

Это был смертный приговор над «крестьянской» партией эсеров. Вместо разрешения земельного вопроса в пользу крестьянства, последнее увидело в деревне карательные отряды, посланные эсеровским правительством; вместо поддержки могучей тяги крестьянства к земле—эсеры заклеймили аграрные захваты до Учредительного собрания. Крестьянство же в свою очередь заклеймило эсеров. «Предметный урок», данный правительством «революционной демократии», пошел впрок [1]).

[1]) Помесячные данные об аграрном движении позволяют проследить связь его с революционным движением пролетариата в городах: в марте—17 «правонарушений», апреле—205, мае—558, июне—1.122, июле—694, августе—630 (данные из ст. Дубровского «Аграрное движение в России». Большая советская энциклопедия, т. I, стр. 481). Всего за 1917 г. до октября включительно было 5.519 революционных выступлений крестьянства, в то время как за весь период 1908—1913 гг. число этих выступлений составило 3.544 («Экономическая жизнь» от 12/III—1927 г., ст. Дубровского).

В докладе Главного управления милиции об аграрных беспорядках с 1 марта по 1 октября 1917 г. мы читаем: «Подавление большевистского выступления в Петрограде и энергичное обращение министра внутренних дел Церетелли к представителям местной власти, повидимому, нашли отклик и в деревне, и во 2-й половине июля месяца число правонарушений аграрного характера несколько уменьшается (процентов на 12)» (цитировано по «Хрестоматии Октябрьской революции» Флеера). Но с новым под'емом революции в городах, после корниловщины, совпадает новая громадная волна крестьянского движения, которая в силу своих размеров уже не поддавалась учету. Деревня приучалась видеть в движении городских рабочих залог успеха или неуспеха своей борьбы—обстоятельство, далеко не маловажное для создания единого рабоче-крестьянского фронта в октябре.

КЕРЕНЩИНА И ВЫХОД ИЗ ВОЙНЫ

Маленькая революция и большая война. Финансовый капитал «союзников» в качестве министра иностранных дел керенщины. «Революционное оборончество». Война и хозяйственное разорение. Своеобразная стачка против войны. Комитеты в армии. Буржуазно-помещичье и пролетарское разрешение вопроса о войне. Позиция мелкобуржуазной демократии.

Маленькая революция и большая война—такова была формула буржуазных классов. Маленькая—в представлении буржуазии—революция против придворной германофильской бюрократии, этих пораженцев справа, была сделана—не важно, что чужими руками. Теперь оставалось по-настоящему организовать войну, т.-е. сохранить золотой поток для буржуазии при помощи военных заказов и для «либеральных» помещиков при помощи высоких цен на сельскохозяйственные предметы. Эти обстоятельства—как и опасение немецкой конкуренции—предрешили позицию буржуазных классов в вопросе о войне. Царизм оказался не в состоянии вести победоносно войну—он отдал немцам до 15 губерний. Ставшая после Февральской революции у власти буржуазия и видела свою главную задачу в затяжке войны и в организации ее победоносного исхода. Но, помимо буржуазии России, в решении вопроса о войне приняла участие еще одна сила—и не только приняла участие, но и прямо диктовала российской буржуазии решение. Эта сила—финансовый капитал «союзных» держав. Зависимость нашей отечественной буржуазии от заграничных капиталов, боязнь лишиться материальной помощи и кредитов, надежда в случае победы союзников осуществить свои собственные империалистские цели—все это создавало исключительную зависимость буржуазии России от воли финансового капитала «союзников».

Внешней политикой Временного правительства всех 5 составов руководил не кто иной, как триумвират союзнических послов—в первую очередь Англии и Франции. Ярким проявлением этого явилось коллективное заявление после корниловщины английского, французского и итальянского послов, о котором Терещенко в секретных телеграммах русским представи-

телям за границей писал: «Коллективное заявление трех послов произвело на нас тягостное впечатление как по существу, так и по форме, в которую оно было облечено».

Послы, мало церемонясь, настойчиво требовали, чтобы Россия рассеяла «опасения относительно силы ее сопротивления и возможности для нее продолжать войну» и «обеспечила таким путем поддержку союзников».

Они явно вмешивались во внутренние дела России: «Русскому правительству надлежит доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу».

Они угрожали: «Общественное мнение в союзных странах может потребовать от своих правительств отчета за материальную помощь, оказанную России». Керенский после «тягостного об'яснения с союзными послами» напомнил последним, что «Россия все же является великой державой» [1]). Но этот пафос был бы сколько-нибудь уместен, если бы за ним стоял хоть намек реальной силы. За крикливой фразой на деле скрывалась полная беспомощность. На просьбы коалиционного правительства о доставке паровозов, вагонов, рельсов и т. д. союзники отвечали многоговорящим воздержанием. Английское правительство отказалось от поставки обещанных $2\frac{1}{2}$ млн. пар обуви, но в то же время требовало новой зимней кампании со стороны русских солдат. Оно не давало и орудий, ссылаясь на то, что они могут попасть в руки немцев. Это равнодушие к помощи своему союзнику об'ясняется как разочарованием в военной силе России, так и тем, что к периоду керенщины Англия значительно увеличила численность своей армии, а вступившая еще в марте 1917 г. в союзническую коалицию Америка стала оказывать существенную материальную помощь.

Тем не менее—пока была еще хоть малейшая надежда на целость военной силы России, финансовый капитал Антанты требовал от своего российского филиала напряжения всех сил для продолжения войны. 130 немецких дивизий [2]) плохо ли, хорошо ли, но все-таки отвлекались русской армией от западного театра войны. И сжавшийся в боевой кулак англо-французский империализм требовал любых жертв, максимальной крови русских солдат, чтобы эти немецкие дивизии про-

---

[1]) Цитировано по эсеровскому сборнику «Большевики у власти». 1918 г. Ст. Чернова—«Внешняя политика большевизма».

[2]) Ген. Гофман в своих мемуарах («Война упущенных возможностей», стр. 141) говорит, что в течение всего лета 1917 г. на восточном фронте было занято только 80 германских дивизий.

должали удерживаться на восточном фронте [1]). «Россия должна воевать, а не разговаривать»—писал «Daily Chronicle» (цит. по «Русским ведомостям» от 18/VIII).

Иначе смотрела на дело армия. Состоявшая на 80% из крестьян, притом преимущественно бедняков и середняков (кулаки имели достаточно возможностей откупиться и извернуться от «налога крови»), армия, как и громадная масса крестьянства, ни в коей мере не была заинтересована в войне. «Оборонцем» мог быть только крепкий крестьянин: он был заинтересован в империалистических методах улучшения хлебного экспорта; ему одному могло быть выгодно принесенное войной повышение цен на хлеб; опасение немецкой контрибуции могло делать его патриотом. Крестьянская масса в своем огромном большинстве была против войны, которая увеличивала нищету в деревне, опустошала скотоводческое хозяйство, сокращала посевную площадь.

«Революционное оборончество», заразившее известную часть трудящихся в первый период опьянения революцией, не могло быть вследствие указанных причин не чем иным, как временным «добросовестным заблуждением» масс [2]).

[1]) Небезынтересны «агитпропские» приемы, которыми орудовал иностранный империализм в целях удержания России в войне. Один из этих приемов—поездки «социалистических» министров Европы (приезжали Альберт Тома, Гендерсон, Вандервельде), обращавшихся к массам с оборонческими проповедями. Английский посол в России сэр Бьюкенен рассказывает в своих «Мемуарах дипломата» о двух своих «новых друзьях»—Вилльяме Торне и Дж. О'Грэди, которые с теми же агитационными целями приехали в Россию. «Это были,—рассказывает Бьюкенен—блестящие типы британских рабочих, и я надеялся, что они произведут впечатление на рабочих депутатов в совете и заставят их понять, что мы воюем с германцами не ради империалистических или капиталистических целей». Увы, результат получился не очень успешный для Бьюкенена. Посол угрюмо сообщает, что Торн и О'Грэди должны были покинуть Россию «в очень подавленном настроении». (Кстати, об одном из этих «блестящих типов британских рабочих» В. Торне: один из основателей «Социалистической Лиги» в Англии, он к 1917 г. успел стать... полковником королевской армии). Любопытен также следующий эпизод: на фабрике товарищества Невской ниточной мануфактуры (3.000 рабочих) администрация не принимала никаких мер к доставке сырого материала (египетского хлопка). Рабочие обратились за помощью к г. Гендерсону, английскому министру труда, приехавшему как раз тогда в Россию. Министр ответил, что если рабочие согласятся поддержать Англию в войне,—то он немедленно телеграфирует своему правительству, и хлопок будет. Не менее любопытен другой случай, когда империалистической обработкой масс попытался заняться сам английский посол сэр Бьюкенен. Он пригласил рабочих на фильму «Танки и дредноуты» с целью показать военное могущество «союзников» и дискредитировать «пораженцев». Нечего и говорить, что все эти попытки не увенчались ни малейшим успехом. Наоборот, они еще больше убеждали массы в правильности интернационалистского пути революционной борьбы за мир.

[2]) «Революционное оборончество есть, с одной стороны, плод обмана масс буржуазией, плод доверчивой бессознательности крестьян и

Война была слишком большим бедствием для этих масс, чтобы «революционное оборончество» могло сколько-нибудь долго продолжаться.

Проф. Струмилин в своей книге «На хозяйственном фронте» исчисляет принесенные империалистской войной потери в 40 млрд. руб., учитывая потери армии и гражданского населения в труде (цит. сочинение, ст. «Война и народное хозяйство СССР», стр. 14—15). Если учесть, что в ряды армии было призвано свыше 15 млн. чел. и что при разновременных призывах каждый был в среднем оторван на 32 месяца,— мы в итоге получим 24,8 млн. лет потерянного из-за империалистской войны труда (там же).

Для страны, народный доход которой стоял крайне низко, это означало полный подрыв всей хозяйственной жизни, громаднейшее расстройство промышленности, бестоварье в деревне, голод в городах. Малейшая затяжка войны означала колоссальное увеличение тяжестей, падающих на народные массы.

Война, явившаяся страшным испытанием для народного хозяйства всех ее участников, особенно потрясла Россию, как страну наиболее молодого капитализма. Молох войны пожирал с каждым месяцем все более громадные суммы.

Увеличение военных расходов России (с начала войны) представляется в таком виде:

год	Абсолютный расход в миллионах рублей	Суточный расход в миллионах рублей	На душу населения в рублях (в год)
1914	1.655	10	9,2
1915	8.818	24	48,9
1916	14.573	40	81,0
1917	25.200	69	140,0

К сентябрю 1917 г. средний суточный расход, по показаниям интендантства, достигал 65,7 млн. руб. Итого за 40 месяцев войны было израсходовано $50\frac{1}{2}$ млрд. руб.

Военный расход на каждую душу населения составлял (с поправкой на дороговизну) в 1917 г. 170 руб.—на каждое хозяйство в среднем приходилось около 1.500 руб. Значение этих

части рабочих, а с другой—выражение интересов и точки зрения мелкого хозяйчика, который заинтересован до известной степени в аннексиях и банковых прибылях и который «свято» хранит традиции царизма, развратившего великороссов палачеством над другими народами» (Ленин, том XIV, стр. 44).

цифр станет ясным, если учесть, что целое крестьянское хозяйство со всем его скарбом оценивалось в мирное время максимальной цифрой в 500 руб.

По некоторым исчислениям Россия израсходовала на войну около $^1/_3$ своего национального достояния (оцениваемое в мирное время в 120 млрд. руб.). На нужды войны ежегодно уходила $^1/_3$ народного дохода, оцениваемого до войны в 16,4 млрд. руб.

В связи с расходами на войну народное потребление сократилось в первый год войны на 25%, во второй— на 43%, в третий—на 52% [1]).

«Покровительствуемое» эсеровскими министрами крестьянство имело особенно много причин для самого острого недовольства продолжением войны.

На войну было взято 15.798.000 чел. Из каждой тысячи чел. трудоспособных мужчин было взято в армию 474 чел., т.-е. около 50% всех трудоспособных мужчин. А ведь это были в подавляющем большинстве крестьяне. Из каждых 100 хозяйств было оторвано около 60 трудоспособных мужчин, вследствие чего около половины остались без кормильцев. По отношению ко всему населению, без различия пола и возраста, из каждой тысячи было взято в армию 112 человек.

Потери от уменьшения рождаемости составили около $6^1/_2$ млн. душ. Около 50% участников войны потерпели значительный ущерб в здоровьи (2.844.500 раненых и 2.300.000 больных). Убитых было 775.400—опять-таки в огромнейшем большинстве крестьяне (см. цит. выше сборник ЦСУ).

Снабжение армии продовольствием также оказывало важное влияние на экономическую жизнь деревни. По самым скромным подсчетам министерства земледелия в 1916 г. был уничтожен не только весь обычный прирост скота, но и на 15—20% сократился основной его капитал [2]). Около одного миллиарда пудов продовольствия и фуража, составлявших годовую норму потребления армии, брались с крестьянских хозяйств большей частью путем реквизиции.

Война поглощала 60—70% всего производства страны [3]). Из 5.912 действовавших заводов 3.200 (или 54,1%) выполняли заказы на оборону. Притом на оборону работали крупнейшие заводы [4]).

[1]) Данные по ст. В. Ефремова. «Мировая война и ее последствия» в сборнике ЦСУ «Россия в мировой войне».

[2]) Р. Арский.— «Пути русской революции», изд. «Прибой», 1918 г.

[3]) Не следует также забывать, что война, устранившая иностранную конкуренцию и создавшая принудительную трезвость, создала для той части промышленности, которая обслуживала внутреннее потребление, особо благоприятные условия для обирания оставшегося в тылу крестьянского населения.

[4]) «Народное хозяйство» № 4 за 1917 г.

В результате деревня получала не более 15% довоенного отпуска мануфактуры. Железо стало не менее редким гостем в крестьянском хозяйстве. Крестьянство получило за последний год войны 683 тыс. пуд. железа. А в «воздух расстреливалось» за это же время почти 7 млн. пуд. (из доклада Савельева Всероссийскому с'езду фабзавкомов). 70% текстильной промышленности и свыше 80% лучших сортов стали и железа шли для военных целей [1]).

Сельское хозяйство после, примерно, 35-миллионного потребления металла ежегодно должно было уже в течение второго года войны довольствоваться количеством менее двух миллионов пудов [2]).

Война убивала всякую возможность нормального хозяйствования в деревне. «Добросовестное оборончество» не могло вследствие указанных обстоятельств сколько-нибудь глубоко захватить массы.

Война с принесенными ею поражениями на фронте и разорением в тылу не оставляла никакой почвы для оборонческих иллюзий. Она приводила к совершенно другим результатам и становилась скорее «упрощенным, но зато ускоренным процессом создания кадров аграрной революции» [3]). Крестьянин в армейской организации преодолевал величайшее препятствие в своей борьбе—распыленность. Армия превращала распыленное крестьянство в организованную вооруженную массу, связанную общностью интересов.

К тому же громадные мобилизации вызвали ряд перемен в командном составе армии. Кастово-ограниченный, он за время войны был разжижен представителями «нового среднего сословия»: интеллигенции, служащих и т. д. Тут не следует также забывать, что война шла не на Дальнем Востоке, как в 1905 г., а на территории самой страны. Недостатки в техническом снабжении армии (а позднее и крупные недостатки в продовольственном снабжении), бездарность командного состава, систематическое обкрадывание армии различными штатскими и военными «патриотами»—все эти обстоятельства сильно повышали чувствительность армии к вопросам политической жизни страны и ее революционную уязвимость.

Это сказалось задолго до Февральской революции, когда «большевистская пропаганда» отнюдь не имела еще возможности разложить армию. В докладе, представленном военно-цензурным отделом штаба XII армии, мы находим следующую «таблицу настроения армии в процентном отношении бодрых, угне-

[1]) См. у А. Шляпникова.—«1917 год».
[2]) «Торгово-промышленная газета» № 119.
[3]) Л. Крицман.— «Героический период русской революции», стр. 28.

тенных и безразличных писем» (перлюстрованных цензурой). Данные касаются 2 и 6 сибирских корпусов, 21 и 48 армейских корпусов и латышской бригады. Сведя вместе категорию угнетенных и безразличных, получаем следующие разительные цифры, рисующие настроение армии к 15 октября 1916 г.:

бодрых	угнетенных и безразличных
4,4	95,6

В секретном письме от 8 февраля 1917 г. главнокомандующий армиями северного фронта ген. Рузский свидетельствовал о том, что случаи отказа итти в бой нижних чинов «некоторых полков» не сокращаются, а расширяются и захватывают новые дивизии и корпуса [1]). Мы видим отсюда, как неправильно было бы выводить начало развала армии из Февральской или Октябрьской революций.

Процесс развала созревал уже в течение годов войны; революция 1917 г. только придала этому процессу его размах.

Чем более неприкрытыми становились после Февральской революции цели войны, тем более бесследно исчезало «добросовестное оборончество» и тем более ускоренным темпом разваливалась и расползалась армия.

«Общее положение армии ухудшается и может быть охарактеризовано, как близкое к полному развалу»—доносит сводка сведений о настроении запфронта с 12 по 15 октября [2]).

Командующий XII армии доносит, что армия представляет из себя «огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую озлобленную толпу людей, об'единенных жаждой мира и всеобщим разочарованием» [3]).

Два миллиона дезертиров наглядно иллюстрировали отношение крестьянской армии к продолжению империалистской войны.

Дезертирство, самочинные передвижения, увольнения комсостава полковыми комитетами, наконец, грабежи и эксцессы—вот формы, в которых выражалось солдатское недовольство затяжкой войны. Положение еще более отягощалось голодом на фронте. Вот как делегат Петроградского совета рисовал свои впечатления о XII армии: «Окопники,—рассказывал он,—получают по 1 фунту хлеба, а во многих частях лишь сухари, многие без шинелей и обуви, почти все в рваной одежде, в грязных сырых землянках, ночью без всякого света они там, истощенные, с тяжелыми мыслями, не видят конца ужасному кошмару войны».

---

[1]) «Красный Архив», т. IV за 1923 г., стр. 417—422.
[2]) Центроархив.—«Разложение армии», стр. 141.
[3]) Из сводки донесений о настроении армии с 15 по 30 октября, там же, стр. 143—144.

«Положение армии критическое,—говорил представитель юго-западного фронта на I Всероссийской конференции фабзавкомов,—нет сапог, нет шинелей. На роту приходится по 30 штыков. Так дальше продолжаться не может... Невозможно дальше сидеть в окопах при таких условиях... Вы должны или принять меры, чтобы обеспечить нас всем необходимым, или взять нас оттуда, чтобы не довести до такого момента, когда мы не выдержим и бросим все».

Представитель 502 полка приветствовал Петербургский совет «от имени людей, которые приходят на пустое место, роют себе могилу и называют это окоп».

Солдатская масса и думать не желала о продолжении зимней кампании. Теплые вещи, присылавшиеся на фронт, сплошь и рядом уничтожались. Солдаты отказывались строить землянки. О том же свидетельствовало и широко распространенное братание с солдатами вражеских армий.

Налицо была, таким образом, *своеобразная стачка многомиллионной армии против империалистской войны*. Картину этой стачки очень ярко изображает следующий «человеческий документ»—письмо одного приехавшего с фронта подполковника к Главному штабу. Вот что писал этот подполковник: «У нас в России теперь нет смертной казни, но есть бессрочная каторга. Посылайте меня на каторгу... Я бросил свой батальон и прошу арестовать меня. Я не могу больше. Я все силы свои истратил. Вот я соберу их в кучу и обращусь к ним: «Солдаты, милые, родные, голубчики мои! Поймите, что война еще не кончилась, что немцы—враги наши, а не друзья. Не братайтесь с ними, не смотрите на них, как на своих братьев. Двинемся на них, разбойников, будем наступать... Пойдете за мной, если будет приказ?

— Пойдем,—отвечают.

— Не посрамим земли русской?

— Не посрамим.

— Так будем наступать?

— Будем.

А вот я отхожу от них, иду к своей землянке, а в спину слова:

— Ишь, чорт проклятый, чего захотел: наступать...

— Мы тебе наступим, что ты своих не узнаешь! Как бросим в твою землянку бомбу, тогда узнаешь, как наступать»... [1]).

Комитеты, избранные в первый период и долго не переизбиравшиеся, всеми силами старались держать контакт с командованием и генералитетом, кстати сказать, почти целиком оставшимся старым. Сводка донесений о настроении армии за период

[1]) «Воля народа» от 9 мая.

с 15 по 30 октября в таких выражениях оценивала работу комитетов: «Нельзя не отметить отрадного явления полной солидарности командного состава 32 дивизии VIII армии с комитетами и дружной работы офицеров, наравне с солдатами во всех организациях» [1]. Но различие взглядов комитетских верхов, состоявших по преимуществу из буржуазно-интеллигентских элементов и крестьянской массы, в вопросе о войне не могло не обнаружиться скоро со всей резкостью.

Между тем, первая волна революции подняла на своем гребне именно эти мелкобуржуазные и буржуазно-разночинские слои. В армейских комитетах гегемония принадлежала врачам, вольноопределяющимся, чиновникам и т. п. На каждые семь солдат в комитетах—по данным «Голоса фронта»—приходился в среднем один офицер, врач или чиновник. Но этот один из семи, как нетрудно себе представить, имел возможность заслонять и подавлять безграмотную, с трудом разбирающуюся в окружающем, солдатскую массу. Конечно, это могло продолжаться лишь до поры до времени.

В той же сводке, откуда мы взяли вышеприведенный отзыв об «отрадном явлении» солидарности комитетов с командным составом, мы находим совершенно другое: «Авторитет комитетов заметно падает. Повсюду проникают элементы, плывущие за массой. Армейский с'езд V армии в массе был большевистский. Старый армейском не баллотировался, новый будет отражать с'езд». К концу периода керенщины развал армии дошел до крайних пределов. Об армии стали не говорить, а вопить. Классовый антагонизм между крестьянскими солдатскими массами и буржуазно-помещичьим и буржуазно-разночинским офицерством привел к полной расшатке власти командного состава—этой основы воинской дисциплины. «Ни один офицер,—докладывал последний военный министр Временного правительства Верховский соединенному заседанию комиссии по обороне и по внешним делам,—не может быть уверен, что его приказание будет исполнено, и роль его сводится, главным образом, к уговариванию. Но никакие убеждения не в состоянии подействовать на людей, не понимающих, ради чего они идут на смерть и лишения» [2].

Вопрос о войне так же, как и земельный вопрос, допускал два выхода:

П е р в ы й, диктуемый и навязываемый могущественным империализмом союзных держав,—это продолжать войну, несмотря ни на какие обстоятельства. Этот выход диктовался и

---

[1]) Центроархив.—«Разложение армии», стр. 143.
[2]) Журнал об'единенного заседания комиссий по обороне и внешней политике. «Былое», июнь 1918 г.

соображениями внутренней политики. «Кто его знает,—говорил Милюков в беседе с Набоковым,—может быть благодаря войне все у нас еще кое-как держится, а без войны скорее бы все рассыпалось» [1]). Продолжение войны было единственным средством оттянуть всякие радикальные реформы. «Во время переправы через реку не перепрягают лошадей»,—во время войны никаких ломок. Продолжение войны становилось необходимым во имя удержания самой государственной власти в руках буржуазии.

Однако, можно ли было продолжать войну при том развале и той неудержимой тяге к миру, какие царили в армии? Такое допущение сделать можно, но только при одном условии: Россия могла продолжать войну лишь при введении военной диктатуры. Но тогда, как справедливо писала «Лейпцигская народная газета» (орган независимых социал-демократов), «железный кулак, предназначенный для острастки внешнего врага, прежде всего схватил бы за горло пролетариев» (цит. по «Правде» от 11/I—1918 г.). Таково было буржуазно-помещичье разрешение вопроса о войне [2]).

Вторым выходом была революционная ликвидация войны. История ставила вопрос ребром: или обслуживание войны и дальнейшее беспощадное уничтожение основного капитала промышленности, дальнейшее разорение бедняцко-середняцкой части деревни и торжество военной диктатуры; или же обслуживание народного потребления, а для этого революционный выход из войны. Война не оставила другого выбора. Можно было,—как говорил Ленин,—или погибнуть, или на всех парах устремиться вперед—к революции социалистической. «Чтобы действительно восстать против империалистической войны,—писал Ленин,—нужно порвать все нити, связывающие и привязывающие к капиталистам» [3])—таково было пролетарское разрешение вопроса о войне.

---

[1]) «Архив русской революции» Гессена, т. I, стр. 41.

[2]) Реакционная верхушка армии прямо стала на путь жесточайшего военного террора для продолжения войны. По словам Деникина («Очерки русской смуты» т. I, вып. II, стр. 170) Корнилов приказывал расстреливать бегущих с фронта солдат, выставляя их трупы с соответствующими надписями на видных местах и дорогах.

Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Лукомский разослал 9 августа циркулярные телеграммы, где требовал не допускать стрельбы вверх в качестве угрозы за неисполнение приказа, а стрелять в солдат. За стрельбу вверх начальников, «допустивших ее, привлекать к ответственности, как за неисполнение боевого приказа». Военный министр Верховский докладывал 10 октября в предпарламенте, что с 1 по 9 октября было 24 «самочинных выступлений» солдат и «16 раз пришлось применять вооруженную силу, чтобы подавить анархические вспышки» (К. Рябинский.—Хроника революции, 1917 г., т. V, стр. 58).

[3]) Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 12.

Положение мелкобуржуазной демократии было в этом вопросе более чем двусмысленным. Вожди мелкобуржуазной демократии заявляли во всеуслышание (не могли не заявлять), что цели войны чужды народным массам, что пролетариат и крестьянство не могут проливать свою кровь за эти цели войны и что они будут требовать их пересмотра. Благодаря этим заявлениям в корне подрывалось стремление масс к продолжению войны и широко распространялись зерна недоверия к «союзникам».

И в то же время демократия не была в состоянии и не хотела отсечь пуповину, связывавшую ее с финансовым капиталом союзных держав. Фактически она усердно защищала империализм, «прикрываясь добренькими фразами о мире» (Ленин). Разоблачая эту политику, Ленин писал: «На деле наше Временное правительство не только не «усвоило» платформы мира без аннексий, а попирает ее ежедневно и ежечасно» [1]).

Характерно, что при всех переменах в составе Временного правительства (которых было минимум пять, а строго говоря, семь) портфель министра иностранных дел неизменно оставался в руках представителя буржуазии.

Если первый министр иностранных дел Временного правительства Милюков, который вел слишком прямую и откровенную империалистскую линию, должен был под давлением масс уйти, то его преемник—Терещенко—продолжал вести ту же линию, хотя более скрыто и под флером демократической фразеологии.

«При его (Терещенко) управлении,—свидетельствует Милюков,—союзные дипломаты знали, что «демократическая» терминология его депеш является невольной уступкой требованиям момента и относились к ней снисходительно, пока рассчитывали, что уступками по форме они выиграют по существу». А простодушные «Известия», плененные демократической словесностью Терещенко, писали о том, что «Временное правительство 1-го состава никогда не решалось бы опираться в своей внешней политике на союзные демократии», а Терещенко якобы решился на это [2]).

Предпринятая вождями керенщины попытка примирить войну и революцию приводила к капитуляции революции перед войной. За спиной народных масс вожди демократии заключали с «союзниками» договоры и подтверждали обязательства увеличить боеспособность российских армий и бросить их в наступление.

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. I, стр. 143.

[2]) П. Н. Милюков.—«История второй русской революции», т. I, вып. I, стр. 166.

К концу «господства» мелкобуржуазной демократии в империалистской войне наступил как раз критический момент. На западном фронте с августа началась великая фландрская битва. Выигрыш нескольких недель мог означать выигрыш всей кампании. Давление англо-французского империализма достигало поэтому высшей точки. Лихорадочное нетерпение «союзников» об'яснялось еще справедливым опасением роста морального влияния русской революции на европейский пролетариат.

Было ясно, что только новая пролетарская революция может убить войну. Мелкобуржуазная демократия не хотела и боялась этой новой революции. Оттого вся ее внешняя политика представляла собой бесплодный «шаг на месте».

Обращение 14 марта было только актом прекраснодушия. «Демократы,—писал Маркс о французских мелких буржуа 1848 г.,—верят в силу трубных звуков, от которых некогда пали стены Иерихона». Но одними резолюциями и обращениями—как бы пламенно ни были они написаны—войны закончить нельзя было. Пока демократия не порвала своей собственной связи с империализмом, ее воззвания были внутренне противоречивы и не могли достичь цели. То же самое было и с надеждами мелкобуржуазной демократии на международную конференцию социалистических партий в Стокгольме. И эта попытка вывернуться из кровавого клубка войны также оказалась «трубным звуком». Стены Иерихона остались целехонькими. Империалистский «Иерихон» попросту запретил эту конференцию. Английское и французское правительства отказали в паспортах своим собственным мелкобуржуазным социалистам. Министр иностранных дел Временного правительства Терещенко об'явил Стокгольмскую конференцию «частным делом» партий, а не правительства. И эта попытка кончилась, таким образом, более чем печально. Что же получилось в итоге?

«С самого начала,—говорил Зарудный на Демократическом совещании, рисуя эти итоги,—мы слышали две вещи: стремиться к боеспособности армии и к ускорению мира на демократических началах. И вот, что касается мира, то за полтора месяца, пока я был членом Временного правительства, я не знаю, делало ли Временное правительство в этом отношении что-нибудь. Я не видел этого».

Так «медленно поспешала» демократия с разрешением вопроса о войне... «Правительственная политика партии (эсеров.—З. С.) в вопросе о войне—признается post factum один из лидеров эсеров—не могла отличаться ясностью. Наша партийная организация... в вопросе о мире никакой инициативы не проявила»[1].

---

[1]) Из ст. А. Баха «Революция и социализм» в эсеровском сборнике «Год русской революции», 1917—18 гг.

Демократия не в состоянии была найти выход из войны. Сильная болезнь — сильные средства. Смешно было думать, что маленькие и осторожненькие мелкобуржуазные средствица могли указать выход из мировой катастрофы — войны. Тут нужны были средства посильнее и посмелее.

Но если народные массы должны были, таким образом, довольствоваться одними обещаниями кончить войну, то буржуазия должна была получить уверенность, что «революционная демократия» принимает все меры для увеличения боеспособности армии. Керенский стал героем наступления 18 июня, знаменовавшего полное отступление мелкобуржуазной демократии от борьбы за мир. 5 августа Временное правительство издало постановление, карающее за оскорбление «дружественных держав» заключением в крепость. Военная клика приобрела решающее влияние на власть. Финансовый капитал «союзных держав», как мы видели, стал ее — керенщины — фактическим министром иностранных дел. Еще в октябре 1917 г. генерал Черемисов давал директивы о предстоящем не позже 20 октября новом наступлении, а комиссар северного фронта Войтинский уверял в «Биржевых ведомостях», что в армиях наступил спасительный перелом [1]). Реакционная верхушка армии — оплот корниловцев и бонапартистов — осталась нетронутой. Эта изумительная доверчивость правительства «революционной демократии» послужила тоже хорошим «предметным уроком» для доверившихся ему масс.

[1]) См. «Дневник» барона А. Будберга, командовавшего осенью 1917 г. корпусом близ Двинска («Архив русской революции» Гессена. Берлин, т. XII, стр. 206 и 211).

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА КЕРЕНЩИНЫ

Керенщина и старый государственный аппарат. Керенщина и духовенство. Школа при керенщине. Рабочее законодательство. Национальная политика керенщины.

Чем дальше на восток, тем буржуазные революции оказывались все более нерешительными, историческими выкидышами— это давно сделанное наблюдение верно для всех тех случаев, когда мы не видим пролетариата во главе революции. Мы могли уже в этом убедиться на примере разрешения мелкобуржуазной демократией такого неотложного вопроса буржуазно-демократической революции, как например, вопрос аграрный. Другие стороны внутренней политики «керенщины» добавляют сюда же несколько менее значительных, но достаточно ярких черт.

Начнем с государственного аппарата. Ни одного сколько-нибудь существенного шага керенщина не предприняла хотя бы для радикального демократического обновления старой государственной машины, не говоря уже об ее разрушении.

В ряде мест высшая власть была вверена Временным правительством комиссарам, состоявшим в большинстве из утвержденных еще старой властью председателей губернских и уездных земских управ. Даже Совет крестьянских депутатов вынужден был назвать посылаемых Временным правительством на места комиссаров «односторонне подобранными из помещичьего состава». Несколько позднее эти губернские и уездные комиссары получили прерогативы бывшей губернаторской власти.

«Попрежнему, — писал через некоторое время после создания коалиции правительственный официоз демократии—«Дело народа»,—сидят на своих насиженных местах все эти директора, вице-директора, начальники отделений. Старые приемы работы, старые навыки остались нетронутыми, попрежнему лениво скрипит бюрократическая машина... И в тех министерствах, во главе которых стоят наши товарищи, не все обстоит благополучно...»

Даже в таком министерстве, как министерство труда, во главе которого стояли меньшевики, даже в таком рабочем органе, как отдел охраны труда,—остались прежние чиновники и инспектора. Никакого рабочего представительства ни в одном правительственном органе по охране труда не было. Но если так обстояло дело в «социалистических» министерствах, то можно себе представить, каково было положение в министерствах, во главе которых стояли кадеты.

В министерстве народного просвещения, например, Февральский переворот не внес почти ничего нового. Ненавистный институт инспекторов и директоров народных училищ, а также попечителей учебных округов, не был упразднен. На этих местах продолжали сидеть люди, назначенные еще во времена знаменитого царского министра народного просвещения Кассо—все в огромном большинстве бывшие члены союза русского народа.

В среднюю школу Февральская революция не внесла ни одной существенной реформы в направлении ее демократизации. Учеба продолжала итти по прежним учебникам. Все чиновники старого министерства остались на местах. Товарищ министра просвещения правительства «революционной демократии» был товарищем царского министра просвещения Шварца.

Соединенное заседание бюро ВЦИК и бюро Исполнительного комитета совета крестьянских депутатов вынуждено было принять резолюцию, в которой указывалось, что «сохранение нынешней политики и состава министерства народного просвещения недопустимо, ибо ведет к разрухе в области народного образования и к тому, что народ останется в новой России при старой школе».

Демократизация органов самоуправления проходила с необычайной медлительностью.

«Известия» печатали 29 июня следующую сводку о состоянии земств и городов после четырех месяцев революции: из губернских земств 26 губерний только 2 совершенно демократизированы; в 3 состав гласных остался прежним; в 16—частично демократизирован. Губернские земские управы тоже только в 2 губерниях заменены новыми. В остальных или сохранились в их дореволюционном виде (13), или частично пополнены демократическим представительством (11).

Еще хуже с уездными земствами. Из данных по 214 уездам в 39 состав земских собраний остался прежним, в 115 пополнен, в 16 совершенно заменен новыми. Уездные управы остались без изменения в 46 уездах; пополнены в 100; целиком заменены новыми в 67.

Городские думы пополнены в 287 городах; остались в старом составе в 122 и совершенно заменены новыми в 5 городах. Частичная демократизация органов самоуправления тоже выпол-

нялась совершенно ненадежными методами: вводилось представительство от земских служащих, от кооперативов и ряда других, весьма расплывчатых, общественных организаций.

Только после корниловщины «революционная демократия» осмелилась, наконец, провозгласить «Российскую республику». До этого времени возглавляемая демократией страна носила такой неясный титул, как «Российское государство».

Государственная дума была распущена лишь в октябре. Милюков об'ясняет нерешительность Керенского при роспуске Государственной думы тем, что ему-де было неудобно поднимать руку на учреждение, составившее ему политическую популярность. Чернов же оправдывал столь продолжительное сохранение думы тем, что «формально уничтожать думу—это убить покойника». Но вожди демократии не видели, что—по выражению одного французского поэта—бывают мертвецы, которых надо убивать. Уважение демократии к этому, составленному по царскому избирательному закону, почтенному учреждению дало возможность «покойнику» весьма продолжительное время мнить себя «источником законной власти». На частном совещании членов Государственной думы 18 июля Масленников требовал, чтобы сюда «явилось все правительство целиком и доложило о состоянии страны. И тогда уже Государственная дума укажет этому правительству, что делать, как и кем это правительство пополнить и заменить».

Родзянко выступил с заявлением, что он разделяет точку зрения Масленникова о Государственной думе, но он полагает, что еще «психологический момент ее активного выступления не наступил» [1]).

Существовавшая на государственный счет типография с огромным штатом рабочих обслуживала Временный комитет государственной думы. Она печатала в громадных тиражах (от 100 и до 1.500 тыс.) стенографические отчеты совещаний членов думы с подробными монархическими речами, в которых Михаил Романов именовался «законным претендентом на русский престол» и т. д. [2]).

Эта чрезвычайная предупредительность «демократии» к старым, подлежавшим на слом государственным аппаратам, мотивировалась, конечно, официально ожиданием Учредительного собрания, которое все разрешит.

---

[1]) «Известия временного комитета государственной думы».

[2]) Отношение вождей «демократии» к бывшему царю тоже показательно. Когда им не удалось переправить царскую семью за границу и в ночь на 1 августа Николай с семьей был отправлен в Тобольск, то в распоряжение бывшего царя было предупредительно дано Временным правительством 7-8 вагонов, не считая багажных. Штат прислуги был определен в 50 человек, в том числе 4 повара и 15 лакеев.

Не желая предвосхищать Учредительное собрание, Временное правительство не решилось даже провести такую меру, как отмена сословных ограничений. Отмена сословий была обещана в программе, но под предлогом необходимости пересмотра для этой цели 16 томов свода законов работа бесконечно затягивалась. Она так и не была окончена при режиме демократии. Зато, не дожидаясь Учредительного собрания, деятельно приспособлялись к новому режиму и соответственно реформировались ордена, кресты и девизы, публиковались указы «Святейшего синода» об учреждении новых монастырей; московскому митрополиту Макарию, охотнику за сибирскими раскольниками, жаловалась усиленная пенсия [1].

Взаимоотношения православного духовенства с Временным правительством вообще очень характерны. Духовенство с готовностью приняло «общенациональную» Февральскую революцию. Оно немедленно стало приспосабливаться к новому режиму, изобретая новые формы эктиний и т. п. (в провинции, например, по рассказу «Рабочего пути» от 30/V имел место следующий факт: вместо старой эктинии поп читал такую: «Благочестивейшему и самодержавнейшему Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов». Характерно, что даже провинциальный поп ясно чувствовал двоевластие!) Программа приспособления духовенства к новому строю имела в виду исключительно сохранение возможно большей доли церковных привилегий. Духовенство добивалось освобождения церкви от всякого вмешательства в ее внутреннюю жизнь, но в то же время требовало сохранения государственной оплаты служителей церкви. Временное правительство приняло эту программу и сохранило, таким образом, привилегированное положение православной церкви, как государственной [2].

В результате период керенщины небывало поднял активность духовенства, которое становилось все смелее и наступало со все более открытым забралом. Даже ублюдочный закон о необязательности обучения закону божию, изданный Временным правительством, встретил ожесточенное сопротивление духовенства. По стране прокатилась волна всяких церковных съездов — съезды мирян, епархиальные, городские, наконец, церковный собор в Москве. На этом последнем московский городской голова эсер Руднев даже выступил с теплым приветствием.

[1] См. ст. М. Рейснера «Октябрьская революция и государственная власть» в сборнике «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». Москва, 1919 г.

[2] См. статью тов. Н. Лукина-Антонова. «Революция и церковь» в сборнике «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата».

Идя столь охотно навстречу притязаниям духовенства, Временное правительство гораздо менее охотно и решительно удовлетворяло насущные нужды трудовых масс.

Рабочее законодательство демократии необычайно скудно, куцо и непоследовательно. Когда Петроградский совет рабочих депутатов и общество фабрикантов и заводчиков пришли к соглашению о 8-часовом рабочем дне, Временному правительству ничего не оставалось, как post factum его санкционировать в форме закона. 8-часовой рабочий день нашел, однако, при этом ряд существенных ограничений. Вот главнейшие: 1) на работающих в мелких предприятиях 8-часовой рабочий день не был распространен, 2) то же касается и казенных предприятий, 3) допускались сверхурочные работы, 4) детский труд совершенно не был затронут. Не менее ублюдочно было страховое законодательство демократии. Круг страхуемых увеличился за время керенщины лишь рабочими мелкой промышленности; торговые, сельскохозяйственные, транспортные, домашние рабочие, прислуга и рабочие казенных предприятий сюда не входили. Высший размер пособия остался прежним ($^2/_3$ заработка), $^1/_2$ взносов падала на рабочих. Страхование не охватывало всех случаев утраты трудоспособности. Кроме того, страховое законодательство Временного правительства совершенно не осуществляло самоуправления застрахованных.

Единственные акты «положительного творчества» министерства труда Временного правительства—это проекты о создании трудовых инспекций (комиссий труда), бирж труда и примирительных камер. Все эти проекты были, однако, построены не на учете самочинной деятельности масс, которая по существу спасала в тот период страну. «Они—по свидетельству тов. Милютина—являлись подновленными проектами старого режима». «Деятельность комиссий труда ничем не отличается от практики старых чиновников, бывших фабричных инспекторов» [1]).

Согласно «Положению о биржах труда», последние организовывались только «в тех местах, где это признается необходимым центральным органом при отделе труда министерства торговли и промышленности». В итоге такого порядка к 1 ноября 1917 г. было организовано всего навсего 27 бирж. Иным темпом шла организация бирж при советской власти: к 15 мая 1918 г. было 156 бирж; к 1 ноября 1918 г.—уже 224. (См. Ларина и Крицмана «Очерк хоз. жизни»).

В области национальной политики керенщина каждым действием доказывала свою полнейшую зависимость от империалистской и «великодержавной» буржуазии. Дальше широкове-

[1]) См. доклад тов. Милютина VI с'езду РСДРП (б). «Протоколы VI с'езда РСДРП», стр. 133.

щательных деклараций о национальном равноправии дело не шло. Но и эти декларации до последней степени робки и незакончены.

Декрет Временного правительства 1-го состава отменил в общем ограничения национальностей в отношении водворения на жительство и передвижения, приобретения права собственности, всякого рода занятий, поступления на государственную службу, поступления в учебные заведения и т. п., но декрет не установил равноправия в отношении языков. В нем говорилось лишь о праве употреблять иные языки, кроме русского, в делопроизводстве частных обществ и при преподавании в частных учебных заведениях. В декрете не было также точно и определенно оговорено право наций на самоопределение.

Таким образом, суть декрета была более чем скромная. Она свелась к предоставлению максимально куцых свобод малым национальностям и к освобождению, в частности, евреев от самых диких остатков средневековья.

Когда на смену империалистскому правительству 1-го состава пришла демократия, она тоже ничего существенного не изменила в национальной политике Временного правительства Львова—Милюкова. Правительство демократии продолжало считать законным только старый порядок устроения национальностей, при котором высшей инстанцией, решающей вопросы внутренней жизни многочисленных национальностей, населяющих Россию, является центральная власть в Петербурге.

Толкуя по-своему право наций на самоопределение, Временное правительство распустило финляндский сейм. Когда 30 августа Временное правительство обратилось с грамотой о «расширении» прав финляндского сената, то 53 ст. этой грамоты устанавливала необходимость санкции решений сената поставленным центральным правительством генерал-губернатором. На заседании национальной секции I Всероссийского с'езда советов представитель эстонцев рассказывал, что Временное правительство не выполняет элементарных требований эстонского народа в области народного образования, судебно-административной и т. д. Повсюду на местах, в прибалтийских губерниях, остались прежние чиновники, игнорировавшие национальные требования эстонцев. Временное Правительство отвергло далее самую скромную автономию Украины.

Все подобные—гораздо более многочисленные, чем выше указано—акты великодержавия лишь усиливали национальный распад и настраивали против «демократии» трудящихся многочисленных угнетенных национальностей, населяющих страну.

Можно ли после этого удивляться тому, что в демократическом совещании национальная курия заняла в своем боль-

шинстве решительную боевую позицию против правительства демократии? По проценту голосов, поданных против коалиции, национальная курия заняла второе место, уступая только профсоюзам и стоя выше курии советов рабочих и солдатских депутатов.

Зная национальную политику керенщины, нас не удивит и то, что даже московская организация ППС, куда входили польские беженцы, приглашала на выборах районной думы в сентябре 1917 г. голосовать за большевиков.

Демократия и тут себя разоблачила до конца. В момент решающей схватки мелкобуржуазные массы угнетенных наций остались вполне равнодушны к ее судьбе.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РАЗВАЛ И КЕРЕНЩИНА

Положение рабочего класса. Продовольственный кризис. Промышленный кризис. Топливный кризис. Железнодорожный развал. Финансовое банкротство. Экономическая программа керенщины и ее реальная экономическая политика.

В экономической области беспомощность мелкобуржуазной демократии была никак не меньшей, чем в области земельной и внешней политики. Тут антагонизмы выступили резко на сцену почти с первых же дней февральской «идиллии». Буржуазия, перед глазами которой неотступно стоял призрак социалистической революции, с невероятным упорством отстаивала свои «священные» права на свободу спекуляции и свободу от всякого контроля. Но этого трепета к священной частной собственности капитала отнюдь не было у рабочего класса. Если в 1905 г. мало-мальски решительный шаг в борьбе с фабрикантами вызывал кое у кого опасения: «еще с абсолютизмом не покончили, а начали тягаться с хозяевами», то в 1917 г. этих опасений в пролетариате не было и в помине. Россия недаром провела 12 лет в быстром капиталистическом беге! Пролетариат в первые же дни Февральской революции заявил о своих классовых требованиях и социальных чаяниях.

«На каких условиях мы можем работать?—говорил на одном из первых заседаний Петроградского совета Чхеидзе, отражая в данном случае эти настроения рабочего класса.—Было бы смешно, если бы мы продолжали работу на прежних условиях. Пусть знает об этом буржуазия». Требование 8-часового рабочего дня было пред'явлено в первые же дни февраля и без всяких колебаний в рабочем классе. «Если совет решит этот вопрос (о 8-часовом дне) отрицательно,—говорили депутаты от фабрик на пленуме Моссовета 18 марта,—8-часовой рабочий день будет введен революцией явочным порядком».

Общество заводчиков и фабрикантов вынуждено было согласиться на введение 8-часового рабочего дня, сделав, правда, вначале безуспешную попытку ограничить свое соглашение об этом с Советом рабочих депутатов одним Петроградом. Про-

тив требования о 8-часовом рабочем дне выступила только— характерный штрих!—меньшевистская «Рабочая газета», которая убеждала в несвоевременности пред'явления такого требования в бедной, малокультурной стране во время войны и революции.

Эти первые, аванпостные бои рабочего класса выявили его силу и решимость в осуществлении своих классовых требований. Рабочий класс к этому моменту значительно вырос количественно. Увеличились, главным образом, предприятия металлургические (шрапнели, гранаты) и химические.

За 1914—15—16 гг. количество занятых рабочих - металлистов увеличилось на 49,6%: общее число рабочих составляло в 1913 г. (рекордном) 868.771, в 1915 г.—961.309, в 1916 г.— 1.268.543 [1]).

В громадных размерах вырос труд женщин и подростков. Струмилин в сборнике «За 2 года диктатуры пролетариата» приводит об этом следующие данные:

В 1913 г. по всей России

в промышленности было занято:	. . . . 26,6%	женщин
» » » »	. . . . . . 10,7%	подростков

к началу 1917 г.

в промышленности было занято:	. . . . 43,2%	женщин
» » » »	. . . . . . 14%	подростков

Этот процесс, на ряду с отрывом рабочей силы по мобилизациям, привел к известному качественному ухудшению состава пролетариата. Мы позднее подробнее разберем, какими рамками ограничено это качественное ухудшение. Тут же заметим следующее:

1) Расширение применения дешевого женского и детского труда отражалось в виде ухудшения условий труда для всего рабочего класса.

По данным московской биржи труда за 3 года (с июля 1914 г. до августа 1917 г.) средняя зарплата московского рабочего возросла на 51,5%, т.-е. в 5 раз.

Цены на с'естные припасы возросли в это же время в $6^1/_2$ раз.

Цены на предметы первой необходимости возросли на 1109% ; а у текстильщиков, в частности, зарплата за это время возросла всего в 3—4 раза.

[1]) А. Гуревич.—«Всероссийский союз рабочих-металлистов».

Тов. Шляпников в своей речи на демократическом совещании приводил данные, показывающие, что зарплата в Петрограде возросла в $3\frac{1}{2}$—4 раза, а дороговизна в то же время в 6—12 раз.

Даже у металлистов, зарплата которых стояла высоко в годы военной лихорадки, в 1917 г. началось ухудшение. И у них зарплата в течение 1917 г. уменьшилась на 26,2% против 1916 г.[1]) Где уж тут говорить о текстильных, например, предприятиях, которые всегда отставали в уровне зарплаты. Достаточно иллюстрируют здесь положение данные о зарплате в текстильных предприятиях Московской губернии, где в ряде мест зарплата не превышала 1 руб. в день. У Рябушинского, Коршина, Третьякова 15% рабочих получали 1 руб., 38%—1 руб. 20 к. в день. По данным, собранным больничной кассой завода «Треугольник», заработок рабочего, считая посуточно, был:

	До войны	Ко второй половине 1916 г.
Чернорабочего	1 руб.—1 руб. 25 к.	2 руб. 50 к.—3 руб.
Слесаря	2—2 руб. 50 к.	4—5 руб.
Монтера	2—3 руб.	5—6 руб.

Стоимость предметов потребления в то же время изменилась следующим образом:

	До войны	в 1916 г.
Угол оплачивался	2—3 руб. в месяц	8—12 руб.
Обед (в чайной)	15—20 к.	1— 1 руб. 20 к.
Чай	7 к.	35 к.
Сапоги	5—6 руб.	20—30 р.
Рубаха	75—90 к.	2 руб. 50 к.—3 руб.

Докладная записка петербургского охранного отделения, откуда мы берем приведенные цифры, в следующих словах резюмирует вопрос о положении рабочих: «Даже в том случае, если принять, что рабочий заработок повысился на 100% то все же продукты повысились в цене на 300% в среднем. Невозможность добыть даже за деньги многие продукты питания и предметы первой необходимости, трата времени на простой в очередях при получении товаров, усилившиеся заболевания на почве скверного питания и антисанитарных жилищ (холод и сырость благодаря отсутствию угля и дров) и др.—сделали то, что

[1]) Данные приведены в книге Б. Граве.—«Из истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны».

рабочие, уже в массе, готовы на самые дикие эксцессы «голодного бунта». (Докладная записка петербургского охранного отделения, представленная 1-м департаментом полиции в октябре 1916 г.—см. «Красный архив», т. IV (17)).

Прогрессировавшее при росте дороговизны ухудшение жизненных условий рабочего класса явилось важнейшим стимулом к развертыванию революционной борьбы.

2) Другим обстоятельством, вытекавшим из динамических процессов в промышленности за период войны, явилось особое развитие, какое получил пролетариат Петрограда и Москвы.

Если в 1908 г. Петроградская губерния имела 167 тыс. рабочих, то в 1916 г. их было 407 тыс., т. е. на 144% больше (данные проф. Гриневецкого, в которые вдобавок не вошли еще казенные заводы). 54,8% из этого числа составляли металлисты [1]).

3) В самих столицах увеличение рабочего класса падало больше всего на предприятия-гиганты. На предприятиях с числом рабочих более тысячи человек приходилось 76,7%, с числом рабочих более 10 тыс. человек—22,8% [2]). Из 400 тыс. фабричных рабочих Петрограда свыше $^3/_4$ (355 тысяч) было сконцентрировано на 140 заводах-«большевиках» [3]).

Таким образом, 1917 г. застал пролетариат России не только выросшим, но и имеющим хорошие ударные кулаки в столицах и в этих последних в предприятиях-«большевиках».

Сила требовала к себе соответствующего уважения. И 2 марта Совет с'ездов представителей промышленности и торговли поспешил предупредить «весь торгово-промышленный класс России и все его организации» о необходимости уступок и циркулярно предложил «забыть о партийной и социальной розни и сплотиться вокруг Временного правительства» (цит. по книге Панкратовой «Фабзавкомы в России», стр. 178).

В первое время ряд конфликтов действительно переносился в примирительные камеры и третейские суды. Но «необходимые уступки» скоро были исчерпаны торгово-промышленным классом. «Социальная рознь» не только не была забыта, но выступила еще рельефнее, как всероссийский конфликт труда и капитала—конфликт, которому все углублявшаяся хозяйственная разруха придала невиданную остроту.

---

[1]) «Материалы по статистике труда Северной области». Выпуск V. Петроград. 1918 г.

[2]) Ст. М. Н. Покровского—«12 марта». «Правда» от 12/III—1924 г.

[3]) «Ежегодник Коминтерна» 1923 г., ст. Крицмана «Русская промышленность перед революцией».

Экономическая история всего послефевральского периода — это история всеобщего стремительного, галопирующего развала всех решительно сторон экономической жизни страны [1]).

Урожай в 1917 г. был значительно ниже среднего. Сбор хлебов, за последние годы перед войной достигавший 3.739 млн. п., сократился в 1916 г. до 3.242 млн. и в 1917 г.—до 2.954 млн. п. Урожай 1917 г. был, таким образом, приблизительно на 300 млн. п. ниже предыдущего года и на 700 млн. п. ниже обычного среднего [2]). Продовольственные хлеба дали к 1917 г. снижение урожая на 22,1%, крупяные на 14,3%, кормовые на 23,7% [3]).

К февралю 1917 г. вместо предполагавшихся 772 млн. п. было заготовлено едва 350 млн. п. [4]). С приходом к власти Временного правительства положение с хлебозаготовками ничуть не улучшилось. Фактическое среднее поступление хлебов в марте оставалось тем же, что и раньше (около 12 млн. п. в неделю), что покрывало 58% потребностей армии и 41% потребностей населения [5]).

Житница страны—Поволжье—была поражена неурожаем. Вследствие отчасти этого обстоятельства, а еще более вследствие бестоварья, падения рубля, увеличения косвенных налогов и расстройства железных дорог, расстроился обмен между городом и деревней. Крестьянство сокращало размеры вывозимого им на рынок хлеба; в то же время содержание многомиллионной армии многократно увеличивало размеры потребления (как, например, мяса и сахара). В итоге сильно и беспрерывно скакали вверх цены на продовольствие. В январе 1917 г. цена хлеба возросла на 200% сравнительно с довоенными ценами. В июне цена хлеба возросла уже на 333% (С. Пионтковский. «Октябрьская революция», стр. 33).

«Голод в России—уже не грядущая перспектива, а самая горькая действительность»... «Мы накануне голодных бунтов»—писал профессор Мигулин в журнале «Новый экономист» 12/VIII.

В отношении промышленной продукции снижение, принесенное 1917 г., рисуется в следующем виде:

[1]) Еще в конце 1916 г. группа «общественных деятелей» во главе с М. В. Родзянко в «Записке», поданной Николаю, характеризовала экономическое положение страны словами: «на краю гибели» (см. «Записку» в «Красном архиве», т. X).

[2]) Прокопович.—«Народное хозяйство в дни революции». Москва. 1918 г., стр. 37.

[3]) А. Шестаков.—«Война и революция в деревне».

[4]) См. у К. Молотова «5 лет».

[5]) См. у проф. Г. Г. Швиттау «Революция и народное хозяйство в России». Лейпциг, 1922 г.

Валовая продукция
(в млн. довоенных рублей)

	1913 г.	1916 г.	1917 г.
	5620,8	6831,4	4344,1
В %%:	100%	121%	77,3%[1]).

Если годы войны явились годами своеобразной «военной индустриализации» России (в 1916 г. сумма основных капиталов промышленных предприятий увеличилась на 373 млн. руб.— всего на 7,5% меньше роста основных капиталов в рекордном году промышленного под'ема: 1913-м), то 1917 г. застает в промышленности прогрессивный паралич, который был подготовлен всем предыдущим ходом дел: хищническим использованием всех экономических ресурсов для войны, погоней за военной сверхприбылью и лихорадочным темпом работы.

Особенно обострился топливный кризис. Обычная месячная добыча топлива в Донбассе составляла 170 млн. п.

В июне	в 1917 г. добыча в Донбассе составляла	127 млн. п.	(—43 млн. п.)
» июле	» » »	114 » »	(—56 » »)
» августе	» » »	112 » »	(—58 » »)
» сентябре	» » »	82 » »	(—88 » »)

(данные составлены на основании доклада б. главноуполномоченного по топливу при Временном правительстве Кирша и журнала «Народное хозяйство» № 1 за 1918 г.).

«Мы стоим перед лицом полной катастрофы страны»,—говорил вышеупомянутый главноуполномоченный по топливу при Временном правительстве профессор Кирш в конце сентября. Он заявил при этом, что текстильная промышленность не имеет вовсе никаких шансов на получение топлива, что петроградский промышленный район получит вместо потребных ему 110 млн. п. только 42 [2]), что вряд ли удастся поддерживать наличным запасом топлива температуру в жилых помещениях до 2° («Рабочий путь» от 6/X).

С вывозом топлива дело обстояло еще катастрофичнее, чем с добычей его. Журнал «Народное хозяйство» № 1 за 1918 г. приводил такие данные:

[1]) См. у В. Сарабьянова: «История русской промышленности», стр. 217. По данным трудов ЦСУ (т. 26, вып. I и II) в 1917 г. валовая продукция снизилась по сравнению с 1916 г. на 34,8%. Доля продукции, приходившаяся на одного рабочего, в 1917 г. упала по сравнению с 1913 г. на 29,1%, а по сравнению с 1916 г.—на 35,4%.

[2]) На ноябрь Петрограду назначено было 21,5 млн. п. в то время, как один Путиловский завод, пущенный полным ходом, поглощал все это количество топлива.

В январе	1917 г.	было	вывезено	— 73,3 млн. п.
в сентябре	»	»		— 42,4 » »
в октябре	»	»		— 40,3 » »

Разруха железных дорог усиливала и обостряла в свою очередь картину всеобщего хозяйственного развала. К ноябрю 1917 г. число больных паровозов доходило до 25%; на некоторых линиях число больных паровозов еще в июле доходило до 50% всего их количества [1]). Исследователь истории русского транспорта за новейшее время И. Михайлов приводит цифру в 29,3% больных паровозов в декабре 1917 г. [2]). Что же касается вагонов, то к ноябрю мы имели 51.076 больных вагонов из общего числа 565 тысяч [3]). По оглашенным на 1-м Всероссийском с'езде СНХ данным с'езда железнодорожников, Октябрьская революция получила от периода керенщины почтенное наследство в 69% всего выведенного из строя подвижного состава [4]).

Этот развал был естественным следствием страшного перенапряжения железных дорог за время войны. Если взять пробег вагонов в миллиардах вагоно-верст, то для 1913 г. мы получим 1,9, для 1914 г.—2,2, 1915 г.—2,5 и 1916 г.—3 млрд. В то же время средний суточный пробег товарного вагона с 71 версты в мае 1916 г. упал до 55 верст в мае 1917 г. Железнодорожные «пробки» были известны еще во второй половине 1916 г. Теперь они превратились в хроническое явление, спутывая и расстраивая в конец правильное сообщение.

Железнодорожная разруха приводила к тому, что недогруз достигал громадных размеров. С 1 января по 15 сентября 1917 г. недогруз сравнительно с 1916 г. выразился в 1.130 тыс. вагонов или 1.390 млн. пудов жизненных продуктов [5]).

Выполнение нарядов на хлеб в процентах дает нам следующую картину (в сравнении с нормой):

январь 1917 г.	57
февраль »	47
март »	66

[1]) См. стенограммы заседаний экономического совета при Временном правительстве, отчет от 21 июля.

[2]) И. Михайлов.—«Эволюция русского транспорта с 1913 по 1925 гг.»

[3]) Данные сборника ЦСУ «Россия в мировой войне».

[4]) В цитированной выше «записке» царю М. В. Родзянко сообщал со слов министра путей сообщения, что еще в конце 1916 г. для полного использования пропускной способности главнейших магистралей и поддержания движения на боковых линиях в размерах 1913 г. железнодорожной сети недостает по крайней мере 2 тысяч товарных паровозов и 80 тысяч вагонов.

[5]) См. ст. В. Сахарова «Продовольствие» в сборнике «Год русской революции».

май 1917 г.	свыше	80
июнь »		60
июль »		46—50
август »	около	28 [1]

Таким образом, население городов и армии обрекалось на голодную смерть. Продовольственные беспорядки, ранее вспыхивавшие то тут, то там, скоро превратились в хроническое бытовое явление. Взятая демократией линия на ожидание разрешения земельного вопроса Учредительным собранием в свою очередь обостряла продовольственный кризис: она приводила к недосеву помещичьих полей и к полной разрухе во всех земельных отношениях.

Бумажно-денежный потоп зловеще дополнял общее экономическое положение страны, которое не может быть иначе охарактеризовано, как катастрофическим. (В газетах этого периода не было более модных и употребительных слов, как «катастрофа», «крах», «развал» и т. п.)

Сокольников на I с'езде СНХ привел такие данные, характеризующие бумажную эмиссию:

к 1 января 1917 г.	было выпущено кредиток на	9 млрд.	97 млн. руб.
к концу 1917 г.	» »	14 »	721 » »

По месяцам периода керенщины этот потоп располагается следующим образом:

в июле	1 млрд.	486	млн. руб.
августе	1 »	350	»
сентябре	2 »	46	»
октябре	3 »	216	»

По вычислениям проф. Швиттау («Революция и народное хозяйство в России», стр. 346) на душу населения приходилось бумажных денег: на 1 января 1914 г.—14 руб.; на 1 января 1915 г.—21 руб., на 1 января 1916 г.—39 руб.; к 7 ноября 1917 г.—117 руб.

В начале Февральской революции печатанием денег в экспедиции заготовления государственных бумаг было занято 750 человек. К сентябрю стало 8 тыс. человек.

В октябре было выпущено 2 млрд. бумажных денег, похожих на бутылочную этикетку. 24 октября министр финансов заявил в комиссии Совета республики, что до конца года предстоит дефицит в 10 млрд. руб., которые придется опять покры-

[1]) См. ст. Н. Кондратьева «Год революции с экономической точки зрения» в сборнике «Год русской революции».

вать бумажками, причем предстоит дальнейшее «упрощение их вида».

«Кредитный рубль уже стоит на внутреннем рынке не дороже двугривенного... Еще немного... и банкротство неизбежно»— писал «Новый экономист» (№ 32).

Непрерывное падение курса рубля представляется в таком виде:

курс рубля на Лондонской бирже:

	за 100 фунтов стерлингов рублей
28 февраля	1690
31 марта	1655
1 мая	1715
1 июня	2050
5 июля	2200
1 августа	2257
1 октября	3200
23 сентября	3110—3140 [1])

Если к началу 1917 г. рубль котировался приблизительно в 60 копеек, то к концу этого года он упал до 31 копейки.

Какой же «предметный урок» (пользуясь выражением В. Чернова) дала трудовым массам демократия своей экономической работой во Временном правительстве? Нам придется, учитывая характер мелкой буржуазии, слово которой слишком часто расходится с ее делом, последовать за нею сначала в область слов, потом в область дела.

Экономические программы партий керенщины были полны, с одной стороны, отчаяния и мрачнейшего скептицизма, с другой—громкой и крикливой решительности.

Вот образчики: «Масляный, мануфактурный, табачный, галошный, обувный,—все эти бесчисленные «кризисы» железным кольцом сковали существование неимущих классов... Когда четвертая ужасная зима стучится в дверь, суля перспективы холода и голода истощенному и измученному люду, трудно отделаться от всего этого воззваниями и добрыми увещаниями: нужны экстренные, решительные меры... Немедленная реквизиция всех запасов, являющихся об'ектом бесконечных стадий спекуляций... Беспощадная борьба с мародерством во всех его проявлениях властно диктуется моментом»—так писал «День» (от 2/IX). «Мы должны открыто сказать, что уже обо-

[1]) Сборник Центрального статистического управления «Россия в мировой войне».

значилась страшная хозяйственная катастрофа... Нужна немедленная, не отсрочивая ни на один день, решительная, смелая и творческая хозяйственная политика, не останавливающаяся ни перед какими мерами для предупреждения грозящей катастрофы»—так писала газета «Дело народа» (от 21/X).

Неправильно было бы думать, что прогрессивный рост разрухи побудил партии коалиции только к концу керенщины требовать «экстренных и решительных мер». Еще в резолюции III с'езда партии эсеров, состоявшегося 25 мая—4 июня, мы находим такие требования: «Диктуемая потребностями момента экономическая политика не должна отступать перед самыми решительными мерами налогового и финансового характера, как ограничение прибыли, принудительный заем и т. п., и перед не менее решительными мерами расширения государственного и общественного контроля над производством, равно как и сосредоточения в руках общественной власти использования наиболее важных народно-хозяйственных ресурсов страны и правильного распределения продуктов первейшей необходимости между населением». Пункт 3-й декларации Временного правительства от 6 мая гласил: «Временное правительство неуклонно и решительно борется с хозяйственной разрухой страны дальнейшим планомерным проведением государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов, а в необходимых случаях прибегает и к организации производства».

В середине мая исполнительный комитет Петроградского совета выслушал доклады экономического отдела Совета: «Обсуждение вопроса,—сообщал об этом собрании отчет присутствовавшей там делегации донецких горнорабочих,—привело к определенному выводу, что спасение революции и России всецело зависит от того, станет ли русская промышленность на тот путь, на который она вынуждена была стать в Германии и Англии,—на путь принудительного государственного трестирования (создания союзов, синдикатов каждой данной отрасли промышленности) не только контроля, но и руководства производством со стороны государственной власти».

Требование государственного регулирования промышленности казалось для всех настолько созревшим, что даже буржуазия не осмеливалась открыто выступать против него. Если судить об экономической политике различных классов и групп по их этикеткам—словесным заявлениям и программам,—могла легко создаться иллюзия, что в экономической политике мы имеем трогательное единодушие всех партий.

О необходимости радикальных реформ «в духе государственного социализма» заговорил даже такой орган буржуазии, как «Новый экономист»... «Теперь—писал в нем проф. Ми-

гулин 4 марта—особенно необходимы реформы в духе государственного социализма...· Буржуазный капитализм старого типа отживает свой век. Наш век—век государственного социализма, провозвестник, быть может, коренного изменения всего нашего экономического строя. Это необходимо твердо помнить. Консерватизм—опасная политика и в сфере экономических отношений, как и политических. Нужны радикальные реформы» [1]).

Меньшевики и эсеры охотно поддались иллюзии экономической прогрессивности буржуазии и ее готовности пойти на государственный контроль и регулирование.

Из положения, что «страна дошла до ужасающего состояния»,—они делали такой вывод: «пролетариат кровно заинтересован в том, чтобы не брать на себя одного ответственность за ход и исход борьбы с экономическим расстройством страны» [2]).

Мелкобуржуазная демократия хотела побороть экономический развал страны вместе с буржуазией, рассчитывая на ее благожелательность и лойяльность. Буржуазия ответила упорнейшим сопротивлением всякому действительному шагу в направлении государственного регулирования. Она выступила против всяких радикальных мероприятий в финансовой области, стремясь увеличить косвенные налоги, сохранить бумажную эмиссию, чтобы избежать принудительных займов и крупного поимущественного обложения. Она заняла боевую позицию против требований рабочего класса, начав в грандиозных размерах саботаж и всероссийский локаут.

Министр Временного правительства Скобелев храбро обещал взять у капиталистов 100% их прибылей. Но стоило Временному правительству лишь легонько прикоснуться на деле к прибылям капиталистов, как буржуазия моментально перешла в ожесточенное наступление [3]).

Оценочный сбор достигал в мае 1917 г. 10% дохода (с недвижимости). И «Русские ведомости» считали это «крайней степенью» для домовладельцев [4]).

---

[1]) Кстати, автор этой статьи—проф. Мигулин—известен еще по 1905 г., когда он, под влиянием охватившей буржуазию паники, предложил царю проект о принудительной конфискации помещичьих земель. Теперь этот профессор вновь выступил как бы вестником паники буржуазных классов. На сей раз «спасти отечество» должен был «государственный социализм».

[2]) Из меньшевистской резолюции III конференции профсоюзов 20 июня.

[3]) «Едва-едва его в правительстве уговорили больше не повторять таких диких сцен, но все же не убедили в неблагопристойности для министра такого рода поведения... «За еловом в карман не полезешь», возражал он»,—рассказывает В. Львов по поводу инцидента со 100% прибыли, которыми угрожал Скобелев (В. Львов.— «Революционная демократия и ее вожди в роли руководителей политики Временного правительства». Омск, 1919 г.).

[4]) См. у Н. Бухарина «На путях к Октябрю», стр. 18.

Осторожность, с какой министерство финансов подходило к обложению имущих классов, было почти беспредельно.

Министр финансов Шингарев так робко сделал надбавки к обложению крупных доходов, что даже Временному правительству пришлось заставить его пересмотреть ставки и довести их до 30%. Но и это фактически не поступало. Система оценки доходов осталась старая, допускавшая легкое сокрытие. Вдобавок сроки оплаты налогов подгонялись таким образом, чтобы в полной мере была использована промышленниками и торговцами обстановка падающей валюты. Чтобы понять, насколько велика была патриотическая жертвенная готовность нашей буржуазии, достаточно сравнить это обложение с обложением капитала в Англии, где подоходный налог дошел во время войны до 42% и где правительство брало до 60% военной прибыли [1]).

Между тем «Речь», говоря об этом обложении, сочувственно приводила слова управляющего министерством финансов Бернацкого: «В угоду крайним демократическим лозунгам доводят обложение имущих людей до невероятной высоты и боятся откровенно сказать массе, что все же не обойтись и без привлечения ее к финансовым тяготам. Между тем, совершенно ясно, что в России, бедной капиталами, государственная казна может устоять, главным образом, при помощи чисто народного кошелька».

Вожди демократии боялись настаивать на чрезвычайном поимущественном налоге, так как опасались, что он повлечет за собой уход из правительства всех кадетов и приведет к ликвидации предприятий и отливу капиталов за границу. Они как бы не замечали ни саботажа промышленников, ни локаутов, приведших уже к фактической ликвидации многих предприятий, ни инфляции, борьба с которой была немыслима без радикального зажима капиталистов.

Между тем, с апреля все банки и более или менее крупные акционерные общества распределяли громадные прибыли и дивиденды. «Бюллетени комитета с'ездов представителей акционерных компаний и банков» сообщали кое-что о размерах этих дивидендов. Вот образцы: в 72 предприятиях дивиденды за время войны возросли вдвое. Акционеры получили вместо 8.151 тыс. руб.—16.319 тыс. руб.—в среднем 13,7% на основной капитал. В крупных предприятиях по обработке металлов дивиденды увеличились с 1.346 тыс. руб. до 6.523 тыс. руб., т.-е. почти на 400%. Прибыль страхового общества «Волга» за 1916 г. составила 1.657.161 руб. 55 коп. при основном капитале в 1 млн. рублей. Таким образом прибыль за один год превысила на 166,7%

[1]) Е. Преображенский.—«Очерки истории современного империализма», стр. 82.

весь основной капитал («Речь» от 18/V). По отчету Общества коломенского машиностроительного завода прибыль за 1916 г. составила 7.482.832 руб. 35 коп. при основном капитале в 15 млн. руб., т.-е. 48,33% основного капитала. С 1916 г. золотой дождь широкой струей лился в карманы акционерных обществ, основывавших новые предприятия и увеличивавших свои капиталы. Даже в 1917 г. шло еще усиленное грюндерство. По данным «Новой жизни» (от 17/X) за первые 9 месяцев 1917 г. было разрешено учредить новые компании на сумму свыше 1,9 млрд. руб. (за весь 1913 г. было в 6 раз меньше) и разрешены существующим обществам новые выпуски на 1,5 млрд. руб. (в 1913 г.— 249 млн. руб.).

Политика Временного правительства явно подтверждала тот пункт резолюции апрельской конференции нашей партии по докладу тов. Ленина, который говорил о неспособности «буржуазного правительства, охраняющего прибыли капиталистов, принять ряд революционных мер в хозяйственной области для предотвращения хозяйственной разрухи».

Проведение подоходного и единовременного налога все откладывалось. Зато сразу увеличились косвенные налоги. «Чисто народный кошелек»—по вышеприведенному выражению Бернацкого—должен был расплачиваться за все.

По случаю отсутствия винной монополии, «пьяный» бюджет должна была заменить сахарная монополия. По расчетам Временного правительства, эта монополия должна была дать 460 млн. руб. в первый же год, а при несколько более высокой цене даже 860 млн. руб. Перед самым концом керенщины были повышены железнодорожные тарифы на 100—150%. Разрабатывались проекты угольной, спичечной и чайной монополий [1]), но все это так и осталось в проекте.

В направлении государственного регулирования, необходимость которого так единодушно была признана, керенщина ничего практического не сделала. Единственная мера, проведенная здесь,—это хлебная монополия (была введена 25 марта 1917 г.). Да и то ее ввели под давлением Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, при огромном сопротивлении «прогрессивной» буржуазии, хотя та же буржуазия в думском прогрессивном блоке еще в 1916 г. выдвигала требования о введении дюжины государственных торговых монополий и отстаивала идею государственной организации промышленности, обслуживающей деревню. Но твердые цены на хлеб при свободных ценах на промышленные изделия, при отсутствии регулирования всех сторон хозяйственной жизни, были далеко невыгодны для массы крестьянства. Вдобавок на местах не была создана сеть прод-

[1]) К. Рябинский.—«Революция 1917 г.», т. V, стр. 135—140.

органов, что сводило на нет значение всей монополии. Что же касается государственной организации промышленности, то тут ровно ничего существенного сделано не было. «О синдицировании и вообще о каком бы то ни было государственном вмешательстве в промышленности не подымалось и вопроса»—свидетельствует «Новая жизнь». Паритетность состава органов регулирования и контроля приводила на практике к полнейшей бездеятельности этих органов.

Решающую роль в снабжении и регулировании играло Особое совещание по обороне. А оно было составлено из представителей Государственного совета, Государственной думы и старых чиновников, возглавляемых ставленником капиталистов Пальчинским.

Не лучше обстояло дело с «экономическим советом», который по мысли его создателей должен был стать чем-то вроде позднейшего ВСНХ. На Всероссийском с'езде комитетов снабжения (1 сентября 1917 г.) было отмечено, что «экономический совет, как показал опыт, работает чрезвычайно медленно; есть опасение, что он и в дальнейшем не проявит должной работоспособности».

Российские промышленники проявили свою неспособность к регулированию еще в годы войны. Недаром наши военно-промышленные комитеты оказались главным образом организациями, распределяющими заказы между промышленниками, в то время как Военно-промышленный совет в Германии, например, сосредоточил в своих руках регулирование всех важнейших сторон хозяйственной жизни.

После Февральской революции промышленная буржуазия не хотела и слышать о чьем-либо вмешательстве в свои дела: она хотела использовать Февральскую революцию для высвобождения из-под всякого государственного регулирования; она проваливала всякое мероприятие в этом направлении. Период керенщины привел, таким образом, к ослаблению тех элементов госкапитализма, которые имели место в России в годы войны.

Как только перед Временным правительством практически встал вопрос о регулировании, министр торговли и промышленности Коновалов заявил об уходе, не считая возможным взять на себя ответственность за нарушение коммерческой тайны и раскрытие торговых книг.

Нечего и говорить о том, что государственное регулирование в области распределения было не более плодотворным, чем в области производства. Временное правительство ограничилось лишь установлением некоторого порядка в распределении черного металла (закон 20 июля) и изданием ряда других незначительных постановлений, имевших целью регулирование распределения. Но все это сколько-нибудь серьезного практического значения не

имело. «Издание постановлений всякого рода—очень правильно писала об этом «Торгово-промышленная газета»—ни к чему не приводит, так как измышления в обходе их беспредельны» (№ от 14 июля).

Временное правительство не ввело ни одной общероссийской карточки.

Вместо того чтобы предоставить всякие льготы органам самоуправления, на которых было возложено продовольственное дело, Временное правительство санкционировало посягательства банков, отказавших в выдаче ссуд продовольственным комитетам.

В заключение краткого обзора экономической политики керенщины необходимо еще остановиться на проведенном при керенщине удвоении хлебных цен. Эта мера могла только обострить хозяйственный развал. Помимо того, что удвоение хлебных цен преследовало цель перессорить между собой, сшибить лбами рабочих и крестьян,—оно влекло за собой новое увеличение бумажной эмиссии, усиливало расстройство хозяйственной жизни, еще более взвинчивало дороговизну и приближало финансовый крах.

Экономический отдел Петроградского совета принял грозную резолюцию, указывая, что повышение хлебных цен—«мера пагубная, наносящая сильнейший удар как продовольственному делу, так и всей хозяйственной жизни страны». Тем не менее в угоду помещикам и кулакам (которым одним только было выгодно 100%-ное повышение хлебных цен) она была проведена.

⁂

ПОХОД ПРОТИВ ФАБЗАВКОМОВ И ЛОКАУТЫ

Пролетарская и буржуазная программы экономических действий. Наступление капитала на фабричную конституцию и позиция мелкобуржуазной демократии. Локаутное движение, его формы и размеры. Локауты, как политический ход буржуазии. Керенщина и локауты. Связь экономической и политической стратегии пролетариата.

Итог усилиям мелкобуржуазной демократии наладить в контакте с буржуазией экономическую жизнь страны правильно намечен в словах А. Мануйлова на с'езде кадетов 25/VII: «2 крыла Временного правительства—говорил он—не могли договориться. Все были согласны с необходимостью государственного вмешательства и регулирования промышленности, но не был выяснен основной вопрос—отношение к социализму, его практическое значение в настоящий момент. Вопрос этот не являлся теоретическим».

Кадетский министр подошел близко к сути дела. Ряд шагов к социализму практически назрел и был совершенно необходим. Но этих шагов раздираемое перманентной внутренней борьбой коалиционное правительство не могло или не хотело сделать; оно—выражаясь словами Прудона, сказанными по поводу Временного правительства Февральской революции 1848 г.— «не умело, не желало и не дерзало».

Зато пролетариат выдвигал свою ясную экономическую программу. В июне конференция фабзавкомов в Петрограде приняла подавляющим большинством большевистскую резолюцию, в которой читаем: «Спасение страны от катастрофы требует, чтобы рабочему и крестьянскому населению было внушено не словами, а делами, самое полное и безусловное доверие к тому, что руководящие и полновластные учреждения как на местах, так и в центре государства, не останавливаются перед переходом в руки народа большей части прибылей, дохода и имуществ крупнейших и крупных банковых, финансовых, торговых и промышленных магнатов капиталистического хозяйства. Не проведя этой меры в жизнь, нельзя ни требовать, ни ожидать проведения действительно революционных мер и действительного революционного напряжения энергии рабочей и крестьянской массы населения».

Конкретная программа действий была такова: 1) национализация земли—мера, не выходящая за рамки буржуазного строя, но усиливающая влияние пролетариата на полупролетарские слои деревни и являющаяся ударом по частной собственности, 2) государственный контроль над банками и об'единение их в единый центральный банк, 3) государственный контроль над страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами (как сахарнозаводской промышленности, как «Продуголь», «Продамета» и т. д.), 4) постепенный переход к справедливому прогрессивному обложению доходов и имуществ и 5) рабочий контроль; рабочим — большинство в контролирующих органах; отмена коммерческой тайны. «Такие меры экономически вполне назрели, технически безусловно осуществимы немедленно, политически могут встретить поддержку подавляющего большинства крестьян, выигрывающих от этих преобразований во всех отношениях»,—говорила об этой экономической программе апрельская конференция большевиков.

Не менее отчетливой была и позиция промышленников. «При существующих условиях мирового хозяйства никакой иной экономический строй, кроме капиталистического, в России невозможен. Поэтому бесплодны и безусловно вредны всякие попытки хотя бы частичного осуществления социалистического принципа на отдельных предприятиях. Вмешательство рабочих в управление предприятиями... приведет лишь к анархии на предприятиях, к бегству из них необходимых деятелей, к новому расстройству их финансового хозяйства и, следовательно, к гибели самих предприятий. Подобные действия должны быть немедленно прекращаемы...».

Напрасно «День» вопил: «Борьба, беспощадная борьба с центробежностью всех классов и групп!..». Социальный распад не мог быть остановлен никакими заклинаниями. Борьба двух классовых программ—буржуазии, стремившейся полностью сохранить старый экономический порядок, и пролетариата, идущего к социалистической революции,—наполняет собой весь период от марта до октября Мелкобуржуазная демократия, занявшая и тут, по своему обыкновению, третью, промежуточную позицию, старалась стать всероссийской примирительной камерой в великой тяжбе труда и капитала. Увы, это стало ей удаваться все реже и хуже.

От «примиренческой» позиции циркуляра Совета с'ездов 2 марта скоро не осталось и следа [1]). Да и рабочий класс все

[1]) Уже 10 мая—по рассказу деятеля Совета с'ездов промышленности и торговли Ауэрбаха—представители металлургической и металлообрабатывающей промышленности были приняты коалиционным правительством и намекнули весьма определенно на возможность организации ими

меньше проявлял тенденций к сутяжничеству, а ставил вопрос прямо и решительно. Все реже удавалось достигать примирительных результатов в многочисленных конфликтах труда и капитала. И—знаменательная черта!—неуступчивость обеих сторон была особенно острой не в вопросах зарплаты, продолжительности рабочего дня и т. д.

Рабочий класс не ограничивался борьбой за «пятачок», а властно ставил в порядок дня новую фабричную конституцию, вокруг которой и сосредоточилась наиболее упорная борьба. Удар промышленников и направился, прежде всего, на органы этой фабричной конституции—фабзавкомы. Конференция промышленников юга России в докладной записке, представленной Временному правительству в конце мая, жаловалась на фабзавкомы в таких словах: «В настоящий момент диктатура рабочего класса осуществлена в примитивной ее форме». Классовый инстинкт буржуазии ее не обманывал. Против фабзавкомов и всяких других рабочих организаций начался бешеный поход. Заводчики стали отказываться оплачивать труд рабочих, занятых в заводских и цеховых организациях.

Как только был основан в Петрограде Центральный совет фабзавкомов, заводчики стали отказываться от заказов, рассчитывать частично рабочих, вывозить сырье, станки и инструменты в спекулятивных целях (из доклада Амосова на II конференции фабзавкомов).

Петроградское общество фабрикантов разослало 8 сентября циркуляр, где предлагало членам общества категорически отклонять требования рабочих о принятии на работу исключительно членов профсоюзов.

Конференция промышленников юга России, состоявшаяся 20 сентября и собравшая 500 представителей промышленных союзов, выдвинула следующие требования «относительно некоторых условий, при которых возможно существование промышленности»: 1) Недопущение приема и увольнения служащих и рабочих, помимо управления предприятия; 2) возврат обратно уволенных «самочинными организациями»; 3) право установления внутреннего распорядка исключительно администрацией; 4) привлечение к судебной ответственности всех «правонарушителей»; 5) прекращение производства предприятиями платежей на содержание депутатов советов рабочих и солдатских депутатов и разных «самочинных» организаций (из доклада Б. Н. Соколова на конференции промышленников юга России 20 сентября).

«предметного урока» для рабочих в виде остановки производства («Архив» Гессена, т. XIV, стр. 34 Берлин).

Это была, словом, программа полного хозяйского самодержавия на предприятиях. Промышленники боялись малейшей уступки в вопросах фабричной конституции. Они жаждали «порядка», «железной дисциплины», «урегулирования заработной платы» в смысле ее максимального снижения—единственного «регулирования», на которое они шли всем сердцем.

Когда министр торговли и промышленности Временного правительства робко запросил правление Богословского горного округа (Урал), согласно ли оно увольнять служащих и рабочих при посредстве примирительных камер (не фабзавкомов!), то он получил такой ответ: «Правление никаких комитетов и камер не признает и признавать не будет. Оно является хозяином завода, а поэтому что хочет, то и делает. Что же касается государственного общественного контроля, то промышленники никакого контроля не признают и признавать не будут [1]).

Таким языком говорили промышленники. Они были по своему правы: уступка в вопросах фабричной конституции могла перерасти в уступку права частной собственности. Но промышленники не собирались вовсе кончать самоубийством. «Власть должна мыслить буржуазно и действовать буржуазно»,—эти слова Рябушинского стали знаменем всего торгово-промышленного класса России. Идя навстречу программе хозяйского самодержавия, Пальчинский внес во Временное правительство проект о «военноуполномоченных», которые должны заменить рабочие организации и ввести строгий порядок в заводскую жизнь. По этому проекту военноуполномоченные устанавливают «такие основания оплаты труда, кои ведут к усилению производительности предприятия». Они собственной властью увольняют рабочих и служащих, не исключая входящих в состав заводских комитетов.

Пальчинский был ставленником буржуазии во Временном правительстве—для него было естественно выступить с подобным проектом. Но министр труда Скобелев со своей стороны тоже приложил руку к борьбе против фабричной конституции. Скобелев издал циркуляр о фабзавкомах, в основе отменявший обязательность найма и увольнения через фабзавкомы. Правда, попытка провести это в жизнь (в кожевенной промышленности) встретила достойный отпор. Однако, самый факт появления подобного циркуляра достаточно ярко характеризует позицию мелкобуржуазной демократии в этой борьбе [2]).

---

[1]) Лозовский.—«Профессиональное движение в России», стр. 18.

[2]) На Всероссийском совещании текстильщиков в Москве 24 сентября представитель орехово-зуевских рабочих рассказывал о том, как Временное правительство противодействует рабочему контролю. Тот же Скобелев угрожал прислать броневики, если рабочие будут осуществлять контроль.

Соратник Скобелева, помощник министра труда Колокольников, выступая на III конференции фабзавкомов, в свою очередь счел необходимым предостеречь рабочих от вмешательства в хозяйственную жизнь предприятий. Его мотивировка— верх меньшевистской премудрости: «Заводские комитеты,—говорил он,—не должны брать на себя хозяйственных функций, так как этим они будут участвовать в эксплоатации».

«Социал-демократическое» министерство труда получило на этой конференции хороший предметный урок от рабочих: «Поход против комитетов — постановила конференция — является преступлением против революции, а солидарность в этом походе министерства труда с промышленниками является для рабочего класса еще одним грозным уроком гибельности политики соглашательства» [1]).

Пролетариат все больше сознавал себя хозяином и организатором производительных сил страны.

На I конференции фабзавкомов в Петрограде рабочий нового арсенала Воронков говорил: «С начала революции администрация разбежалась, рабочие остались фактическими хозяевами. Для того, чтобы поддержать производство, пришлось забрать заводы в руки заводских комитетов. Пришлось, следовательно, создать определенную организацию контроля... Заводским комитетам приходилось доставать для работы сырье, материалы... заводским комитетам вообще приходилось брать на себя совершенно непредвиденные и никем не предусмотренные обязательства...».

Докладывавший о работе фабзавкомов Левин говорил: «Пришлось на этих заводах приступить к работе без администрации. Но как? Ведь администрация—соль завода, двигатель его. И тут заводы немедленно избрали заводские комитеты, с помощью которых начала устанавливаться нормальная жизнь на фабриках и заводах. И там, где прежде стояли администраторы, инженеры, генералы (на казенных заводах),—теперь работали члены заводских комитетов» [2]).

Выступивший на только что упомянутой конференции вслед за Колокольниковым представитель рабочих Харьковского паровозостроительного завода рассказывал: «Только благодаря энергичному вмешательству завкома удалось предотвратить закрытие Харьковского паровозостроительного завода. Члены завкома не жалеют своего времени, если это нужно. Они 3 дня не выходили из мастерской, когда один инженер по незнанию или

---

[1]) В. Милютин.—«Современный экономический развал и диктатура пролетариата», Москва. 1918 г.

[2]) «Первая рабочая конференция заводских комитетов», Петроград. 1917 год.

сознательно застопорил мартеновскую печь. Мы сами знаем, как спасать страну»—говорил представитель завкома.

15 октября делегатское собрание Московского союза металлистов единогласно вынесло такую резолюцию об экономическом развале: «Перед пролетариатом, как классом, война и революция выдвинули великую задачу: организовать и охранять производительные силы страны от той катастрофы, к которой сознательно ведут страну капиталисты». Такие же резолюции вынес союз текстильщиков и ряд других союзов.

Но чем решительнее пролетариат выступал, как хозяин и организатор производительных сил, тем упорней было сопротивление капиталистов. Локаут!—таков был ответ буржуазии.

Своеобразная итальянская забастовка промышленников началась уже вскоре после Февральской «революции всеобщих симпатий». Заводы не ремонтировались, изношенные части машин не заменялись новыми, запасы сырья и угля не возобновлялись, все работы велись спустя рукава. Эта скрытая форма локаута, окрещенная у нас саботажем, скоро перешла в открытый всероссийский локаут [1]).

По официальным данным министерства торговли и промышленности, несомненно значительно преуменьшенным, было закрыто предприятий:

в марте	74	завода	с 6.696	рабочими
» апреле	55	»	с 2.816	»
» мае	108	»	с 8.701	»
» июне	125	»	с 38.455	»
» июле	206	»	с 47.754	»

По другим данным, к 1 августа 1917 г. было закрыто 568 предприятий и выброшено на улицу более 100 тыс. рабочих.

Обращает на себя внимание та прямо бешеная прогрессия, в какой росло локаутное движение. Если количество закрытых предприятий и выброшенных на улицу рабочих в марте принять за 100%, то мы получим следующую картину роста локаутируемых рабочих: в марте—100%, в апреле—42,4%, в мае—130,9%, в июне—578,6%, в июле—718,5%; локаутируемых предприя-

[1]) Саботаж промышленников—по мнению Г. Цыперовича («Тресты и синдикаты», стр. 143)—представлял собой «логическое завершение прежней политики синдикатов и трестов, но в обостренной контр-революционной форме». Нам представляется, что этот взгляд несколько односторонен и игнорирует как раз наиболее важную, политическую, сторону дела. Между тем, особенностью промышленного саботажа 1917 г. является именно то обстоятельство, что этот саботаж был, в первую очередь, политическим ходом буржуазии.

тий: в марте—100%, апреле—79,3%, мае—145,8%, июне—168,9%, июле—278,4%.

Но в это число не вошли данные о скрытых локаутах, которые никакому учету не поддавались.

Этот прогрессивный рост свидетельствовал о громадной волне локаутов, которая угрожала всему рабочему классу. Мы не располагаем сводными и достаточно надежными данными о размерах локаута после июля. Между тем, если учесть общую экономическую кон'юнктуру в стране и темп, с каким развивались локауты ранее, мы должны притти к заключению, что как раз после июля волна локаутов поднялась особенно высоко и приняла грандиозные размеры. Частичные данные, какие мы имеем, подтверждают этот вывод. В Петрограде— по докладу Дербышева на IV общегородской конференции фабзавкомов 10 октября—было закрыто около 40 заводов. 19 октября «Рабочий путь» сообщал, что московские фабриканты пред'явили рабочим ультиматум, грозя вышвырнуть 300 тыс. рабочих. На Урале, то ссылаясь на отсутствие топлива, то придираясь ко всякой мелочи, заводчики закрыли 50% предприятий. Там к этому времени числилось уже свыше 60 тыс. безработных.

В Донбассе к августу было закрыто 77 предприятий [1]). В ряде других предприятий Донбасса предприниматели не принимали никаких мер к ремонту орудий и приспособлений, так что производство становилось технически невозможным. Предприниматели проявляли определенную тенденцию к прямому сокращению производства. Промышленники отказывались от снабжения продовольствием рабочих и доводили санитарные условия до опасного состояния. При попустительстве владельцев много копей было затоплено.

Накануне самого переворота в Екатеринославе было выброшено на улицу около 50 тысяч рабочих.

«Произошло это,—как докладывал представитель фабзавкомов Екатеринославщины Бухов на совещании о безработице, созванном Петроградским профессиональным советом и Исполнительным комитетом совета 15 октября,—исключительно на почве классовой вражды». На этой же почве безо всякой хозяйственной надобности был закрыт в Харькове паровозостроительный завод. Рабочим пришлось взять в свои руки ряд фабрик и продолжать производство. Часто они несколько дней в неделю изготовляли предметы для деревни. Но Временное правительство и министерство труда всячески мешали подобным мероприятиям рабочих.

Экономическая кон'юнктура благоприятствовала именно локаутной форме борьбы промышленников. Хозяйственный

[1]) «Рабочий и солдат» от 8 августа 1917 г.

развал поставил капиталистическую прибыль перед серьезнейшей угрозой. Повышение заработной платы, невозможность непрерывных работ из-за недостатков снабжения, изношенность оборудования—все это делало зачастую ведение предприятий убыточным.

Вдобавок, промышленники видели, что война приходит к концу со всеми ее сверх-прибылями и казенными поставками. Поэтому они были заинтересованы в том, чтобы свернуть производство, переждать, перевести заводы на консервацию.

Чтобы составить представление о размерах локаута в 1917 г., интересно сравнить имеющиеся у нас данные с данными о локауте в 1905—1906 гг.—самом большом, какой только знала Россия.

В конце 1905 г. в обеих столицах было закрыто около 100 заводов и выброшено более 170 тыс. рабочих. В 1906 г. (осенью) по неполным данным было около 130 тысяч безработных [1]).

Если учесть темп, с каким развивался локаут, мы должны будем притти к выводу, что локаутный шквал в 1917 г. был гораздо сильнее и шире, чем в 1905 г.

Это был широко задуманный, опирающийся на громадные средства, дьявольски рассчитанный всероссийский заговор против рабочего класса, предпринятый с главной целью придушения социалистической революции.

Как нельзя ясней (чего стесняться в своем отечестве!) эта стратегическая задача буржуазии выражена в речи председателя Всероссийского союза торговли и промышленности Рябушинского от 3 августа: «Нужно было,—говорил вождь буржуазии,—чтобы было разбито несколько армий, чтобы наше доблестное офицерство пострадало до крайности для того, чтобы советы депутатов переменили на время свои убеждения. Поэтому, господа, мы... поневоле вынуждены ждать, что... этот финансово-экономический провал может быть для России неизбежен... И тогда уже, когда он для всех станет очевидным, тогда только почувствуют, что шли по неверному пути. К этому времени мы должны деятельно готовиться, чтобы наши организации были на высоте положения» [2]).

Локаут был таким образом рассчитанным, крайним политическим ходом буржуазии, ходом ва-банк. Основная задача буржуазии сводилась к углублению кризиса и к полной дискредитации революционных элементов, которые якобы дезорганизуют хозяйство.

На частном совещании промышленников Кринский говорил: «Чего вы пугаетесь, что слишком много ассигнаций в

[1]) Финн-Енотаевский. — «Развитие капитализма в России», стр. 352—353.

[2]) «Торгово-промышленная газета» от 6 августа.

стране? Погодите, когда начнется голод и не хватит денег, когда начнется подлинный голод, тогда все возопиют о твердой, крепкой власти, и тогда придет наш черед» [1]).

Решаясь на такой крайний шаг, локаутчики надеялись быстро расстроить производство. Конечно, при этом отдельные капиталисты терпели крупные убытки. Но перед риском вовсе лишиться своих предприятий, перед опасностью, угрожавшей всему буржуазному строю, убытки отдельных капиталистов не могли быть принимаемы в соображение. Убытки окупятся при восстановлении предприятий; о потерпевших позаботятся мощные организации, вроде Общества фабрикантов и заводчиков, созданное еще в период локаута 1905—1906 гг. А когда «все пройдет», государство тоже не оставит в обиде.

Вот почему «Торгово-промышленная газета», открыв яростную кампанию за локауты, писала: «Всякого рода революционные комитеты и советы... быстро и верно изгоняют из промышленника охоту к своему делу и заставляют его смотреть на принадлежащее ему предприятие почти так же, как каторжник смотрит на тачку, к которой он прикован. Русский промышленник стоит теперь вне закона. Единственной мечтой промышленников становится—бросить дело, закрыть предприятие, хотя на время... Как ни тяжелы последствия закрытия заводов, но если нет другого средства, то надо хоть этим заставить рабочих образумиться»...

«Предприятия должны прекращать свое существование»— писал журнал «Горнозаводское дело» (№ 22—23).

Деятельно организуются и укрепляются боевые штабы предпринимателей, которые руководят локаутами и стремятся придать ему всероссийский характер.

В августе состоялась конференция предпринимателей, об'единившая 2 тысячи предприятий с 1.500 тыс. рабочих. Был создан Всероссийский союз обществ фабрикантов и заводчиков [2]).

В начале октября совещание «общественных деятелей» в Москве выделило торгово-промышленный центр «Совет с'ездов», в который вошли: Третьяков, Шингарев, Рябушинский, Бурышкин и т. д. Фонд совета составил 20 млн. рублей. Задачи совета были так сформулированы: «Немедленная и неостанавливающаяся ни перед чем защита интересов русских промышленников, торговых и финансовых основ страны, поставленных растущей анархией, самочинными организациями и безумными требованиями рабочих в положение, угрожающее полной гибелью государству и родине».

---

[1]) Цитировано у Л. Д. Троцкого. Собрание сочинений, т. III, ч. I, стр. 115.

[2]) Антошкин.—«Профессиональное движение в России», стр. 245.

Несколько позднее была основана под председательством министра Третьякова в Москве новая, еще более мощная организация буржуазии: «Всероссийский союз союзов». По уставу этого союза каждое предприятие, входящее в него, вносило двадцатикратную сумму убытка от одного дня забастовки. Вводилась круговая порука промышленников [1]. Если до революции в России было 4 общества заводчиков и фабрикантов, то на Всероссийской конференции этих обществ (9—10 августа 1917 г.) их было представлено 15 [2].

Эти мощные центры буржуазии энергично организовывали солидарное выступление промышленников. Совет с'ездов требовал от всех предпринимателей, чтобы они не шли ни на какие уступки рабочим, грозя в противном случае расправой в виде лишения помощи и исключения из союза. На закрытых предприятиях администрация прямо намекала, что пуск завода зависит не от одного владельца, а от организаций фабрикантов и заводчиков.

Что же делало Временное правительство перед лицом гигантских локаутов, которые с такой планомерностью организовывались всякими обществами и советами фабрикантов и заводчиков?

Долгое время оно совершенно не замечало локаутов. На совещании промышленников в Москве Скобелев говорил, что слухи о локаутах об'ясняются исключительно нервным настроением рабочих. Локаутов он не видит. Он успокаивал промышленников на счет высоких ставок обложения налогами, так как перед промышленниками после войны откроются блестящие перспективы. Когда «не замечать» всем видных локаутов стало уже невозможно, главный экономический комитет разразился во второй половине сентября законопроектом «об урегулировании промышленной жизни» и внес его во Временное правительство. Суть этого законопроекта сводилась к следующему: недопустимо самовольное со стороны владельцев прекращение работ предприятий, р а б о т а ю щ и х н а о б о р о н у. Если нарушаются нормальные отношения между рабочими и предпринимателями в предприятиях, работающих на оборону или признанных особо важными для снабжения населения, туда назначаются правительственные комиссары. Если раз достигнутое соглашение нарушено по вине предпринимателей, устраняется администрация или налагается секвестр на предприятие. Если рабочие нарушают соглашение,—закрывается предприятие.

[1]) Ольминский.—«1917 год», 202—203 стр., статья «Биржевики готовятся к наступлению».

[2]) Г. Шатилов.—«Петроградская крупная буржуазия между 2 революциями 1917 г.» («Красная летопись» № 6 (21) за 1926 г.).

Помимо того, что этот проект ограничивался одними работающими на оборону предприятиями, он серьезного практического значения не имел; если же и имел, то только как зажим в сторону рабочих, а не предпринимателей.

Промышленники сознательно дезорганизовывали и расстраивали производство. Могущественные организации буржуазии бросили все свои силы на углубление разрухи, а Временное правительство не смело или же не было в силах прекратить эту вакханалию локаутов и саботажа. «Мелкая буржуазия, великая в хвастливости, совершенно неспособна к делу. Она трусливо сторонится всякого решительного шага»,—как будто об этих героях 1917 г. писал Энгельс в «Революции и контрреволюции в Германии».

За заявлениями Временного правительства не чувствовалось авторитета, за угрозами не было силы, за декларацией общеклассовой гармонии стояли ожесточенные междупартийные и междуклассовые раздоры.

Больше того, в среде самого Временного правительства находились вожди и представители наиболее злостных локаутчиков. Смирнов и Третьяков—организаторы «Всероссийского союза союзов»—были одновременно членами Временного правительства последнего состава. Смирнов—один из совладельцев Ликинской мануфактуры—являлся сам одним из самых злостных локаутчиков. Он остановил свою фабрику и выбросил на улицу рабочих, мотивируя это отсутствием топлива и т. п. Между тем, назначенная Временным правительством комиссия обнаружила, что запас топлива и сырья имеется в вполне достаточном количестве, что машины находятся в полной исправности. Этот-то Смирнов и был приглашен в последнее коалиционное правительство в качестве государственного контролера.

Всероссийский локаут ставил перед рабочим классом вопрос о его жизни и смерти.

Стало ясно, что стачка не годится уже как средство борьбы, что «борьба из области распределения материальных благ должна быть перенесена в область производства» [1]).

Буржуазия бросила всю свою громадную материальную мощь на дезорганизацию всех производительных сил. Ее ставкой была ставка на сознательное разрушение промышленности.

Пролетариат не мог не выступить на спасение и сохранение производительных сил страны,—этой жизненной основы его существования и всего его будущего,—которым угрожала гибель.

[1]) А. Гуревич.—«Всероссийский союз металлистов».

Борьба с локаутами непосредственно подводила к «политике». На конференции профсоюзов Урала один из выступавших рабочих привел такой пример связи локаутов с «политикой»: если,—говорил он,—капиталисты закроют Богословский округ, то стачечного капитала—30 тыс. руб.—хватит только раздать по 90 коп. на брата (37 тысяч рабочих и служащих). «В борьбе с локаутами мы волей-неволей упираемся в политику»—говорил этот товарищ.

О том же говорила резолюция конференции фабзавкомов г. Киева: «В борьбе с локаутами нельзя останавливаться ни перед какими трудностями. Все рабочие организации должны принять все меры к тому, чтобы расстроить контр-революционные планы капиталистов... Отстранение буржуазии от власти является важнейшим условием успешной борьбы с локаутами» [1].

Рабочие все более убеждались, что нельзя выработать основ экономической стратегии вне тесной зависимости со стратегией политической.

Подобно тому, как локаут вынуждал рабочие организации к захвату рабочими власти на предприятиях во избежание прекращения производства, так этот же локаут вынуждал все тверже и все шире ставить коренные вопросы власти в стране.

19 октября Московский совет, исходя из того, что «коалиционное правительство не только не поддерживает требований рабочего класса, но и открыто идет против него и его организаций»—декретировал: «удовлетворение рабочих в тех отраслях, где назревает или идет стачка». Осуществление этого декрета должно было проводиться явочным порядком. Саботажники и локаутчики были поставлены под угрозу немедленного их ареста советами [2].

23 октября Московский совет опубликовал декрет № 1, обязывавший все предприятия города Москвы производить прием и увольнение рабочих только с согласия фабрично-заводских комитетов.

Перед лицом растущих локаутов Московский совет вынужден был таким образом еще до начала октябрьских боев взять на себя известные функции государственной власти.

Всероссийский локаут ставил властно перед рабочим классом вопрос о государственной власти во всероссийском масштабе.

[1]) Цитировано по книге Евгении Бош «Год борьбы».
[2]) Цитировано по книге Е. Игнатова «Московский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году», стр. 345.

АГОНИЯ КЕРЕНЩИНЫ.

Керенщина после июльских дней. «Правительство спасения». Попытка бонапартистского переворота. Развал блока мелкобуржуазных партий с буржуазной демократией. «Правительство гражданской войны». Отход масс от коалиции. Разложение партий керенщины. Перед новой революцией.

Если еще при кризисе 9 июня Церетелли предлагал разоружить питерских рабочих и революционные полки, если 18 июня показало наглядно, что мелкобуржуазные партии окончательно разошлись со стремлениями масс, то 3—5 июля вожди демократии открыто перешли на сторону буржуазии. Они одобрили разгром и закрытие большевистских газет, а также разоружение революционных солдат и рабочих, ввели смертную казнь на фронте, способствовали арестам большевиков и мерзкой клеветнической кампании против революционного пролетариата и его вождей. «Снова ожил перепугавшийся на-смерть Невский проспект — описывала умереннейшая «Новая жизнь» послеиюльские дни в Петрограде — Торжествует вся активная сволочь Невского проспекта». «Сегодня изобличен большевистский комитет, завтра под подозрение возьмут Совет рабочих депутатов, а там и война с революцией будет об'явлена священной»—вынужден был признать даже «День» [1]).

Буржуазные классы добились своего: политическому двоевластию наступил конец.

При господстве мелкобуржуазных партий советы, как определила резолюция VI с'езда большевиков, «неизбежно спускались все ниже и ниже, переставали быть органами восстания, как и органами государственной власти, а решения их неизбежно превращались в бессильные резолюции и невинные пожелания». После июльских дней советы стали явно агонизировать и превратились в простой и маловажный придаток бюрократической машины Временного правительства.

До июля все посылаемые в провинцию комиссары снабжались двойными мандатами: от ЦИКа и от Временного прави-

---

[1]) Цитировано по книге Цветкова-Просвещенского «Июльские дни».

тельства; после июльских дней Временное правительство больше не нуждалось в санкции ЦИКа, и комиссары получали свои правомочия от одного Временного правительства.

До июля Временное правительство издавало декрет, а ЦИК или Петроградский совет могли издать контр-декрет, имевший силу закона (например, приказ № 1). После июльских дней Временное правительство совершенно не признавало нужным считаться с ЦИКом. Даже разговоры о двоевластии прекратились. Самые важные законы получали силу и без санкции ЦИКа.

Наши правительственные социалисты, ранее добровольно взявшие на себя функции «министров успокоения», теперь так же добровольно стали «министрами усмирения» революции. «Успешную борьбу с ленинизмом может вести только социал-демократия, как партия пролетариата»,—говорило воззвание меньшевистского организационного комитета после июльских дней. «Речи министров-социалистов стали очень походить на кадетские речи»—признавал Милюков на IX с'езде кадетов. Но вместе с тем Церетелли должен был признать, что «уже носятся вороны контр-революции» и что «правы те, кто указывал, что советы 2 месяца назад были сильнее. Мы действительно стали слабее».

«Министерство мелкобуржуазных иллюзий» привело скорее чем в $2^1/_2$ месяца к сосредоточению власти в руках военной клики. Керенщина добросовестно унавоживала почву для империалистской диктатуры.

Неудача на фронте, финансовый крах и в связи с этим усиление зависимости от финансового капитала,—все это побудило определенные круги мелкой буржуазии, особенно городской, политически колебнуться в сторону реакции. Это перемётывание в сторону «сильной власти» создало блок мелкой буржуазии с империалистской крупной буржуазией. Правда, поскольку главный член первой части этого блока—крестьянство—не добилось осуществления своих аграрных требований, этот блок не мог быть не чем иным, как скоропреходящим. Пока же перемётывание мелкой буржуазии было широко использовано как контрреволюционной буржуазией, так и реакционными верхами командного состава армии для укрепления своих позиций.

«Усмирением» питерских пролетариев 3—5 июля банда военщины брала реванш за неудачу 18 июня на фронте. «Наш глубокий прорыв на фронте Ленина—выразил эту мысль кн. Львов—имеет по моему глубокому убеждению несравненно

большее значение для России, чем прорыв немцев на юго-западном фронте».

А эсеры и меньшевики утешались тем, что в новом составе коалиционного правительства им принадлежало 8 портфелей, в то время как не-социалисты имели только 7 портфелей. Об этом перевесе социалистов во втором коалиционном правительстве совершенно правильно говорит Милюков в своей «Истории»: «При небольшом номинальном перевесе социалистов действительный перевес в кабинете безусловно принадлежал убежденным сторонникам буржуазной демократии. Эта черта отличала кабинет 26 июля от кабинета 6 мая» [1]).

Обострение классовой борьбы к этому времени зашло уже настолько далеко, что перед страной явно встал призрак корниловщины: теперь буржуазии нужен был диктатор, облеченный чрезвычайными полномочиями и нестесняющийся в средствах, чтобы «спасать» контр-революцию. Буржуазные классы стали вопить о необходимости диктатора.

«Речь» стала после июльских дней делать исторические экскурсии в прошлое, преподнося явные уроки истории для настоящего. Она рисовала «отвратительные» картины господства «черни» в Великой французской революции и с восторгом описывала бонапартизм: «Нарождались вожди армий. Уже яркой звездой горела слава Пишегрю, уже сиял гений Гоша, уже солдаты Клемана в железных руках вождя превращались в непобедимых воинов, уже молодой Бонапарт не только наблюдал и изучал, но и действовал».

Демократия со своей стороны вела артиллерийскую подготовку пришествия «спасителя». Московское государственное совещание, на которое не были допущены большевики и на котором были широко представлены такие «живые силы» страны, как Государственная дума,—это Московское совещание превратилось в демонстрацию корниловцев и бонапартистов.

Декларация, которая была от имени революционной демократии оглашена на Московском совещании, знаменовала новую сдачу позиций в пользу империалистской буржуазии. В ней не было ни слова о скорейшем заключении мира: по вопросу же о передаче земли крестьянству там содержалось одно лишь указание насчет недопустимости земельных захватов. Выступления «социалистических» министров на этом совещании были как будто специально рассчитаны на подготовку бонапартистского переворота.

[1]) Милюков.—«История второй русской революции», т. I, вып. I, стр. 45.

Церетелли, обменявшийся на этом Государственном совещании историческим рукопожатием с руководителем промышленников Бубликовым, заявил там же: «здесь говорили, чтобы самую основу большевизма признать вредной, но это уже сделано, уже проведен исключительный закон; я вам говорю — революция была испытана в борьбе с левой опасностью».

Империалистская диктатура, которую всей своей политикой подготовляла демократия, не замедлила вскоре после Московского совещания перейти к методу прямого действия. Реакционная верхушка армии в лице Корнилова открыто заявила свои притязания на власть.

Соучастие Керенского в попытке Корнилова захватить власть является наиболее яркой иллюстрацией того империалистского и контр-революционного перерождения, которому на склоне своих дней окончательно подверглась руководящая головка нашей мелкобуржуазной демократии.

Керенский разошелся тогда с корниловцами отнюдь не из-за контр-революционного характера их программы. Он разошелся с ними потому, что во главе бонапартистского переворота он хотел поставить не Корнилова, а самого себя.

Условия же для возможности такого переворота были демократией подготовлены тщательнейшим образом.

Общая демократическая ситуация в стране не опровергала возможности бонапартистского переворота. Французский бонапартизм вырос в обстановке демократических преобразований. Основная сила бонапартистского переворота—контр-революционная буржуазия и реакционная военщина—была с максимальным демократическим великодушием сохранена при керенщине. Партия кадетов усиливалась и умножала свои голоса. Вокруг нее об'единились все силы реакции. За кадетские списки голосовали все черносотенцы. Буржуазия и помещики были готовы поддержать бонапартистский переворот. Извне, со стороны союзников, тоже посылались авансом благословения и щедрые обещания любому «спасителю». «Times» писал в период корниловщины: «Мы будем оказывать поддержку русскому гражданину как военному, так и невоенному, который докажет свою способность спасти Россию. Невозможно допустить, чтобы Россия могла быть спасена советами рабочих депутатов».

«Математическая точка русского бонапартизма»—по меткой формулировке тов. Троцкого—была найдена. Этой точкой хотел стать Керенский и много обстоятельств ему благоприятствовало. Мелкая буржуазия всегда испытывает необходимость покрывать свою политическую мелкоту и дряблость ореолом какой-либо «героической личности». Она и создавала

усиленно «культ» Керенского—именно потому, что Керенский только персонифицировал адвокатски-«возвышенным» образом обыденные черты мелкого буржуа: его безграничную веру в силу фразы, его «трагическую» крикливость, его нерешительность и бесхарактерность. Керенскому была предоставлена громадная единоличная власть. Он приглашал и увольнял министров. Он сам был премьером и военным министром. Его персона все возвышалась и возвышалась над государственным зданием «демократии». Еще больше росли его притязания. О «непомерном усилении личного момента в управлении» вынужден был заговорить даже Церетелли. Неважно, что Керенский отнюдь не блистал талантами. Луи Бонапарт тоже не блистал никакими особыми качествами, а ведь произвел же он бонапартистский переворот. Важно то, что, как писал «День» (25/X): «В нем (Керенском) каждая группа находит частичное свое выражение».

Буржуазия жаждала диктатуры, рвалась к ней. Правда, она предпочитала иметь диктатором Корнилова, решительного и откровенного человека реакционного дела. Но, поскольку вылазка Корнилова—этого Шангарнье [1]) российской реакции—не увенчалась успехом, у буржуазии не оставалось иного выбора, как продолжать приспосабливать демократические фразы Керенского в качестве прикрытия для буржуазной диктатуры.

Фигура Керенского в силу своей политической бесформенности могла импонировать различнейшим вкусам, а в силу полного своего ничтожества не могла составить опасности ни для одного из крыльев реакции. «Обеим сторонам—пишет Милюков—Керенский был нужен, и это поддерживало его у власти... Умеренные государственные элементы и «буржуазия» в широком и в узком смысле держались за Керенского—отчасти держались с возрастающим недовольством и даже отвращением только потому, что видели в нем последнюю гарантию спокойного и благоразумного решения основных государственных вопросов... » [2]).

Борьба двух кандидатов в диктаторы—Корнилова и Керенского—была, однако, явлением производного порядка. Гораздо важнее, что налицо был ряд обстоятельств, создавших благоприятную почву для бонапартистского переворота. Эти обстоятельства: 1) контр-революционность буржуазии, не довольствовавшейся скрытой победой в июле и рвавшейся к сво-

[1]) Ген. Шангарнье — «герой» партии порядка в 1849—51 гг., кандидат об'единенных роялистов в президенты, в противовес Луи Бонапарту.

[2]) П. Н. Милюков.—«История», т. I, вып. III, стр. 5.

ей открытой диктатуре, 2) слабость власти, ее лавирование между классами и ее зависимость от военщины [1]).

Но тут кончается сходство ситуации августа—сентября 1917 г. с той, из которой вырос бонапартистский переворот 18 брюмера 1799 г. Тогда: 1) крестьянская масса, удовлетворившая свои требования, в своей значительной части жаждала «порядка». У нас же было наоборот. Задачи аграрной революции не были решены. Крестьянство, истомившееся и разочаровавшееся в демократии, после восстания Корнилова резко колебнулось в сторону пролетариата и возложило все свои надежды на пролетарскую революцию в России; 2) бонапартизм мог оперсться на армию, солдатская масса которой была тесно связана с отдельными генералами и чье шовинистическое настроение подогревалось наполеоновскими победами. Этой опоры не было у русского бонапартизма 1917 г., ибо армия, деморализованная поражениями, расползалась по швам и главным желанием ее было—окончание империалистской войны, несмотря ни на какие усилия реакционных генералов; 3) наконец, бонапартизм 1799 г. не имел против себя массового и зрелого движения пролетариата, игравшего в тогдашней Франции слишком ничтожную роль. Переворот Бонапарта застал революционные предместья Парижа в состоянии разочарования, усталости, дезорганизованности и индифферентности. Наоборот, осень 1917 г. застала пролетариат России сплоченным в мощных профессиональных организациях и имеющим во главе выдержанную и опытную партию. Осень 1917 г. застала рабочий класс в состоянии революционного кипения в связи с кризисом и локаутами. Именно эти обстоятельства и привели к крушению российского бонапартизма.

С корниловщиной произошло то, что вовсе не входило в расчеты буржуазии. Бонапартисты добивались закрепления своей замаскированной победы во время июльских дней установлением открытой империалистской диктатуры. Отпор, данный корниловцам рабочим классом, сразу перевернул соотношение сил. Борьба с корниловщиной выдвинула на передовую

---

[1]) «Корниловщина—писала меньшевистская «Рабочая мысль» в № 2 от 23 сентября — проникала и проникает всю нашу жизнь... В широких массах граждан—обывателей создалось убеждение, что революционная демократия бессильна вывести страну из тупика. Эти массы не доверяют революционной демократии. Приходится искать выхода. И выход находится: России нужен диктатор или вообще «кто нибудь сильный», облеченный всей полнотой власти военной и гражданской, который и выведет страну на верный путь».

Сам Корнилов, собираясь в поход, так отзывался о Временном правительстве: «Я убежден, что слизняки, сидящие в составе Временного правительства, будут сметены» («Архив» Гессена, т. V, стр. 108. «Из воспоминаний» ген. Лукомского).

линию революционный пролетариат и сплотила вокруг него массы демократии и крестьянства, в первую очередь.

Этот непредвиденный результат испугал вождей демократии не менее, чем прямых корниловцев. «Мы боялись своей победы»,—высказал этот испуг «социалистический» министр Прокопович.

Не успело еще улечься волнение, вызванное в советских организациях восстанием Корнилова, как Керенский попытался закрыть образованные советами комитеты по борьбе с контр-революцией, сыгравшие решающую роль в подавлении корниловщины, как «вредные в нормальное время» [1]).

Скобелев выпустил циркуляр о недопущении общих рабочих собраний на фабриках и заводах в рабочее время и о неоплате труда членов заводских комитетов.

Едва избавившись при помощи пролетариата от смертельной опасности справа, вожди мелкобуржуазной демократии поспешили отблагодарить революционный пролетариат рядом новых ударов налево. Но вышедшее во время корниловщины из берегов революционное море уже нельзя было ввести в прежние берега.

Пролетариат, в котором корниловское восстание пробудило боевую готовность, смело шел навстречу новым, решающим боям. Создавались условия, когда новая революция не только становилась неизбежной, но когда она приближалась с невероятной быстротой.

Каковы условия и признаки назревшей революции? Ленин их так определял (в «Детской болезни «левизны»): «Решительное сражение можно считать вполне назревшим, если все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам; если все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые промежуточные элементы, т-е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия в отличие от буржуазии, достаточно разоблачила себя перед народом, достаточно опозорилась своим практическим банкротством, если

---

[1]) Вот выдержки из этого документа: «В целях борьбы с мятежом Корнилова в городах, деревнях, на железнодорожных станциях как в тылу, так и в районе действующей армии, по почину самих же граждан образовались особые комитеты спасения и охраны революции... Эти комитеты... сумели защитить и укрепить завоевания революции... оказав весьма существенную помощь правительственной власти. Ныне, когда мятежники сдались, арестованы и преданы суду, цели комитетов спасения тем самым уже достигнуты. Свидетельствуя от имени всей нации о чрезвычайных заслугах этих комитетов, Временное правительство приглашает всех граждан вернуться к обычным условиям жизни, с восстановлением законного порядка деятельности каждого органа власти... Самочинных же действий в дальнейшем допускаемо быть не должно, и Временное правительство будет с ними бороться, как с действиями самоуправными и вредными республике» (цитировано по «Запискам» Суханова. Кн. VI).

в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу самых решительных, беззаветно смелых революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела...»

Конец сентября и октябрь 1917 г. выявили классически революционную ситуацию, полностью и в точности отвечающую перечисленным условиям. «Все враждебные нам силы достаточно запутались, достаточно передрались»... Демократическое совещание, созванное вскоре после ликвидации корниловщины, обнаруживало такой разброд мнений, такую неустойчивость, что каждое его заседание служило яркой иллюстрацией гниения, охватившего все стороны злосчастной коалиции.

«Речь» писала об этих заседаниях: «Со дня на день и с часу на час приходится откладывать заседания, чтобы попытаться еще раз сговориться по фракциям, еще раз переубедить друг друга, добиться назначения такого-то докладчиком вместо такого-то... В конце концов после 2—3 бессонных ночей, когда голова у всех затуманится и горло охрипнет, какой-нибудь компромисс будет найден. Но какой же авторитет, какое значение будет иметь такой вымученный компромисс?»

Всей своей политикой мелкобуржуазная демократия достаточно разоблачила и опозорила себя перед народом... «Всюду окружают нас и ненавидят наши наставники и вожди, от них мы только и слышим одно: война до конца, до победного конца»—пишет один из солдат, отражая настроения всей солдатской массы [1]).

Солдаты пишут в «уважаемую газету «Дело народа», что они «разочаровались в демократии», «не понимают, почему и зачем свободу дали, когда баре попрежнему наших в деревне прижимают». «Почему же могут распоряжаться нашей жизнью, а капиталом нельзя распоряжаться, хотя бы временно». Но ведь «капитал не может быть оценен дороже жизни». «Совсем не как в марте»,— оценивает эти настроения «Дело народа» (от 21/X, ст. «Письма»).

«Солдатская масса—телеграфирует с фронта сотрудник «Русской воли» Муйжель — уверена, что большевики могут дать мир и после него землю». «Если раньше тысячные толпы рабочих вместе с инженерами рвали большевистские знамена, то теперь стоит меньшевику или эсеру в своей речи обронить слово «обождите», как раздается возмущенный ропот: «Ждать! Самодержавие на носу, а вы обождите! Довольно!» [2]).

---

[1]) См. ст. Ромаса «Из настроений в армии—по солдатским письмам». Сборник «От Февраля к Октябрю».

[2]) Ст. «Среди горнорабочих Донбасса». «Рабочий путь» от 9/IX.

В Совете республики шла ожесточенная ссора: меньшевики и эсеры упрекали кадетов в медлительности и саботаже; кадеты в свою очередь обвиняли меньшевиков и эсеров во всевозможных преступлениях, усиливающих кризис.

Во Временном правительстве дело обстояло не лучше.

Терещенко подсчитывал 22 октября, что из 197 дней существования Временного правительства 56 дней ушло на кризисы. «Непримиримые ссоры—свидетельствует В. Н. Львов—делали заседания Временного правительства совершенно невозможными. Вместо того чтобы принимать спешные властные решения, заседания тянулись в нескончаемых пререканиях самого резкого свойства» [1]).

Блок мелкобуржуазных партий с буржуазной демократией явно разваливался. Его составные части передрались между собой. Весь он в целом зашел в тупик, изжил себя и окончательно запутался в сложной обстановке, которая не терпела промедления и требовала смелых, решительных действий. Однако, все полномочные органы демократии только и занимались тем, что вели бесконечные словопрения.

«Мне стало тошно от слов»,—говорил Чхеидзе. «Дело народа» требовало: «Мы настаиваем на гильотинировании прений по общим вопросам, на активной работе в комиссиях, на разработке срочных законопроектов по вопросам земельным, продовольственным, экономическим, организации страны и борьбы с анархией. Демократии пора сбросить с себя растерянность, неопределенность и нерешительность своей политики».

Французские мелкобуржуазные демократы 1793 г. умели не только угрожать гильотинами, но и ставить их и железной рукой проводить свою диктатуру. Но с тех пор прошло свыше 12 десятилетий. Российские мелкобуржуазные демократы 1917 г. умели лишь угрожать... гильотинированием прений, да и этой угрозы не в состоянии были провести в жизнь.

«Известия ВЦИКа» открыли кампанию против советов, официозом которых они являлись. «Советы—писали «Известия» 12 октября,—перестали быть общедемократической организацией. Они нигде не об'единили всей демократии и едва ли можно доказать, что они где-нибудь фактически об'единяют большинство ее. Значение советов в местной жизни падает... Мы построили советы депутатов как временные бараки, в которых могла найти приют вся демократия. Теперь

[1]) В. Львов.—«Революционная демократия и ее вожди в роли руководителей политики Временного правительства». Омск. 1919 г.

на место бараков строится постоянное каменное здание нового строя...»

Это было почти слово в слово то же самое, что писал «День» во 2-й половине сентября: «Творческая роль этих органов демократии (советов) кончается, и дальнейшее их развитие наносит непосредственный ущерб закреплению революции».

На Демократическом совещании Скобелев заявил: «Всю полноту власти сейчас надо было бы отдать в руки всероссийского мещанина, ибо кончился не только медовый месяц революции и полоса романтики, но, повидимому, заканчивается и второй фазис творческого порыва молодой демократии в области разрешения практических задач. Теперь страна с 60%-ным неграмотным населением и ее революцией отступает в полосу мещанства».

Из таких-то вот 10 социалистов, как тогдашний Скобелев, и 6 министров-капиталистов (долго демократия искала представителей «хорошей» буржуазии, пока нашла их в лице... Коновалова, Третьякова и Смирнова) и составилось последнее Временное правительство. Характерно, что рост социалистических голосов во Временном правительстве встречался буржуазией с абсолютным спокойствием.

На Московском губернском с'езде партии кадетов, состоявшемся в конце сентября, Кизеветтер говорил: «Теперь на авансцене господствуют социалистические партии, и партия народной свободы кажется оттесненной на задний план... Некоторым может показаться, что безнадежно кадетам трудиться перед выборами в Учредительное собрание. Но такое заключение глубоко неверно». Основываясь «на строго об'ективных данных», Кизеветтер указывает, что «приходится смотреть оптимистически на положение партии» [1].

Зная, какую эволюцию в сторону реакции проделали вожди мелкобуржуазной демократии, нас не удивит этот странный на первый взгляд факт. Ядро последней коалиции, несмотря на преобладание социалистов, принадлежало к капиталистам. В их руках были самые ответственные посты, как министерство иностранных дел, экономический совет, министерство финансов. Правительство 25 сентября стало правительством гражданской войны, окончив через месяц свои дни в вооруженном столкновении с революционным Петроградом.

Так быстро проделывала циклы своей эволюции демократия: начав с посылки одного своего «заложника» в буржуазное правительство первого состава, она создала свое «министерство мелкобуржуазных иллюзий» (6 мая), затем «незави-

---

[1]) «Вестник партии народной свободы». Еженедельник. № 23 от 29 октября 1917 г.

симое» правительство спасения (24 июля) и пришла, наконец, к правительству гражданской войны (25 сентября).

Если в первом коалиционном правительстве было всего 6 министров-социалистов, то во втором было уже 8, а в последнем 10.

Но чем больше министров-социалистов было в правительстве, тем больше увеличивался развал самых социалистических партий коалиции и тем быстрее мелкобуржуазные массы отходили от этих «правительственных социалистов».

Массы, шедшие до сих пор за партиями керенщины, круто повернули к большевикам. Голоса, подававшиеся за меньшевиков и эсеров при выборах в органы самоуправления и в советы, упали так же быстро и катастрофически, как в свое время они быстро и катастрофически росли.

На июньских выборах в Петроградскую городскую думу блок эсеров и эсдеков получил около 600 тысяч, кадеты—200 тысяч, большевики—170 тысяч голосов. На августовских выборах соглашательский блок получил около 200 тысяч (в сравнении с предыдущими выборами—минус 400 тысяч); кадеты потеряли около 90 тысяч, большевики увеличили свои голоса в два раза. Меньшевики почти вовсе сошли со сцены (с 40 мест до 8); эсеры немного усилились. «Этот успех,—писала о выборах меньшевистская «Рабочая газета»,— свидетельствует о росте стихийного недовольства в массах и тоже представляет серьезный симптом, который должен быть учтен и демократией и правительством».

В провинции мы наблюдаем такой же процесс лавинообразного падения голосов, подаваемых за эсеров и меньшевиков, и рост большевистских голосов.

В Орехове большевики получили 75% всех голосов, в Нарве—50%, в Кронштадте—44%, в Иваново-Вознесенске—80%.

То же самое показали выборы в московские районные думы.

	Выборы в Московскую думу	Выборы в московские районные думы
	июнь	октябрь
Эсеры	— 58%	— 14%
Меньшевики	— 12%	— 4%
Большевики	— 11%	— 51%
Кадеты	— 17%	— 26%

Эсеры и меньшевики, получившие на июньских выборах 70% голосов, потеряли, таким образом, к октябрю 52% поданных за них ранее голосов. Кадеты выросли с 17% до 26%, большевики—с 11% до 51%.

Большевики становились во всех смыслах «властителями дум» пролетариата.

Советы, фабзавкомы, правления профсоюзов и другие рабочие организации также завоевывались большевиками.

Обуховский завод, дававший все время после Февральской революции свой вотум эсерам и меньшевикам, к сентябрю не выбрал в совет ни одного эсера и меньшевика.

31 августа Петроградский совет, через несколько дней (6 сентября) Московский, за ними ряд провинциальных советов переходят под руководство большевиков.

Идея коалиции была окончательно скомпрометирована. Голосование по вопросу о коалиции собрало в Демократическом совещании 761 за коалиционное правительство, 688 голосов против и 38 воздержавшихся. Против всяких соглашений с буржуазией высказалось 192 представителя советов рабочих и солдатских депутатов (при 83 за коалицию), 139 представителей профсоюзов (при 32 за) и 23 представителя рабочей кооперации (при 6 за).

«Ведь мы теряем демократию»,—заявил по поводу этого голосования Мирон. «Теперь получилось пустое место»,—говорил один из членов правительства—социал-демократ. «Об'ясните, в чем дело—я ничего не понимаю»—истерически вопросил Керенский на совещании Временного правительства в Зимнем, когда товарищ министра внутренних дел Салтыков сообщил ему результаты голосования.

«Мы стоим перед позорным крахом,—писал «День»,—великая российская демократия перестала существовать, как целое. Мы должны изжить эту иллюзию единой демократии... Грани все уже стерты... Столбик ртути быстро повышается. Революционный термометр показывает кипение. А при такой температуре вместо аргументов подымают боевые флаги»...

Столбик ртути, действительно, быстро повышался. Об этом свидетельствовал начавший прогрессировать развал обеих больших партий демократии. Помимо резкого уменьшения их численности, в них самих шли ожесточенные раздоры между различными слоями. В партии эсеров выявились различные группы, из которых правая стала определенным идеологом верхних кулацких элементов деревни, а левая отражала революционные тенденции беднейшей части крестьянства. На совете партии эсеров 6—10 августа около 40% голосов было подано против Керенского. На с'езде меньшевиков 19—24 августа тоже составилась довольно внушительная оппозиция против коалиции и оборонческой политики (79 голосов при 117 за коалицию). Меньшевистские «Партийные известия» писали 20 октября о «состоянии полуединства, полураскола» и «наличности продолжающегося распада партии».

Обывательские, мещанские элементы приобретали все больший вес в рядах обеих партий демократии. Партийный мень-

шевистский журнал «Рабочая мысль» жаловался на индиферентизм и обывательщину, охватившие партийную массу, несмотря на приближение новых решающих революционных событий.

«Бури и непогоды, потрясающие наш политический горизонт, — писал этот журнал, — повидимому, мало отражаются и волнуют партийную среду» [1]).

«Кто знаком, — писала «Новая жизнь» (29/IX), — с положением дел в петроградской, крупнейшей, организации меньшевиков, еще недавно насчитывавшей около 10 тысяч членов, тот знает, что она перестала фактически существовать. Районные собрания происходят при ничтожном количестве 20—25 человек; членские взносы не поступают; тираж «Рабочей газеты» катастрофически падает. Последняя общегородская конференция не могла собраться из-за отсутствия кворума».

Развал среди меньшевиков и эсеров был косвенным выражением быстро приближавшегося краха демократии. Помимо этого мы имели ряд прямых симптомов приближения новой революции.

Волна аграрных беспорядков перешла в настоящее крестьянское восстание. Временное правительство решило усилить зажим. 22 сентября на частном совещании оно решило не останавливаться перед применением вооруженной силы для подавления аграрных беспорядков.

Волнения охватили ряд местностей. В Ташкент, где совет захватил власть, правительство послало войска для подавления «мятежа». Волнения происходили в Кишиневе, Орле («беспорядки,—сообщали газеты, — окончательно ликвидированы, и экспедиционный отряд отозван»), Новгороде, Дубно (разгромлен корпусной суд), Смоленске, Бахмуте, Тифлисе, Уфе, Астрахани (продовольственные беспорядки), Бузулуке, Самарской губернии (тоже продовольственные беспорядки, начальник гарнизона бежал), Симбирске (солдатские беспорядки в связи с приказом о выступлении на фронт. Солдаты устроили демонстрацию под лозунгом «Долой войну»).

На железных дорогах усилилась анархия и самочинные действия. Население отказывалось принимать новые деньги. Ряд местностей был об'явлен на военном положении. На этом фоне стала поднимать голову «партия порядка». «С'езд общественных деятелей» в Москве собрал правых земцев, промышленников, крупных помещиков. «Русское слово» свидетельствовало, что настроение у них бодрое, оптимистическое, они надеются на содействие «поумневшей» части демократии.

---

[1]) Ст. «Из жизни партии». «Рабочая мысль» № 2 от 23 октября 1917 г.

18 октября казаки, драгуны и отряды броневиков разгромили Калужский совет. Казаки, разгромившие совет в Калуге, угрожали такой же участью и другим советам, стоявшим на большевистской платформе и в первую очередь Московскому.

Советы были разгромлены также в Ташкенте и в Ржеве. Эти репрессии скорее подчеркивали, однако, бессилие правительства, чем его силу.

Социальная база Временного правительства все суживалась. Массы с ненавистью отвернулись от эсеров и меньшевиков, которым только вчера еще создавали грандиозные выборные триумфы.

Даже такой, далеко не пристрастный к большевикам, свидетель, как комментатор меньшевистского сборника документов «Октябрьский переворот», должен был сделать следующее признание: «Проводившие политику коалиции меньшевистская и эсеровская партии потеряли солдатскую массу, утратили подавляющую часть рабочего класса и значительную часть крестьянства. В момент Октябрьского переворота и непосредственно после него им оставалось опираться лишь на промежуточные социальные слои, мелкобуржуазную интеллигенцию в лице кооператоров и интеллигенции»[1]).

Казаки и те отказывались ехать на усмирение Ташкента, заявив ген. Верховскому, что они не желают быть «нагаечниками».

Даже в подтасованном Совете российской республики Керенский не собрал большинства. 24 октября, когда восстание рабочих и солдат уже вышло на улицы столицы, Керенский в Совете республики грозил железом и кровью и клялся подавить «мятеж». Он требовал выражения полного доверия Временному правительству. И что же? После 4-часовой выработки формулы Совет принял резолюцию, в которой говорилось, что восстание большевиков подготовлено «промедлением проведения неотложных мер». Никто не мог расценить эту формулу иначе как косвенное недоверие Керенскому. За полное доверие Временному правительству голосовала исключительно одна правая (кадеты, кооператоры, представители казачества). Правительство повисло в воздухе,

[1]) «Октябрьский переворот»—факты и документы, составил А. Попов, под редакцией Н. Рожкова, Петроград. 1918 г.

не найдя опоры даже в им самим созданном и подтасованном «предпарламенте».

«Вокруг нас была пустота, внутри нас—пустота и в ней выростала бездумная решимость равнодушного безразличия»,— вспоминает о предоктябрьском состоянии Временного правительства бывший министр юстиции Временного правительства Н. И. Малянтович [1]).

Налицо была, таким образом, историческая обстановка, вполне благоприятствовавшая решительному выступлению пролетариата: 1) В лагере врагов царил полнейший разброд. Господствующие классы себя достаточно обессилили взаимной борьбой. 2) Мелкобуржуазная демократия окончательно выявила свое банкротство. Колебания мелкой буржуазии в сторону пролетариата были наивысшие. 3) Налицо был громадный рост активности масс, которых кризис и обострение нужды толкали к решительным действиям.

Но перечисленных условий еще недостаточно. Необходимо было также наличие решимости рабочего класса, его беззавстной готовности итти в бой. Необходима была еще «способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить или надломить старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не уронят» [2]).

В известных условиях этот суб'ективный фактор играет даже решающую роль.

Готовность рабочего класса мы могли проверить уже на периоде корниловщины. Все рабочие организации оказались на высоте положения. С о в е т ы моментально сплотили вокруг себя революционные массы. Петроградский совет, например, как бы снова зажил полной революционной жизнью. По приказу Совета были закрыты 4 корниловских газеты, произведены обыски и аресты в гостинице «Астория», где находилось гнездо корниловцев. У ряда подозрительных и явно реакционных лиц были Советом произведены самостоятельно обыски, многие были арестованы. К Совету как бы снова вернулось его былое мужество, так жалко потерянное им раньше из-за оппортунизма его вождей.

П р о ф с о ю з ы вплотную занялись политикой. Так, например, профсоюз железнодорожников вооружил рабочих, остановил движение корниловцев, установил дежурства днем и ночью у телеграфных аппаратов, организовал «службу связи» местпомов с союзом, посылал людей для разбора и осмотра пути, охраны мостов и т. д.; профсоюз металлистов ассигно-

[1]) «Былое» № 12 за 1918 г.
[2]) Ленин, т. XIII, стр. 139—140.

вал крупную сумму в пользу комитета по борьбе с контр-революцией; профсоюз булочников принял ряд мер к усилению выпечки хлеба; профсоюз печатников вступил в энергичную борьбу с буржуазной и желтой печатью, предложив наборщикам прекратить набор этих газет.

В фабзавкомах и их районных об'единениях были на период корниловщины установлены непрерывные дежурства. Запись в рабочую милицию достигла 25 тысяч человек. Выборгский рабочий совет выпустил обязательное постановление о конфискации и запрещении продажи всех буржуазных газет. Центральный совет профсоюзов выдал тысячу рублей комитету по борьбе с контр-революцией. Профсоюз шоферов предоставил все свои перевозочные и технические средства для борьбы с контр-революцией.

В ряде мест фактическая власть перешла к советам (на уральских заводах, на Кавказе, в Донбассе и др.). Партия большевиков, влиянием которой охватывались все более широкие массы, дала восстанию единое, твердое руководство, ясные лозунги, четкую программу, без которых восстание не могло бы победить. Вот важнейшие 7 пунктов этой программы:

1) передача власти рабочим и беднейшим крестьянам, 2) передача земли крестьянам до Учредительного собрания, 3) рабочий контроль над производством и потреблением, 4) национализация важнейших отраслей (нефть, каменный уголь, металлургия), 5) беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ, 6) конфискация военной прибыли в целях спасения страны от хозяйственной разрухи и 7) опубликование тайных договоров и немедленное предложение мира.

ОТДЕЛ II

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Легенда о заговоре и о «солдатчине». Вопрос об об'ективной «зрелости» Октябрьской революции. Легенда о классовом носителе Октября и вопрос о суб'ективной «зрелости» пролетариата России для социалистической революции. Различные слои рабочего класса к моменту Октябрьского переворота и в Октябрьские дни. Большевистская партия к моменту Октября.

«Великим бунтом» была для ее врагов революция середины XVII века в Англии—революция, которая стоила жизни королю Карлу. Великая французская революция была для ее многочисленных врагов не чем иным как грандиозной «анархией» и «беспорядком». Революционный 1848 год, возвестивший впервые низвержение буржуазии, был для последней «безумным годом». Самая грязная клевета, самые сумасшедшие небылицы были пущены в ход контр-революцией против Парижской Коммуны 1871 г. Что же удивительного в том, что на другой день после победы Октябрьской революции на нее была наброшена густая вуаль клевсты и самых диких измышлений?

«Грандиозный и позорный всероссийский погром»,—писал Струве [1]).

«Это—не революция и даже не восстание. Это—военный заговор, вроде младотурецкого, или тех, какие знает история Испании и южно-американская республика»,—писала меньшевистская «Рабочая газета» на другой день после переворота.

«Это—выдуманная революция, насквозь мозговая и поэтому ее так лениво делают... Это—революция, созданная... статьями и фельетонами»,—писал «День» от 25 октября.

«Восстание совершилось ночью, когда народ, когда рабочие массы спали безмятежным сном»,—писал А. Мартынов [2]).

«Ребяческий маскарад», «диктатура люмпен-пролетариата»,—вторила «Новая жизнь» от 13 и 15 декабря.

---

[1]) «Русская мысль» № 11—12 за 1917 г.

[2]) Послесловие к книге «Две диктатуры», 1917 г., стр. 98.

Этот «букет» характеризует лишь интернационализацию и живучесть методов, применявшихся в борьбе с революцией еще в XVII веке. Нет смысла теперь терять время на опровержение этих наветов.

На одной легенде, связанной с характером Октябрьского переворота, нам следует, однако, остановиться, ибо она поможет нам лучше уяснить, кто явился подлинным классовым носителем Октябрьской революции. Это легенда о «солдатской революции». «Солдатчина стала вершителем судеб страны,— писал «День» (от 11/XI). «Решающую роль в Октябрьско-ноябрьской революции играет не производительная армия труда, а потребительная армия матросов и солдат»,—твердила «Новая жизнь» (от 11/XI). «Привыкшие к дисциплине промышленные рабочие отодвинуты на задний план»,—писал А. Ерманский [1]). Такова любимейшая нотка сторонников свергнутой Октябрем демократии. Эту легенду разрабатывали на все лады, а в известных кругах она живуча и поныне. С «солдатчиной», как основой переворота, связывается «заговорщицкий» характер революции.

Выясним, поэтому, сначала вопрос: был ли Октябрьский переворот заговором?

Задача перехода власти к советам открыто ставилась перед массами задолго до момента переворота [2]). О назревшем перевороте знали обе стороны и к нему готовились: буржуазия в Петрограде обсуждала вопрос о своем вооружении, Керенский вызывал части с фронтов.

Можно ли после этого говорить о военном заговоре, который неожиданно удался?

Военное столкновение окончательно решило исход. Оно было неизбежно, но только как последний толчок; оно должно было заставить агонизирующего скорее умереть. Смерть же Временного правительства была подготовлена всей прошлой историей коалиции, которая к своему концу оказалась вполне одинокой. Единственной военной силой, помимо части юнкеров и ударниц, которая в октябре осталась у Керенского, были две батареи артиллерии и не более 7 сотен казаков [3]). Оттого Октябрьский переворот, вопреки распространенному взгляду, был почти совершенно бескровным переворотом. «Общенациональная» Февральская революция против ненавистного всем самодержавия стоила 1.443 жертв в Петрограде (данные реги-

---

[1]) «Рабочий интернационал» № 1. Петроград 1918 г.

[2]) «Действительно, весь процесс захвата власти происходит ясно и открыто»,—говорит ген. Деникин («Очерки русской смуты», т. II. Париж. Изд. Поволоцкого).

[3]) Г. Семенов.—«Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917—18 гг.».

страционного справочного бюро Всероссийского союза городов). А взятие Зимнего дворца стоило только шести жертв. К чему же, однако, понадобилась легенда о заговоре и о «солдатчине», как основе Октябрьского переворота? Почему нужно было с такой яростью доказывать, что Октябрьская революция—«младотурецкий заговор», «выдуманная революция» и т. д. и т. п.? Дело совершенно ясно: все эти легенды нужны были, чтобы подчеркнуть «искусственность» Октябрьского переворота, который произошел «ночью», как бы невзначай.

«Искусственность» социалистической революции в России должна была служить оппортунистам для доказательства невозможности самого пролетарского переворота в нашей стране, как теперь, через 10 лет после Октября, этот же довод должен служить доказательством невозможности успешного социалистического строительства в СССР. Нам нужно поэтому подробнее остановиться на этом вопросе.

При каких условиях захват власти пролетариатом является «закономерным»? Энгельс писал о такой возможности, когда вождь крайней партии вынужден необходимостью овладеть властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса. Что же получается в таком случае? То, что такой вождь может сделать, зависит не от его воли, а от уровня производительных сил и вырастающих на их основе борьбы классов. То, что такой вождь должен сделать, чего требует от него его партия, о чем говорили его обещания,—оказывается невозможным исполнить. В итоге он «будет вынужден отстаивать не свою собственную партию, не свой собственный класс, а тот класс, для господства которого уже созрело движение», и «отделываться от своего собственного класса фразами, обещаниями и уверениями о том, что интересы другого класса являются его собственными интересами» [1]).

Итак, не попала ли в такое ложное положение большевистская партия, взяв в октябре 1917 г. власть, когда для пролетарской диктатуры еще движение не созрело? [2]).

---

[1]) Энгельс. — «Крестьянская война в Германии», стр. 111—112. Пользуясь этой цитатой, Плеханов «новой манеры» еще в 1905 г. писал о распространяемых между русскими социал-демократами «довольно странных взглядах» насчет захвата власти рабочим классом. Ленина и «окружающих его» Плеханов называл на этом основании «ницшеанцами», «народовольцами», «сверх-человеками», «утопистами» (см. Плеханова, сочинения т. VIII, стр. 381—382).

[2]) Как известно, вся международная социал-демократия считает, что дело так именно и происходит. Отсюда все ее упования на неизбежное перерождение ВКП(б), т.-е. на гибель Октябрьской революции.

Чтобы выяснить это (а не ограничиваться одной шаблонной, якобы «марксистской», догмой, как это делает социал-демократия), надо разобрать 2 ряда вопросов:

Первый—достаточно ли созрели предпосылки для социалистической революции с точки зрения мирового уровня производительных сил и мирового развития классовой борьбы?

Второй—имеются ли данные для социалистической революции в настоящей стране?

В отношении первого ряда вопросов мы встречаем такого рода оценку (Г. Кунова и других оппортунистических теоретиков): по Марксу ни одна хозяйственная форма не сходит со сцены, раньше чем она разовьет все присущие ей силы. Современный же капитализм не исчерпал себя до конца и ему предстоит еще полное превращение в государственный капитализм, прежде чем можно будет поставить вопрос о захвате власти пролетариатом. Вдобавок, в мире имеется немало стран, где капитализм развит недостаточно. Отсюда и делается вывод, что капитализм имеет еще силы, чтобы «нормально», «органически» развиваться и, стало быть, «согласно Марксу», ни о какой социалистической революции теперь речи быть не может.

Мы не можем здесь останавливаться на других социал-демократических оценках условий зрелости мирового капитализма для социалистической революции (Каутского [1]), Богданова), отсылая читателя к статье тов. Бухарина («Большевик» № 19—20 за 1926 г.). Скажем только, что эти оценки представляют собой по существу те или иные вариации той же схемы Кунова и ограничимся беглыми замечаниями насчет этой последней).

Те, которые твердят теперь о возможности дальнейшего «органического» развития капитализма, упускают из виду одну «мелочь»—последнюю империалистическую войну, которая на самом деле далеко не была последней.

---

[1]) Что касается Каутского, то достаточно сравнить нынешнюю его ренегатскую позицию с тем, что тот же Каутский писал в 1907 г.: «Социализм ныне стал уже экономической необходимостью. Срок его наступления есть уже только вопрос силы... Нет ничего более странного, чем те социалисты, которые думают, что теперь надо еще заботиться о дальнейшем развитии сил капитализма» (в брошюре «Социализм и колониальная политика»). Времена изменились... Теперь нет в мире такой страны, в которой оппортунизм считал бы условия достаточно созревшими для перехода к социализму. Будто с тех пор, как Каутский писал вышеприведенные строки, развитие капитализма не приблизило, а отдалило зрелость «предварительных условий» социалистической революции.

Между тем, эта «мелочь» опрокидывает целиком все «ученые» рассуждения насчет жизнеспособности и прогрессивной роли капитализма в настоящее время. Тов. Бухарин в «Экономике переходного периода» очень рельефно подчеркнул роль мировой войны для характеристики об'ективной зрелости мирового капитализма к социалистическому перевороту. Он говорит в этой своей работе: «Мировая война—начало революционной эры и т. д.—есть как раз выражение той об'ективной зрелости, о которой идет речь. Ибо здесь величайшей напряженности конфликт был следствием максимально-расширенного антагонизма, который постоянно воспроизводился и рос в недрах капиталистической системы. Его потрясающая сила есть довольно точный показатель ступени капиталистического развития и трагическое выражение полнейшей несовместимости дальнейшего роста производственных сил под оболочкой капиталистических производственных отношений» (стр. 57).

Можно бы счесть, что эта концепция опровергнута фактами послевоенной относительной стабилизации капитализма. Но это было бы абсолютно неверно. Та самая стабилизация, которая вызывает столько радужных надежд у «сторонников мирно-спокойно-свободно-веселого «врастания» старого свинства в социалистическое общество» [1])—сама становится причиной углубления кризисов капиталистической системы и подводит к новой полосе империалистических войн и к новому обострению классовых конфликтов.

Противоречия, развиваемые империализмом, войны, система колониального угнетения и финансового ограбления несколькими странами гигантского большинства земли, классовые антагонизмы исключительной остроты,—о чем все это свидетельствует? Эти противоречия свидетельствуют о том, что мировой капитализм окончил свою исторически-прогрессивную миссию и что капиталистическая оболочка находится в резком конфликте с требованиями, пред'являемыми дальнейшим развитием производительных сил.

А государственный капитализм периода мировой войны наглядно показал, что достигнутый капитализмом уровень производительных сил нуждается в такой плановой их организации, которая подготавливается еще при капиталистическом строе, но может быть в полной мере осуществлена только другим, более высоким, социалистическим, способом производства.

Но тут встает вопрос: как же обстоит дело в таком случае с колониями и с другими экономически отсталыми странами?

[1]) Из письма Энгельса к Каутскому от 29/VI—1891 г.

Ведь таких стран много, и там-то наверняка капитализм имеет достаточно данных для процветания? Этой аргументации надо противопоставить следующие замечания:

Во-первых, в современном капиталистическом обществе, взятом как всемирная система (а только так и следует в данном случае рассматривать этот вопрос), решающая командная роль принадлежит горсточке «передовых» империалистских стран, которые, как мы видели, не только не имеют теперь сколько-нибудь серьезных данных для прочного процветания, но, наоборот, обречены на загнивание и, в конечном счете, гибель.

Во-вторых, империализм, индустриализируя колонии и другие экономически отсталые страны, тем самым уменьшает данные для развития капитализма в этих странах и одновременно умножает силы своего могильщика, вызывая к жизни в дополнение к пролетариату своих метрополий пролетариат угнетенных народов и полуколониальных стран. Этим самым империализм ускоряет свою собственную гибель, открывая трудящимся массам колониальных и полуколониальных стран возможность революционной борьбы под руководством пролетариата за н е к а п и т а л и с т и ч е с к и й п у т ь р а з в и т и я.

Но если экономическое неравенство различных стран нивелируется империализмом, то ни в каком случае не нивелируется, а, наоборот, обостряется и проявляет себя в полной мере при империализме экономическая и политическая неравномерность развития различных стран (сравнить, к примеру, темп развития Германии, Америки или Японии в последние десятилетия с кривой заката Англии за тот же период). Из этой неравномерности развития вытекает ряд весьма важных следствий: 1) неравномерность развития, выдвигая на первый план одних хищников (или группы хищников) и отталкивая назад других, обостряет взаимные противоречия, вызывает непрерывную борьбу в лагере империалистов, делая неизбежным новые войны между ними и ослабляя тем самым общеимпериалистический фронт против пролетарских и колониальных революций и ускоряя гибель всей системы империализма; 2) неравномерность развития, сопровождающаяся ростом одних (или одной) капиталистических стран при одновременном упадке других (или другой), создает в деградирующих странах обстановку революционного брожения рабочего класса и опять-таки подготовляет полный распад империализма (пример Англии периода всеобщей забастовки и стачки углекопов); 3) неравномерность развития обостряет противоречия между колониями и метрополиями, порождая национально-революционные войны на востоке и ускоряя в свою очередь крах всей системы империализма (пример Китая, Марокко, Явы); 4) не-

равномерность развития, превращая колонии и полуколонии в чрезвычайно уязвимое место всего мирового империализма, делает возможным прорыв всей цепи империалистской системы в наиболее слабых ее звеньях. Октябрьская революция в России и явилась таким прорывом фронта мирового империализма.

Таким образом, социалистический переворот в России находит свое полное оправдание в об'ективной зрелости мирового капитализма для пролетарской революции. С точки зрения современного уровня мировых производительных сил и современного развития техники—нам не приходится опасаться, что первая, произошедшая во время войны 1914—18 гг., пролетарская революция пришла «слишком рано».

Рассмотрим теперь, как обстоит дело с об'ективными предпосылками для социалистической революции в самой России.

Тут мы опять-таки встречаемся с доктринерским опошлением марксизма, сводящим все дело к следующему, примерно, рассуждению. Россия — страна экономически, технически и культурно отсталая; в стране преобладает крестьянство: пролетариат составляет всего несколько процентов; стало быть, никакой социалистической революции и никакого социалистического строительства в России быть не может[1]. Такова ходячая «теория созревания» российских и заграничных меньшевиков.

Какие условия нужны были бы для осуществления социализма по требованиям этой «теории созревания»? Эти условия заключаются в том, чтобы производительные силы достигли такого уровня, при котором мы легонечко и без малейших потрясений в'езжаем в социализм; чтобы экономика была на 100% чиста от всяких отсталых форм и неиндустриальных примесей; чтобы крестьянство, таким образом, полностью пре-

---

[1]) Современные оценки оппозиционного блока внутри ВКП (б) совпадают в ряде существенных пунктов с этой «теорией созревания». Понимая, в отличие от социал-демократов, зрелость мирового хозяйства для социалистической революции, — представители оппозиционного блока в то же время не видят достаточно внутренних сил для строительства социализма в СССР в виду нашей технико-экономической отсталости и преобладания в стране мелкобуржуазных, крестьянских слоев. Эта линия нашла свое отражение еще на VI с'езде партии, созванном в августе 1917 г. Тов. Преображенский предложил к резолюции с'езда о захвате власти следующую, отвергнутую с'ездом, поправку: «овладение властью нужно для направления ее (власти) к миру и, при наличии пролетарской революции на Западе, к социализму». (Протоколы VI с'езда РСДРП (б), стр. 214). Пролетарская революция на Западе является, таким образом, в понимании тов. Преображенского, предварительным условием успеш-

кратило свое существование; чтобы пролетариат составил такое-то и такое-то количество процентов и был настолько организован и классово-сознателен, что было бы достаточно одного парламентского голосования для автоматического введения социализма (говорил же Отто Бауэр на собрании Венской социал-демократической организации в апреле 1927 г.: еще 7% голосов и «буржуазная власть падет»!)

Нетрудно видеть, что подобное насквозь мещанское представление о механически-арифметическом переходе к социализму имеет в виду условия совершенно несбыточные. Это очень отчетливо видел еще Каутский в те лучшие свои годы, когда он был революционным марксистом.

В его «Аграрном вопросе» мы находим такие мысли по интересующему нас вопросу о «созревании» социализма: «Культурные страны Европы — писал он там (стр. 233) — созрели для капитализма гораздо раньше, чем феодализм был изжит во всех их частях, во всех отраслях производства,—ведь и до сих пор мы встречаем немало остатков крепостного строя. Точно также и современное общество созреет для социализма гораздо раньше, чем исчезнет последний ремесленник и последний крестьянин, и раньше, чем весь пролетариат политически созреет и экономически сорганизуется: все это—условия, которые, вероятно, никогда не наступят в капиталистическом обществе. Одной из главных задач победоносного пролетариата будет—поднять эти отставшие слои народа и обеспечить им средства для более высокого способа производства и для более высокой культуры».

А ведь Каутский писал это, когда финансовый капитал еще только пробирался к своему господству, когда капитализм еще не перерос в государственно-монополистический капитализм и когда не было такого гигантского «ускорителя», как мировая война

Каковы в действительности те основные условия, при которых социалистическая революция не является «выкидышем»,

---

ного социалистического строительства; при отсутствии этого условия Советская Республика оказывается фатально обреченной на термидорианское перерождение и гибель. Неправильность этой точки зрения тогда же, на VI съезде, выяснил в своем возражении тов. Преображенскому тов. Сталин. «Не исключена возможность,—говорил тов. Сталин,—что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... База нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь».

а вполне закономерна со стороны об'ективных и суб'ективных факторов, ее вызвавших? Эти условия:

1) наличие определенного минимума капиталистического развития, приобщающего данную страну по типу к уровню производительных сил передовых стран и создающего индустриальную базу, могущую послужить исходным пунктом для социалистической реконструкции хозяйства после победы социалистической революции;

2) наличие рабочего класса, способного к революционным действиям и суб'ективно готового к пролетарской революции;

3) наличие опытной и выдержанной партии для руководства социалистической революцией.

Были ли указанные условия в России накануне Октябрьской революции 1917 г.?

Начнем с первого пункта. Был ли у нас развит капитализм в такой степени, чтобы мы могли причислить Россию к типу стран финансового капитала?

Характер капитализма первых десятилетий XX века в России еще недостаточно изучен, и это представляет немало затруднений при решении вопроса и одновременно питает немало ложных представлений на этот предмет. Был ли у нас развит монополистический капитализм со всеми его специфическими чертами? Какова была роль иностранного капитала в хозяйственной и политической жизни дореволюционной России? Имела ли место национализация или денационализация русской промышленности накануне революции? Нетрудно видеть, как важно для уяснения смысла октябрьских событий разобраться во всех этих вопросах.

Тут необходимо прежде всего остановиться на концепции одного из современных экономистов-исследователей — Финн-Енотаевского.

Взгляд, что «накануне войны франко-английский и в некоторой степени германский финансовый капитал монополизировал и тем самым денационализировал русскую промышленность, распоряжаясь и руководя главными отраслями нашего производства», Финн-Енотаевский признает совершенно ошибочным[1]).

Мы имеем, однако, теперь ряд работ (Н. Ванага, С. Ронина, Л. Эвентова), позволяющих считать совершенно ошибочным именно взгляд самого Финн-Енотаевского на сей предмет.

Иностранный капитал, поощряемый покровительственной таможенной системой, громадными естественными богатствами, запасами промышленного сырья, наконец, низкой

[1]) «Финансовый капитал и производительный», стр. 138.

заработной платой, занял накануне революции в экономической жизни страны место, которое непозволительно недооценить. Достаточно привести лишь несколько важнейших фактов, чтобы явственно выступила выдающаяся роль иностранного капитала в российской экономике.

П. В. Оль исчисляет общую сумму иностранных капиталов, которые к началу революции 1917 г. были вложены в русскую промышленность, банки и торговые предприятия, в 2.243 миллионов рублей (54,7% этой суммы было помещено в горной и металлургической промышленности [1]). Н. Ванаг определяет долю иностранных капиталов в одних торгово-промышленных предприятиях (в 1914 г.) в 1.900 миллионов рублей, что составляло 40,08% всего акционерного и облигационного капитала (равного 4.740 миллионам рублей [2]).

Сходные данные приводят «Контрольные цифры» Госплана на 1926/27 г., определяющие размер долгосрочного инвестирования в промышленности, не считая железных дорог, суммою более 2 млрд. р. (стр. 159).

Накануне войны европейский банковский капитал распоряжался $^3/_4$ всей банковской системы России.

Из всей суммы основных капиталов русских коммерческих банков в 585 млн. р. (на 1 января 1914 г.)—434 млн. р., т.-е. 74,2%, приходилось на банки, находившиеся в полной зависимости от европейских [3]).

В руках иностранного капитала было около 60% всей добычи нефти [4]), 70% всей добычи Донбасса, 58% всего южнорусского производства готовых изделий железоделательной промышленности, 30% всего основного капитала текстильной промышленности, 90% добычи платины [5]).

То самолично, то (очень часто) анонимно, или, под вводящей в заблуждение русской вывеской, иностранный капи-

---

[1]) П. В. Оль.— «Иностранный капитал в России», изд. Петроградского отделения института экономических исследований.

[2]) Н. Ванаг.— «Реабилитирована ли теория национализации русского капитализма». «Вестник Комакадемии» № 12 за 1925 г.

[3]) Н. Ванаг.— «Финансовый капитал в России накануне мировой войны» (стр. 53).

Из этих 434 млн. р.—276 млн., т.-е. 63,6%, принадлежало антантовской группе банков.

[4]) Доля английского капитала в нефтяной промышленности составила накануне Октября 1917 г. 37% всего акционерного капитала последней (см. Л. Эвентов.—«Иностранный капитал в русской нефтяной промышленности». М. 1925 г.).

[5]) А. Ландау.— «Иностранный капитал в дореволюционной России и в СССР».

тал овладел всеми командными высотами дореволюционной экономики России. Даже в тех случаях, когда перед нами были русские коммерческие банки, руководящая нить от них на деле чаще всего лежала в парижских или лондонских банковских консорциумах. И тогда, когда по официальной статистике в предприятиях преобладал русский капитал, они в подавляющем большинстве случаев зависели от банковского кредита, т.-е. в последнем счете опять-таки попадали под контроль иностранного капитала, превалировавшего, как мы видели, во всей банковской системе России. Ссужая царскому правительству миллиарды в виде государственных займов, франко-английский капитал именно благодаря этому все шире внедрялся в хозяйственную жизнь страны, получая не только процентную прибыль на капитал, но также очень высокую предпринимательскую прибыль.

Немудрено, что, занимая такое положение по отношению к русской промышленности, иностранный капитал держал в своих руках все ее судьбы. Система управления, нормы производства, расценки, рабочий день,—все важнейшие мероприятия по управлению предприятиями не только контролировались, но и прямо предписывались из-за границы.

Какие же последствия имела эта роль иностранного капитала для хозяйственной и политической жизни страны? Огромные.

1. Иностранный капитал придал русской промышленности исключительно быстрый темп развития, превосходивший таковой же темп развития капитализма в Европе и Америке.

Средний годовой прирост продукции (в процентах ко всей продукции):

Соединенные Штаты	(за период 1899—1913)	3, 5
Англия	(» » 1905—1913)	1,16
Франция	(» » 1898—1913)	3,35
Россия	(» » 1891—1900)	8, 5
Россия	(» » 1908—1913)	6, 5 [1]

2. Иностранный капитал, приходивший на русскую почву вооруженный последними достижениями европейской техники, обосновывался здесь с самого начала в наиболее развитой его форме—в форме гигантских предприятий. 7,1% предприятий с числом рабочих свыше 500 занимали почти 75,0% общего числа рабочих. В этой группе крупнейшие предприятия с

[1]) Данные приведены в докладе тов. Рыкова на XV Всесоюзной партконференции, на основе ст. Альб. Вайнштейна в журнале «Социалистическое хозяйство» (кн. 4 за 1926 г.).

числом рабочих свыше 1000 чел. составляли всего 4,0% общего числа предприятий, но эти 4,0% занимали почти $^2/_3$ общего числа рабочих (данные переписи 1918 г. Труды ЦСУ, т. XXVI, стр. 24. «Фабрично-заводская промышленность 1913—18 гг.»).

Таким образом, на дрожжах иностранного капитала всходил в России капитализм новейшей формации, — капитализм высокоорганизованный.

3. Влияние иностранного капитала сказалось и на создании сильных монополистических организаций, составляющих одну из важнейших черт эпохи финансового капитала. Одних только синдикатов высокого типа и трестов насчитывалось в России незадолго до войны более 100 [1]). Чтобы оценить удельный вес этих монополистических организаций в экономической жизни страны, достаточно перечислить наиболее важные из них.

Синдикат «Продуголь» об'единял $^3/_4$ всей добычи угля в Донбассе. 4 акционерных компании об'единили в своих руках всю добычу нефтяной промышленности. Синдикат «Продамета» сосредоточил у себя свыше $^4/_5$ всего производства железообрабатывающей промышленности. Заводы-гиганты — Путиловский, Сормовский, Коломенский и Николаевский—были фактически об'единены в синдикат. 96% всех заказов на вагоны и предметы их оборудования были сосредоточены в руках транспортного синдиката «Продвагон» (кроме трех вагоностроительных заводов).

Синдикат по производству и сбыту сельскохозяйственных машин сосредоточил к концу 1913 г. 73% всего производства сеялок и 72% других сельскохозяйственных орудий. Синдикат «Медь» сосредоточил к началу войны 94% всего производства соответствующего продукта. Процесс синдицирования охватил речное и отчасти морское пароходство. К началу войны соляное дело в России находилось в руках одного синдиката (о-во «Океан»). Табачный трест контролировал до 70% всего производства табачных изделий.

Процесс синдицирования сказался и на текстильном производстве. 97% всего спичечного производства было в руках синдиката «Рост» (Российское общество спичечной торговли). Платинный, холодильный и пробочный тресты, синдикат предприятий по изготовлению резиновых изделий, бутылочный, стекольный, кирпичный, строительный, цементный и ряд

[1]) Данные И. Гольдштейна.— «Синдикаты и тресты и современная экономическая политика» М. 1912 г. Цит. по кн. Н. Бухарина—«Империализм и мировое хозяйство», стр. 58.

других синдикатов и трестов [1]), — все они (как и остальные тресты и синдикаты) монополизировали внутренний рынок, искусственно повышали цены и не стеснялись в ограблении потребителя.

Совершенно справедлив поэтому вывод тов. Цыперовича, что «тенденция к синдицированию, действительно, охватила всю жизнь страны, и что поэтому немыслимо рассматривать наши синдикаты и тресты как «случайные явления», «темные пятна» на общем фоне всероссийского благополучия, или как «злоупотребления» отдельных групп капиталистов. В действительности, вся Россия вступила в процесс замены конкуренции монополией в царство частнохозяйственного монополистического капитала».

За время войны деятельность монополистических организаций значительно усилилась. Монополистические организации подчинили себе Военно-промышленный комитет, Особые совещания по обороне, топливу, перевозкам, заводские совещания и т. д. Они взялись за усиленную «патриотическую» эксплоатацию военного рынка, овладели снабжением армии и немало поживились на этом своем занятии.

Степень монополизации промышленности достигла у нас к 1910 г. 60—65% в тяжелой индустрии и до 30% в легкой. С 1912—14 гг. тяжелая индустрия на 75—80%, а легкая на 40% были охвачены картелями и трестовидными группами. Уровень охвата монополиями промышленности в России был почти одинаков с германским (где тяжелая индустрия была охвачена на 50%, а легкая на 60%) и выше английского и французского [2]).

Таким образом, из четырех указываемых Лениным признаков финансового капитала: 1) монополий, вырастающих на основе концентрации производства, 2) сращения банковского капитала с промышленным, 3) колониальной политики и 4) вывоза капитала,—первые 2 неоспоримо имели место в индустрии и банках дореволюционной России (о банках подробнее ниже в очерке о национализации банков).

Что касается остальных двух признаков, то колониальная политика старой России достаточно характеризуется: 1) ее империалистическими тенденциями в отношении «Константино-

[1]) Данные по книге Г. Цыперовича («Синдикаты и тресты в России»), брошюре В. Молотова («5 лет») и «Хронике» К. Рябинского (т. V, стр. 135).

[2]) См. об этом в книге М. Гольмана—«Русский империализм», изд. «Прибой», 1927 г.

польской губернии», Восточной Галиции, Манчжурии, Монголии, Кореи, Средней Азии и т. д.; 2) теми 17,4 млн. кв. км. с 33,2 млн. жителей, которые составляли колонии и хозяйственные территории российского империализма, и, наконец, 3) 63 тыс. км. ж.-д. пути, которые тоже являлись выражением колониальной политики России.

Отсутствие же экспорта капитала[1]) не может служить решающим доводом против наличия финансово-капиталистического типа развития; ведь индустрию и банки дореволюционной России нам приходится рассматривать, как звенья западно-европейского империализма—об отсутствии же экспорта капитала у этого последнего никто, разумеется, говорить не станет.

Мы убеждаемся, таким образом, что как в отношении темпа, так и в отношении форм развития—промышленность и банки России могут быть целиком отнесены к типу промышленности и банков стран господства финансового капитала.

Через банки и синдикаты Россия включалась в мировую систему финансового капитала. Делая этот вывод, нельзя, однако, игнорировать своеобразных черт этого включения.

Первая и исключительно важная своеобразная черта заключается в том, что финансово-капиталистические элементы находились у нас в крестьянском, мелкобуржуазном окружении. Если в индустрии и банках страны мы видим новейший тип развития и уже ясно выраженные тенденции монополистического загнивания, то в деревне мы встречаем еще немало докапиталистической «паутины».

Правда, крестьянское хозяйство России в свою очередь было в большой мере «аграрным дополнением» не только русского, но и мирового капитала. По данным Н. Лященко[2]) экспортный товарооборот хлебов занимал в предвоенные годы место, почти равное всему внутреннему промышленному и городскому зерновому спросу. По подсчетам Госплана хлебофуражный баланс накануне войны по статье экспорта давал 24,4% всего товарного хлеба. Экспорт поглощал 25—40% всего урожая двух главных экспортных и наиболее ценных хлебов — пшеницы и ячменя. Около 50% ценностей, которые крестьянское хозяйство получало от хлебного рынка, давал экспорт.

---

[1]) В незначительных, правда, размерах экспорт капитала имел место, например, в Балканские страны.

[2]) «Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства», стр. 313—314.

Но то обстоятельство, что 2 десятка тысяч крупных и средних промышленных предприятий противостояли 22 миллионам раздробленных и крайне отсталых крестьянских хозяйств, создавало у нас особые условия, которых не знали развитые страны финансового капитала, и в которых финансовый капитал не был в такой мере опутан докапиталистическими отношениями. Несмотря на сравнительно высокую степень организации промышленности и банков, последние составляли только передовые «островки» российской экономики. Материально-производственные предпосылки для перехода к социализму были в России подготовлены, конечно, гораздо менее, чем в таких странах, как САСШ, Германия, Англия, Франция и т. д. Отсюда—те гигантские трудности, какие приходится преодолевать пролетариату России—первому, взявшему власть в свои руки.

Вторая своеобразная черта это та, что развитие финансового капитала в России сопровождалось (до поры до времени) не усилением самостоятельности российского капитализма, а увеличением его финансовой и дипломатической зависимости от иностранного капитала.

В этой связи и приходится говорить о полуколониальных чертах, которые придавал России иностранный капитал. Финансовый капитал дореволюционной России следует рассматривать в очень большой мере как «дочернее предприятие» европейского, в первую очередь англо - французского империализма. Это обстоятельство не мешало «дочернему предприятию» иметь свои собственные колонии и, как мы видели выше, довольно большие, которые, таким образом, являлись по существу «внучатными предприятиями» того же европейского капитала. Своеобразный полуколониальный характер старой России находит, в частности, яркое свое выражение во внешней политике царизма последних десятилетий.

В этот период внешняя политика России (как показывает вся история подготовки войны 1914—18 гг.) была в первую очередь отражением борьбы мировых империалистских сил и влияний и потом уже отражением собственных империалистских тенденций русской буржуазии, стремившейся к экспансии вследствие крепостнического сужения внутреннего, крестьянского рынка.

Вследствие той же зависимости от иностранного капитала мы имели в России весьма важное по своим результатам явление значительно более сильного роста туземного пролетариата в сравнении с тузем-

ной буржуазией[1]). Тот же полуколониальный характер России заинтересовывал в борьбе с мировым капиталом и крестьянство, из которого мировой капитал выкачивал через государственный аппарат царизма большую часть получавшейся им в России прибавочной стоимости. Государственные долги и займы с неизбежностью влекли за собой повышение налогов и чрезмерное обложение, падавшие, разумеется, не на верхние тысячи, а на нижние миллионы—в первую очередь, на крестьянство.

Другим результатом той же дочерней зависимости российского капитализма от иностранного являлась задержка в развитии производства средств производства в самой России.

Иностранный финансовый капитал, присваивая туземное внепромышленное накопление, благодаря своему господству над каналами обращения, и вывозя к себе проценты по внешним займам и большую часть промышленных дивидендов,—тем самым тормозил процесс технического прогресса российского капитализма. 62% ввозимых из-за границы машин достаточно иллюстрируют эту тенденцию иностранного финансового капитала консервировать техническую отсталость страны в интересах усиления ее зависимости [2]).

Третья своеобразная черта финансового капитала в России—это та царистская, феодально-крепостническая оболочка, под которой ему пришлось «работать».

Любопытнейшее свидетельство того, каким способом финансовый капитал уживался с царизмом и его устарелым законодательством, дают документы о деятельности одной из круп-

---

[1]) Для иллюстрации можно привести данные о толщине «имущего слоя» (с доходом от 1.500 р. в год и выше) в дореволюционной России. Вл. Войтинский («Весь мир в цифрах», кн. 1, стр. 238) определяет эту толщину в 500 тысяч человек, что составляет 1,2% всего хозяйственно-самодеятельного населения, в то время как в Англии, например, этот слой составляет 12,4%.

[2]) Разделаться с этим наследием полуколониальной зависимости России выпало на долю социалистической революции, твердо держащей теперь курс на индустриализацию. По данным, приводимым М. Гольманом в цитированной выше книге, туземное внепромышленное накопление составило в 1912 г. около $1^1/_2$ млрд. р., а вывоз дивидендов и платежей по займам составлял ежегодно в среднем 400—450 млн. р. Таким образом, одни перечисленные внутренние экономические ресурсы, если еще добавить к ним естественные ресурсы и политические факторы (политика—государственная власть—тоже может оказать немалую помощь в направлении желаемого экономического развития!), создают достаточно серьезную базу для успешной социалистической индустриализации, даже при условии задержки пролетарской революции на Западе.

пейших монополистических организаций «Продугля» (опубликованные в XVIII томе «Красного архива» за 1926 г.): когда некоторые представители органов государственной власти сделали попытку привлечь этот незаконно существовавший, по условиям царского законодательства, синдикат к судебной ответственности («Продуголь», в частности, поднимал искусственно цены на уголь для казенных железных дорог), то на сцену немедленно выступил французский посол Палеолог. Он адресуется в министерство иностранных дел, последнее тотчас обращается к министерству юстиции с «покорнейшей просьбой» «пойти навстречу пожеланиям г. Палеолога», и в кратчайший срок министр юстиции уведомляет председателя совета министров, что дело замято.

В этой истории характерно все, начиная с того, как вся государственная машина приводится в движение по указке французского посла, и кончая тем, как перед натиском иностранного финансового капитала склоняются все законодательные нормы. Факты, вроде изложенного, далеко не были единичными, или случайными. В интересах монополистических хозяев промышленности приспособлялась экономическая политика царизма: казенные заказы, таможенная политика, военный бюджет.

Тут мы видим лишнее подтверждение того положения, что финансовый капитал способен уживаться с любой политической формой, подчиняя ее на деле своим интересам.

Царизм олицетворял в себе, прежде всего, власть помещичье-крепостнических слоев. Но финансовый капитал находил достаточно путей и средств, чтобы подчинять крепостников своим интересам. Громадные государственные займы и роль иностранного капитала в хозяйственной жизни страны достаточно прочно приковывали царское самодержавие к финансовому капиталу Запада.

Какой же получается общий вывод из приведенных данных? Вывод тот, что, несмотря на царистски-феодальную государственную оболочку, мы имели еще до войны сравнительную зрелость российского монополистического капитализма для социалистической революции. Еще до начала империалистской войны 1914 г. развитие капитализма подготовило в России достаточно внутренних противоречий, выход из которых мог быть найден только пролетарской революцией.

Война же явилась громадным «ускорителем» этой пролетарской революции.

Развитие капитализма создало в России, несмотря на наличие громадного крестьянского населения, крепкий и высокоорганизованный индустриальный островок, который уже до революции играл выдающуюся роль в народном хозяйстве. Овладев властью и подчинив себе хозяйственные командные высоты, пролетариат имеет возможность успешно браться за великое дело социалистической переделки всего способа производства.

Вот этого-то никак в толк не возьмет социал-демократически понимаемая «теория созревания». Согласно этой теории если даже имеется фактическая возможность перехода власти в руки пролетариата, но не пройдена еще такая-то экономическая ступенька, то переворот «искусственен» и обречен на полнейшую неудачу.

Ленин в своих широко известных записях о Суханове дал достаточно четкий ответ на эту теорию. Не мешает его тут напомнить:

«До бесконечности шаблонным является у них (т.-е. у международных социал-демократов) довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что у нас нет, как выражаются различные «ученые» господа из них, об'ективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-нибудь шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации»... «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы » [1])...

Роза Люксембург в свое время также давала ответ на эту злополучную «теорию созревания». Она писала: «Захват

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 118—120.

политической власти пролетариатом, т.-е. широкой народной массой, прежде всего, не может быть осуществлен искусственным путем. Сам по себе факт захвата политической власти предполагает постоянно определенную ступень развития политико-экономических отношений... Такой захват может быть только продуктом начинающегося крушения буржуазного общества и в силу этого в самом себе несет доказательство,—экономическо-политическое доказательство своевременности своего появления» [1]).

Так обстоит дело с вопросом об об'ективной зрелости пролетарской революции в России. Мы видели, что *как со стороны международного развития производительных сил и создаваемых на этой базе противоречий, так и со стороны внутрироссийских особенностей развития капитализма, пролетарская революция отнюдь не оказывается «искусственной». Ее появление подготовлено всем ходом экономического развития и ускорено империалистской войной, открывшей России возможность, как наиболее слабому все же звену империалистского фронта, сделать первый прорыв всего этого фронта* [2]).

---

[1]) Роза Люксембург.—«Реформа или революция», изд. «Пролетарий» стр. 92.

[2]) Классовый смысл оппортунистически понимаемой теории «созревания» лучше всего изобличается той готовностью, с какой эту «марксистскую» мысль приняла в свою программу буржуазия. Всего настойчивей отстаивала эту теорию именно она. Когда с'езд промышленников заявил 3 июня 1917 г., что «никакой экономический строй, кроме капиталистического, в России невозможен, поэтому бесплодны и безусловно вредны всякие попытки хотя бы частичного осуществления социалистического принципа»,—это была меньшевистская теория «созревания». Когда Рябушинский требовал, чтобы «власть мыслила буржуазно и действовала буржуазно»,—это была та же теория в наиболее последовательном ее виде. Когда, наконец, расползалось по всем швам здание коалиции — буржуазии ничего не оставалось, как утешаться надеждой на ту же теорию «созревания», которая в конечном счете выручит. «Речь» накануне октябрьского переворота писала: «Поддержка, да и то далеко несознательная, одного только сравнительно малочисленного пролетариата может дать временную диктатуру большевикам... Но за минутным торжеством последует жестокое разочарование. Нельзя безнаказанно производить эксперимент социалистического правительства в стране, не доросшей даже до буржуазного строя. И чем скорее придет их временное торжество, тем более сократится эпоха страданий России. Так пусть же наступает эра испытаний, если нет более надежды избегнуть ее. Чем хуже, тем лучше».

Как видим, социал-демократическая теория «созревания» имеет весьма определенный классовый корень. Она как нельзя более отвечает идеологии буржуазии.

Обратимся теперь к другому ряду вопросов о суб'ективных предпосылках Октябрьской революции. Был ли рабочий класс России готов к социалистическому перевороту?

Тут мы встречаемся с такой концепцией, усиленно развивавшейся вождями свергнутой Октябрем мелкобуржуазной демократии: пролетариат, взявший в Октябре власть, вовсе не пролетариат: преобладающая масса рабочих благодаря военным заказам промышленности состоит из случайных, пришлых, недисциплинированных и непролетарских элементов. Это—сплошь «учетчики», вчерашние крестьяне, лавочники или дворники. Настоящий квалифицированный пролетариат совершенно подавлен численностью этих «мещан в пролетариате». Они именно, эти мещане в пролетариате, и господствуют теперь именем большевиков. Октябрьская революция оказывается, таким образом, оторвана от своего пролетарского социального корня.

Как же на самом деле обстояло дело? В каком состоянии нашел октябрьский переворот рабочий класс и какое он (рабочий класс) в нем принял участие? Мы выше (стр. 60) уже отмечали, что война внесла известное качественное ухудшение в состав пролетариата. Нужда в рабочих руках, связанная с военным расширением промышленности и широкое предоставление отсрочек военнообязанным, пригоняла на заводы не мало мелкобуржуазных, мещанских элементов. Но не следует преувеличивать размеры этого мелкобуржуазного разжижения пролетариата.

Во-первых, максимальная цифра забранных мобилизациями из промышленности рабочих ни в одном исследовании, говорящем о рабочем составе за годы войны (Гриневецкий, Граве, Крицман), не превышает 40%. К тому же часть ушедших в армию рабочих, хотя и медленно, возвращалась обратно на предприятия, которые были особенно требовательны к квалифицированной силе.

Сравнение внесенных войною перемен в состав пролетариата России и, скажем, Германии приводит к интересным выводам. Процесс исреливания в пролетариат из «прочих» имел место повсеместно за годы войны. Но, в отличие от России, где общий состав пролетариата за годы войны увеличился, в Германии общий состав пролетариата сжался на 21% (с 18 до $14^3/_4$ млн. чел.), но при этом наблюдались те же явления, что и у нас: уменьшение числа квалифицированных рабочих, увеличение женского труда и труда стариков. Таким образом, война принесла Германии и абсолютное уменьшение числа рабочих и качественное ухудшение их состава. Это последнее в Германии, соответственно условиям страны, выражалось в иных, чем у нас, более резких, формах.

Ларин в книге «Состав пролетариата» показывает, что «коренное ядро» германского пролетариата составило в 1916 г. только 26% общего числа рабочих. Остальных он относит к «определенно буржуазным» (вступившим в состав пролетариата в последние годы) и к «промежуточным» слоям. Во Франции после начала войны на предприятиях осталось только 34% прежнего числа рабочих [1]).

В России основной стержень пролетариата был в годы войны все же сохранен. Не менее 60% пролетариев, работавших до мобилизации 1914 г., остались в рядах промышленной армии.

Во-вторых, не следует забывать о той обработке, которой подвергались на милитаризированных фабриках пришлые слои рабочих. Полнейшее бесправие, уничтожение всех завоеваний рабочих, отмена охраны женского и детского труда, безграничные сверхурочные работы, отмена права перехода, организация заводов по казарменному типу, угроза военно-полевой расправы,—эти черты нашей фабрики военного времени не могли не влиять и на пришлых рабочих. Как крестьянин в армии преображался, так и крестьянин на милитаризированной фабрике (и мелкий торговец и ремесленник, разоренные войной и пригнанные на фабрику) быстро переделывались и теряли много своих прежних черт. Этот процесс не охватывал, конечно, всю разношерстную массу новых влившихся на фабрики рабочих одинаково [2]).

Одних он обрабатывал быстрее, уничтожал их мелкобуржуазные черты чище; других он обрабатывал медленнее, третьих вовсе не коснулся. Но что процесс переделки шел и давал известные результаты—об этом забывать не следует [3]). Об этом свидетельствует хотя бы тот несомненный факт, что питерский пролетариат, состоявший якобы из одних «самооборонщиков», стал зачинщиком Февральской революции, а женщины-работницы проявили тогда особую активность.

---

[1]) Каратыгин. — «Мобилизация промышленности для нужд войны».

[2]) Насколько разношерстен был состав новых рабочих показывают, например, данные о петроградском трубочном заводе, где работало около 20 тысяч рабочих. Мемуарист рисует такую картину рабочего состава: «50% наследственных пролетариев, 30% крестьян, 15% разных торговцев, приказчиков, мелких ремесленников и 5% укрывавшихся от военной службы почтенных купцов и разной богатой своры, приезжавших на работу на своих лихачах» («Ленинградские рабочие в борьбе за власть советов», стр. 114).

[3]) Не следусть забывать и того, что при работе на оборону всякие столкновения рабочих с фабричными порядками выливались в непосредственные столкновения с государством.

Характерный штрих в этом же направлении прибавляют данные об отношении рабочих к земле и числе рабочих, уходивших на полевые работы. К сожалению, мы располагаем только данными, относящимися к августу 1918 г., которые охватывают всего $1\frac{1}{2}$ млн. оставшихся на предприятиях рабочих (по 33 губерниям территории РСФСР). Но и эти ограниченные данные интересны.

Профперепись дает нам следующую картину отношения рабочих к земле [1]).

Общее число зарегистрированных профпереписью рабочих	Не имевших до революции своей земли или земли своей семьи	Имевших до революции свою землю или землю своей семьи	Из имевших землю до революции вели хозяйство при помощи членов своей семьи
1.142.268	675.444	308.411 [2])	205.509

Таким образом, только около 27% рабочих имели до революции свою землю или землю своей семьи. Вели же свое хозяйство при помощи членов семьи только около 17% рабочих. По Петрограду соответствующие данные еще разительнее: имели землю до революции только около 14%, а вели свое хозяйство в деревне только около 6% рабочих.

Аналогичные тенденции обнаруживают данные той же переписи об уходе рабочих на полевые работы [3]).

Число рабочих, зарегистрированных профпереписью	Число рабочих, уходивших на полевые работы							
	Обычно				В 1917 году			
	С сохранением содержания		Без сохранения содержания		С сохранением содержания		Без сохранения содержания	
	В свое хозяйство	На работу по найму	В свое хозяйство	На работу по найму	В свое хозяйство	На работу по найму	В свое хозяйство	На работу по найму
1.142.268	3.729	755	15.557	1.079	4.661	794	15.663	1.173

Обычно на полевые работы в свое хозяйство уходили только около 1,6% общего числа рабочих.

---

[1]) Труды ЦСУ, т. XXVI, табл. XXV отдела профпереписи, стр. 119.

[2]) Число рабочих, имевших землю на день переписи, осталось почти таким же (317.226 чел.).

[3]) Там же, табл. XXX, стр. 133.

В приводимых данных следует, разумеется, учесть, что они относятся к 1918 г., когда каждый рабочий, имевший мало-мальскую зацепку в деревне, спасался в ней от голода и в предприятиях, стало быть, остались только самые пролетаризированные и окончательно утратившие связь с деревней рабочие. Сколько, однако, потомственных пролетариев ушло не в деревню, а в армию, на советскую и партийную работу—об этих категориях рабочих мы тоже не находим сведений в приведенных таблицах. При весьма осторожном обращении с указанными данными, можно все же констатировать тенденцию к высокой степени пролетаризации рабочих кадров страны, особенно сильную в Петрограде; дифференциация деревни и война пригоняли на фабрики рабочих, чьи связи с деревней были очень слабы, или прекращались вовсе после непродолжительного пребывания в городе.

Общие исторические условия развития рабочего класса способствовали тому, что рабочий класс в массе своей оказался у нас наиболее революционным. Это произошло вовсе не потому, что российский пролетариат—более передовой, чем западно-европейский. Вовсе нет. Общая отсталость страны, в которой капиталистическая эксплоатация помножалась на царистско-помещичью, выковывала в течение ряда лет революционную зрелость рабочего класса. Реальная заработная плата в России, несмотря на крайнюю дешевизну русского сырья, была всегда крайне низка. По данным Вл. Войтинского [1]) русский чернорабочий в довоенной России получал в 3 раза меньше немецкого, в 4 раза меньше английского, в $4\frac{1}{2}$ раза меньше французского и в 7 раз меньше американского. Русский заводский чернорабочий получал в 1905—06 гг. на 50—60% меньше английского, а русский слесарь или токарь на 40% меньше английского. Английский капиталист мог подкармливать своих рабочих за счет колониальных сверхприбылей и укреплять в них, таким образом, мелкобуржуазные иллюзии. В России резервная армия из пролетаризированных крестьян равнялась в обычное время 6 млн., а занятые составляли 3 млн. Это давало возможность установить наихудший фабричный режим [2]).

На этом фоне «элементы торможения» внутри рабочего класса, которые принесли и приносят столько несчастий западно-европейскому пролетариату, у нас были развиты очень слабо. Позиция рабочего класса России во время империалистской войны, его отношение к военно-промышленным комитетам, наконец, бурный рост стачек свидетельствовали о том, что рабочая масса

[1]) «Весь мир в цифрах», т. II. «Труд». Берлин, 1925 г., стр. 194.

[2]) М. Н. Покровский, ст. «5 годовщина Октябрьской революции». «Спутник коммуниста» № 18 за 1922 г.

далека от того «гражданского мира», которому поддались зараженные оппортунизмом пролетарские массы Запада.

Это же самое мы могли видеть и после Февральской революции, несмотря на туман «добросовестного оборончества» который обволок и некоторые слои пролетариата. Уже на первой конференции фабзавкомов Петрограда в конце мая большевики имели на своей стороне подавляющее большинство. На июньской конференции профсоюзов большевики повели за своими лозунгами около половины всего состава конференции. Фабзавкомы с первых дней их организации стали большевистскими центрами. По мере развития революции рабочий класс и его организации все дружней и все единодушней становились под знамена большевистской партии.

«В общем и целом—писал Ленин в брошюре «Социализм и война»—рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма. Это об'ясняется революционным положением в стране и общими условиями жизни российского пролетариата... Общее положение в нашей стране враждебно процветанию «социалистического» оппортунизма в среде рабочих масс. Мы видим в России целый ряд оттенков оппортунизма и реформизма среди интеллигенции, мелкой буржуазии и т. д. Но он—в ничтожном меньшинстве среди политически активных слоев рабочих. Слой привилегированных рабочих и служащих у нас очень слаб. Фетишизма легальности у нас создаться не могло [1]).

В «Солдате» № 42 от 4 октября В. Невский приводил такие данные о заработке различных слоев рабочих. Накануне войны число рабочих, получавших от 1 р. 50 к. до 2 р. в день, составляло 17,67% всего их числа, $^2/_3$ рабочих (62,93%) получало до 1 рубля в день. И, наконец, более высокая по зарплате группа с заработком свыше 2 р. составляла 19,40% (в этой последней самый верхушечный слой был ничтожно мал; число рабочих, получавших до 10 рублей в день, не превышало 0,03%, т.-е. 3 таких счастливца приходились на 10 тыс. рабочих!).

Ко второй половине 1917 г. слой рабочих, получавших от 1 р. 50 к. до 2 р. в день, поднялся до 45,49%. Но это явилось лишь номинальным повышением. Если учесть, что к концу 1917 г. рубль упал приблизительно втрое, мы получим даже меньший процент заработков до 2 р., чем накануне войны (тогда было 17,67%, теперь, разделив 45,49% на 3,

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 112.

получим только 15,16%). Группа с более высоким заработком, чем 1 р. 50 к.—2 р. в день составляла—на основе разработки данных В. Невского—24,75%—небольшое увеличение против довоенного положения; но и в этой верхней группе подавляющая часть—22,99% получали от 2 до 7 р. в день (7,92%—свыше 2 р.; 5,62% от 2 р. 50 к.—3 р.; 6,77% от 3—4 р. и 2,68% от 6—7 р.). И в этой группе, как видим, верхушка, дающая на Западе рабочую аристократию, была необычайно мала: только 0,85% рабочих имели заработок 7—9 р. в день, 0,38% от 9—10 р., и, наконец, 0,53% свыше 10 р.

По данным «Вестника министерства труда» (№ 1—2 за 1917 г.) верхушечная группа рабочих с заработком 7—10 р. была несколько выше, чем указывает В. Невский, доходя до 3,84%. Но общая тенденция этим не изменяется. Меньшевики-оборонцы производили в 1916 г. анкету среди членов больничных касс Петрограда по вопросу о положении рабочих. Выводы этой анкеты были следующие: почти $^9/_{10}$ всего числа рабочих не имеют возможности жить так, как они жили до начала войны, несмотря на увеличение заработка на 100—300%. Около $^1/_{50}$ считают свое положение сносным, да и то благодаря добавочным и сверхурочным (см. «Красный архив», т. XVII, ст. «Политическое положение России накануне Февральской революции»).

Слой рабочей аристократии этого, по выражению Энгельса, «буржуазного пролетариата» был ничтожен. Этот слой и у нас сыграл свою роль: союз печатников, рабочие экспедиции заготовления государственных бумаг (тоже печатники) и рабочие городской электростанции были, повидимому, теми одинокими предприятиями, которые вначале не поддержали Октябрьского переворота и даже выступили против него[1]). Характерно, что все указанные предприятия принадлежали к типу наиболее высоко оплачиваемых (средний поденный заработок рабочих электростанции в июне 1914 г. составлял 208%, печатников—140% заработка текстильщиков).

Здесь сказалось привилегированное по сравнению с другими положение этих предприятий. Вследствие политического значения их работы—требования рабочих удовлетворялись в них сравнительно легко. Благодаря требованиям высокой обучен-

[1]) Что касается экспедиции заготовления государственных бумаг, то через некоторое время настроение рабочих экспедиции сильно изменилось. Б. Соколов, рассказывающий о попытках «Союза защиты Учредительного собрания» опереться на экспедицию заготовления в своей борьбе с советской властью, так описывает настроения рабочих экспедиции в начале января 1918 г. «...И теперь среди рабочих экспедиции я уже не мог заметить ни возмущения большевиками, столь резко и ярко выраженного до 5 января, ни того преклонения перед демократией и идеей Учредительного собрания, которое было характерно для этого фабричного центра» («Архив» Гессена, т. XIII, Берлин).

ности, эти отрасли были в значительной степени забронированы от чрезмерного давления рынка неквалифицированного труда.

В среду этой нашей рабочей аристократии прививалось таким образом в течение годов мирное, соглашательское разрешение конфликтов [1]). Все же эта прослойка рабочей аристократии составляла только крупицу во всем рабочем движенчи. Она не успела сложиться в сколько-нибудь мощную группу и, в противоположность своему западному собрату, не пользовалась никакой гегемонией в рабочей массе. Средний же квалифицированный рабочий беззаветно шел в рядах борцов Октябрьской революции, составляя наиболее крепкую и организованную их часть. Недаром этот квалифицированный рабочий по преимуществу и руководил различными рабочими организациями. «В фабрично-заводские комитеты и другие выборные рабочие коллективы—свидетельствовала «Новая жизнь» (от 8/XII)—выбираются обыкновенно квалифицированные рабочие, как наиболее интеллигентные».

Рабочая бюрократия также не могла у нас сложиться по тем простым причинам, что: 1) профессиональные и политические организации были у нас в подполье и 2) что у нас не было школы буржуазного парламентаризма (керенщина, хотя и принесла, пользуясь выражением Ленина, не одно «министериалистское разжижение мозга» наших «демократов», была все же слишком непродолжительна).

Оппортунизм в среду рабочего класса России вносили, главным образом, недостаточно «раскрестьянившиеся» части рабочего класса и выходцы из мелкой буржуазии. В этом отношении характерны железнодорожники, которые в лице Викжеля тоже отрицательно отнеслись вначале к Октябрьскому перевороту, а затем своими колебаниями его всячески тормозили. Из кого состояла масса железнодорожников? В железнодорожной массе преобладали мелкобуржуазные и полупролетарские слои: телеграфисты, кондуктора, сцепщики, конторщики, коммерческие служащие, техники, чертежники, весовщики, агенты технического распределения движения и пр. В начале революции они создали свои узко цеховые союзики.

---

[1]) В итоге этого к ноябрю 1917 г. в ячейке типографии (Сытина) (нынешная 1 Образцовая), например, на 1.500 рабочих насчитывалось всего 2 большевика (см. сборник «5 лет работы ячейки РКП типографии бывшей Сытина»). Что касается печатников, то следует вообще заметить, что в их позиции немалую роль сыграла типичнейшая цеховая ограниченность: закрытие буржуазных газет оставило на первых порах без работы до двух тысяч печатников в Петрограде. Но и печатники через некоторое время, после перевыборов президиума союза, тоже изменили свою ориентацию.

Пролетарские же элементы мастерских и депо составляли не более 40% общей железнодорожной массы [1]).

Еще в 1916 г. Ленин предвидел, что части мелкой буржуазии и отсталых рабочих «неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки». Так оно и вышло. Отсталые слои рабочих, наиболее близкие к крестьянам, нередко понимали лозунг «фабрики — рабочим» синдикалистски — по аналогии с социализацией земли (но эта тенденция нигде не получила перевеса. Стихийно - хаотическая национализация снизу проводилась как национализация, т.-е. как переход в руки пролетарского государства). Мелкобуржуазные элементы пролетариата (среди которых большое место принадлежало чернорабочим и мало квалифицированным рабочим вообще) являлись обыкновенно наименее выдержанной его частью. Они меньше всего были способны приносить в жертву временные и эпизодические интересы рабочего класса его длительным и постоянным интересам. В их среде еще были часто достаточно сильны мещанский партикуляризм, цеховая ограниченность, интересы группового благополучия. Они хуже выдерживали испытания. На них чаще всего и падали в это время случаи дезорганизованности, недостатка дисциплины, нерадения. Они чаще всего и пред'являли несоразмерные с экономическими возможностями требования.

Если бы этим слоям пролетариата действительно принадлежала в Октябре гегемония в рабочем классе—предсказания «Речи» о «минутном торжестве» большевиков оправдались бы. Но **гегемония принадлежала пролетариату—авангарду, который укреплялся как господствующий класс не только в борьбе с буржуазией и промежуточными слоями, но и в борьбе с мелкобуржуазными частями в своей собственной среде.**

Основное ядро рабочего класса оказалось к моменту решающего выступления пролетариата свободным от оппортунистических влияний. «Лучшие представители пролетариата,— писал меньшевистский «Наш голос», подразумевая под лучшими представителями, конечно, меньшевиков,— переживают трагедию, они становятся лишними в рабочей массе в величайший момент истории».

Рожков (тогда меньшевик) в ст. «Ход революции» вынужден был признать: «...Пролетариат не только принял пере-

[1]) Подробнее см. ст. О. Пятницкого «Железнодорожный район московской организации большевиков и массовые организации железнодорожников». Сборник «От Февраля к Октябрю», стр. 113—119.

ворот, совершенный его писнем, но и отнесся к нему, как к своему делу, и в значительной части своей оказывал действительную поддержку добытым им завоеваниям». Кадетские «Русские ведомости» писали 20 октября о настроении рабочих окраин Петрограда: «На окраинах, на петроградских заводах, Невском, Обуховском и Путиловском, большевистская агитация за выступление идет во-всю. Настроение рабочих масс таково, что они готовы двинуться в любой момент...» «Массы настроены против нас, и в настоящее время мы ничего сделать не можем», — говорил Тепер на заседании старого меньшевистского ЦИКа первого созыва 17 ноября[1]). «Дважды,— говорил в том же старом ЦИКе Кудрявцев,—мы бросали силы на заводы и нас там не слушали»...

В первые же дни Октябрьской революции союз петроградских металлистов поддержал большевиков 50 тысячами р. из кассы союза.

18-тысячная рабочая масса «Треугольника» выставила для восстания внушительный отряд. Рабочие решили в случае выхода из Красной гвардии поступивших в нее добровольцев исключать их из рабочей среды. «Современное правительство было встречено с восторгом. Рабочие надеются, что будут осуществлены их желания и устранены бедствия»[2]).

Петроградский совет, совет профсоюзов и Центральный совет фабзавкомов выпустили обращение к рабочим: «Мы просим вас—говорилось в нем—прекратить все экономические и политические забастовки, всем встать на работу и производить ее в полном порядке». Стачечный комитет деревообделочников призвал после Октябрьской революции всех бастующих прекратить стачку и немедленно приступить к работе. До Октябрьского переворота текстильщики рвались к забастовке. Теперь никто и не думал об этом. «Несмотря на низкий уровень культурности текстильных рабочих, — писал корреспондент отдела «Рабочей жизни» «Правды», — приходится удивляться глубокому пониманию переживаемого момента. До 2-й революции они рвались на забастовку, но как только власть перешла к советам, никто о забастовке не помышляет».

«В противоположность Февральской революции — писал «Вестник металлиста» № 1 за 1917 г. — Октябрьский переворот характеризуется почти полным затишьем экономической классовой борьбы». Фабзавкомы заняли сразу после переворота свои позиции, требуя «строжайшей самодисциплины» и «активного рабочего самоконтроля».

---

[1]) «Красный архив», т. X за 1925 г.

[2]) «Новая жизнь» от 11/XI.

«Безответственное отношение к работе должно встретить самое суровое осуждение сознательных рабочих. Ненависть и презрение к тем, кто манкирует работой в то время, когда он должен быть сугубо заинтересован в ее повышении»,—писал орган ВЦСПС по поводу выступлений против самодисциплины. Буржуазия, ожидавшая «стремительного низвержения» диктатуры пролетариата с изумлением наблюдала эту картину пролетарской самодисциплины.

«Они еще верят чему-то,—писал о своих впечатлениях от рабочих митингов Петрограда Г. Тан в «Русской воле»,— хотят защищать, если не родину, то все-таки хотя бы завоевания революции, что-то хотят защищать, не щадя своей жизни». Разве мог бы пролетариат, состоящий из одних мещанских, случайных и пришлых элементов, найти в себе такую стойкость, дисциплинированность и выдержку, какие были проявлены им в октябрьские и послеоктябрьские дни?

Металлисты, занявшие за время войны первое место в рабочем классе Петрограда (где их было 54,8% общего числа рабочих) и всей России (где их было 26,1% общего состава рабочих), шли в первых рядах пролетариата. В Октябрьской революции металлисты—в частности металлисты Петрограда—снова показали, что они являются мозгом и сердцем рабочего класса.

Вспомним, что пролетариат Петрограда начал революцию под угрозой локаута и полной гибели дезорганизуемых войной и хозяйничанием буржуазии производительных сил. Мог ли он рассчитывать, равно как и пролетариат остальной России, на немедленное улучшение своего положения? Отнюдь нет. Наоборот, Октябрь в первый период принес резкое ухудшение жизненных условий пролетариата. В первое время после Октября около 300 тысяч рабочих Петрограда остались безработными. Как раз металлисты (и химики), как работавшие на оборону, больше других слоев рабочих пострадали от Октябрьского переворота. В первое время металлургическая промышленность потерпела жесточайший урон. Вследствие недостатка топлива и стратегических условий она сократилась к 1 апреля 1917 г. на 77%, потеряв 70—76% своего состава. Если к концу 1917 г. в Петрограде еще оставалось 80% числа рабочих, занятых на 1 января 1917 г., то к 1 апреля 1918 г. их осталось едва 40%, к 1 июля 1918 г.—около 30% [1]). Резко ухудшилось и продовольственное положение рабочих. После Октября хлебный паек дошел до $^3/_4$ ф. на два дня.

---

[1]) См. «Материалы по статистике труда Северной области», вып. I. Петроград. 1918 г.

Революция, начатая пролетариатом во имя спасения своей собственной жизненной основы, привела, таким образом, на первых порах к распылению пролетариата и к крайне сильному ухудшению его положения. К чему же было—спрашивает мещанский социализм—совершать революцию, раз победа этой последней приносит перерыв в процессе воспроизводства и ухудшение положения рабочего класса? Пролетарская революция—в представлении г. Реннера, например—либо тормозит, либо разрушает «экономический совокупный процесс» и «поражает, прежде всего, рабочий класс, ввергая его в бедствия, связанные с безработицей, и может отбросить хозяйство на многие годы, даже десятки лет назад»... (К. Реннер. «Теория капиталистического хозяйства» стр. 319). Этими доводами пользуются оппортунисты всех стран, чтобы отпугивать от революции пролетариат.

Мещанский социализм не понимает того, что приносимый пролетарской революцией перерыв в процессе воспроизводства является только временным и необходимым актом, сменяющимся вскоре расширенным воспроизводством отношений, созданных социалистической революцией; точно так же ухудшение в положении рабочего класса, приносимое революцией,—только временное и скоропроходящее ухудшение, хотя, повидимому, и совершенно неизбежное в первый этап пролетарской революции.

Мещанин больше всего на свете боится потрясений, «перерывов», лишения привычных жизненных удобств, его окружающих; он больше всего на свете хочет покоя и он меряет на свой аршин также рабочий класс. Пример пролетариата России, не убоявшегося трудностей и временного ухудшения своего положения, самым наглядным образом опровергает тезис К. Реннера, как хозяйственные успехи СССР опровергают его «прогноз» об обязательности регресса народного хозяйства при диктатуре пролетариата.

Пролетариат России стойко шел на все связанные с переворотом жертвы. Он сознательно шел на временное распыление своих сил. Он стойко принимал тяжкие «издержки революции», потому что за этими издержками и временным ухудшением он видел длительные интересы всего класса. Только эта мужественная выносливость и дала ему возможность оставаться непрерывно во главе революции, несмотря на все тяготы переходного периода.

Уже первые бои за Октябрь показали, что не солдаты, не крестьяне, а пролетарии составляли наиболее крепкое и надежное ядро революции. Солдаты и крестьяне привносили с собой—не могли не привносить—свой партикуляризм (местническую ограниченность), свои колебания, свои предрассудки,

свою нерешительность. Эти качества обнаружились уже на первом фронте Октября—фронте против Керенского и Краснова. «Не успели захватить власть, как снова воевать»,—таково было нередко настроение солдат [1]). Но на борьбу всех решительнее выступили рабочие-красногвардейцы. Тысячи рабочих двинулись на фронт. Рабочие орудийных заводов с величайшим напряжением изготовляли снаряжение и пушки.

Отряды Красной гвардии и моряков (в подавляющем большинстве тоже состоявших из рабочих), прибывшие из Гельсингфорса—по свидетельству участника боев Антонова-Овсеенко [2])—сыграли активную роль на красновском фронте. «Об их стойкость—пишет Антонов—выдохся порыв красновцев, они же были той силой, которая сломила восстание юнкеров» [3]).

Приведенные данные, мы надеемся, достаточно выяснили вопрос о суб'ективной готовности рабочего класса к социалистической революции. Индустриальный пролетариат был подлинным классовым носителем Октябрьской революции. Солдаты и крестьяне, присоединившись к перевороту и сливши свою борьбу с борьбой пролетариата, придали этому последнему те силы, без которых он не мог бы одержать победу и, главное, удержаться у власти после этой победы. Но гегемоном в этой борьбе в Октябре и после Октября оставался революционный пролетариат, который вел и поныне ведет за собой своего союзника, тщательно следя за тем, чтобы не оторваться от него, и в то же время преодолевая его колебания, распыленность и нерешительность.

Так обстояло дело с суб'ективной зрелостью рабочего класса России для пролетарской революции. Мы видели, что благодаря особенностям развития классовой борьбы в России, наиболее отсталая (экономически, технически и культурно) страна в Европе имела наиболее зрелый для социалистической революции «людской состав».

Нам остается теперь ответить на последний вопрос о суб'ективных факторах социалистической революции: была

[1]) С подобными же настроениями солдат мы встречаемся и в дальнейшем. В Москве Совету рабочих депутатов приходилось долго после Октября тащить на буксире солдатский совет. В период Бреста Петроградский гарнизон не выслал на германский фронт ни одной части, в то время как Сестрорецкий завод, например, оформировал и послал на фронт несколько полков из рабочих.

[2]) Сборник «За 5 лет», стр. 150.

[3]) Об этом же свидетельствовал сам ген. Краснов. «Опора большевиков—матросы и красногвардейцы, т.-е. вооруженные рабочие... Рабочие очень воинственно настроены и хорошо сорганизованы»—пишет он в своей статье «На внутреннем фронте» («Архив» Гессена, т. I. Берлин. 1922 г.).

ли в России налицо партия, которая могла составить выдержанный и опытный штаб пролетарского восстания?

Мы знаем, что и это условие было налицо. Большевистская партия получила достаточно крепкую закалку в многолетней борьбе с царистской реакцией, с оппортунизмом и «центризмом». К 1917 г. партия имела уже за своими плечами славную историю революционно-классовых боев 1905 г., давших громадный и многообразный опыт руководящему штабу пролетарской революции.

Партия воспитывалась на постоянной и упорной борьбе с различными оппортунистическими и «лево»-оппортунистическими (вроде отзовизма) течениями в своих рядах. В период реакции, наступившей после революции 1905 г., партия в ожесточенной идейной борьбе прочно укрепила свои тактические взгляды. В начале 1912 г. (на Пражской конференции) меньшевики были окончательно исключены из партии. Таким образом, борьба с оппортунизмом была оформлена и организационно. Благодаря всем этим обстоятельствам 1917 г. застал партию целиком очищенной от оппортунистических влияний в своей собственной среде и готовой твердо вести курс на социалистическую революцию.

Около 25 тысяч старых членов партии (вступивших в партию в годы царизма) составили тот костяк, вокруг которого сгруппировались в апреле 1917 г. около 80 тысяч [1], а в августе того же года до 200 тыс. членов (к октябрю 49.478 членов приходилось на одну петроградскую организацию) [2].

Мы видим, что рост партии в период от февраля до октября не проходил так катастрофически, как это имело место у меньшевиков и эсеров,—да это и вполне понятно: ведь большевистская партия не была правительственной; наоборот, принадлежность к партии, которую травили и преследовали, была далеко не безопасной в этот период. В партию шли люди, прочно связавшие свою судьбу с судьбой пролетарской революции. Революционная волна не прибивала к большевистским берегам сразу миллионы новых членов, как это было у мелкобуржуазных партий. Зато партия большевиков не знала такого массового отлива из рядов партии, как это случилось у тех же мелкобуржуазных партий.

---

[1]) «Правда» от 6—7 ноября 1921 г. Ст. Г. Зиновьева «Наша партия за 4 года революции».

[2]) Из отчета на общегородской конференции. «Рабочий путь» от 10 октября.

Октябрь 1917 г. застал партию в преобладающей части рабочей по своему составу. Партия не гналась за легкими триумфами. Она умела итти и против течения, когда, например, массы были охвачены угаром революционного оборончества. Но она в то же время умела постоянно улавливать самую суть нужд и требований масс и формулировать их в гениально четких и простых лозунгах.

Массы, таким образом, приучались видеть в партии свой авангард, который не предаст и который умеет серьезно и *умно* руководить борьбой [1]). Только благодаря тому, что рабочий класс России выковал себе подобную, испытанную массами на опыте борьбы, большевистскую партию, Октябрьская революция могла одержать победу.

Так обстояло дело с последним, нами рассматриваемым—но не последним по важности!—фактором зрелости социалистической революции в России: наличием большевистской партии.

*

Мы разобрали, таким образом, под ряд те об'ективные и суб'ективные условия, при которых социалистическая революция может считаться достаточно «созревшей» и появление ее достаточно «закономерным».

Мы видели, что Октябрь — не *случайно* увенчавшееся успехом внезапное нападение, не странная причуда истории, как представляет дело оппортунизм. Таких «случайностей», которые длятся десятилетиями, в истории не бывает. Октябрь также не *только* сигнал, толчок к международной революции, как в сущности считают сторонники того взгляда, что в СССР социализм можно только «возвещать», но не строить с уверенностью в успехе.

На самом деле, Октябрь, как мы видели, не является чем-то наносным или ошеломительным не только с точки зрения мирового пролетарского движения, но и с точки зрения истории России. Продукт *мировой* войны и *мировой* революционной эпохи, составная часть международной пролетарской революции—Октябрь подготовлен в то же время всем ходом экономического развития и классовой борьбы в самой России.

---

[1]) Вот характерное описание жизни партийной организации, относящееся к дням Октября в провинции:

«Партийный комитет в это время был всем, что только хотите: тут склад оружия—патронов, тут казарма для обучения, тут зал для партшколы, для заседаний и собраний» (ст. М. Демидова «Как создавали учреждения» в книге «Октябрьский переворот в Туле», стр. 12). Промышленник Ауэрбах пишет в «Архиве» Гессена (т. XIV): «К 25 октября они (т.-е. партии эсеров и меньшевиков) утратили и последнюю видимость своего влияния. *Одни большевики сохранили за собой руководство рабочими массами*».

Отсюда, конечно, не следует ни в коем случае, что пролетарская диктатура в нашей стране гарантирована от каких бы то ни было опасностей. Нельзя забывать того, что буржуазное окружение осталось; что борьба частнокапиталистических и кулацких элементов с социалистическим хозяйственным сектором продолжается, и т. д.

Но из наличия этих опасностей вовсе не следует, что, если Октябрь не встречает скорой и прямой поддержки европейского пролетариата, то пролетарской диктатуре в России остается только «свертываться» и стремительно катиться вниз—в сторону Термидора, перерождения и т. д. Правда, до прихода западноевропейской революции нам приходится воздвигать — по выражению Ленина — тройную линию окопов и бдительно следить за всеми подстерегающими пролетарскую диктатуру опасностями—вовне и изнутри. В то же время нельзя упускать того, что пролетарская революция в России имеет вполне достаточные экономические и политические данные для успешности внутренней работы по строительству социализма. Именно успехами в этой социалистической строительной работе (надежность которых в мелкобуржуазной стране как раз отрицает теория «сигнала») и прочностью союза рабочего класса с бедняцким и середняцким крестьянством, СССР и осуществляет теперь наилучшим образом свою роль сигнала, роль могущественного фактора мировой революции.

⁂

ПРОЛЕТАРИАТ У ВЛАСТИ

Декрет о земле. Выход из войны. Обзор декретного законодательства первых месяцев советской власти. Переплетение буржуазно-демократических задач революции с пролетарскими. Экономическая политика первого периода диктатуры пролетариата.

Как только пролетариат закрепил свою победу в столицах, он поставил себе задачей рядом решительных и быстрых мер удовлетворить насущнейшие требования как рабочего класса, так и своего союзника—крестьянства.

Декрет о земле, сделавший законом проникнутые эсеровскими иллюзиями крестьянские наказы, был одним из самых мудрых шагов ставшего у власти пролетариата.

Рабочий класс ни в какой мере не разделял эсеровских иллюзий о «социализации» земли и об «уравнительности». Но в крестьянстве эти иллюзии жили, и пролетариат, заключивший с деревней тесный союз, не хотел навязывать ей свою волю [1]).

Самое главное заключалось в том, чтобы помещичье землевладение немедленно и силами самих масс было уничтожено. Это «самое главное» было полностью достигнуто декретом о земле: вся помещичья собственность была экспроприирована. Десятки миллионов десятин земли перешли к крестьянству.

---

[1]) Учитывая обвинения эсеров в «краже» большевиками их программы, не мешает отметить, что большевистская аграрная программа еще в 1906 г. допускала и раздел и национализацию, в зависимости от политической обстановки. В брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» (т. IX, стр. 412) Ленин тогда писал: «чтобы устранить всякую мысль о том, будто рабочая партия хочет навязывать крестьянству какие бы то ни было прожекты реформ, независимо от воли крестьянства, независимо от самостоятельного движения внутри крестьянства, к проекту программы приложен вариант А, в котором, вместо прямого требования национализации, говорится сначала о поддержке партией стремления революционного крестьянства к отмене частной собственности на землю».

Как видим, уже в этой постановке вопроса заложена, в известной степени, октябрьская тактика большевиков в 1917 г. в отношении крестьянства.

С плеч крестьянства было скинуто до полумиллиарда золотых рублей, которые крестьяне ежегодно вносили помещикам в виде арендной платы. Помещичье землевладение, надевшее тяжелые оковы на все народное хозяйство страны, было в корне подрезано.

«Раздел» помещичьей земли сделал Россию страной еще более мелкого землевладения. Известное понижение уровня сельскохозяйственной культуры в итоге ликвидации крупных капиталистических хозяйств отсюда было совершенно неизбежно. Не надо только преувеличивать размеров этого понижения.

Под капиталистическими посевами была лишь небольшая часть помещичьей пашни. По переписи 1916 г. в 39 нынешних губерниях Советской России на 39.222 тыс. десятин посева крестьянских хозяйств приходилось 2.916 тыс. десятин помещичьего посева (7,2%). В остальной части Европейской России (Украина, Дон, Белоруссия) на 24 млн. десятин крестьянского посева приходилось 4.800 тыс. десятин помещичьего, т.-е. около 20%[1]).

Помещичье хозяйство в целом было экономически реакционно. Оно велось преимущественно не капиталистически, а крепостнически (отработочная система, испольная аренда, кабала за долги и т. д.) или же соединяло в себе черты «вольного найма» с отработочной системой.

Но декрет о земле не только экспроприировал помещичье землевладение. Он уничтожил всю частновладельческую собственность; он уничтожал наемный труд в деревне и вводил принцип, согласно которому размер земельной собственности должен быть приноровлен к трудовой или потребительской норме.

Этот декрет не мог, конечно, привести к той «социализации», на которую рассчитывали в своей программе эсеры. Декрет этот открывал простор для классовой борьбы в деревне; больше того, он сам вызывал эту классовую борьбу, которая и проявила себя во-всю на следующем этапе («раскулачивание», «военный коммунизм»).

Но в момент Октября декрету о земле было обеспечено горячее сочувствие подавляющего большинства крестьянства. Середняцкая масса ждала прирезок земли, угодий и инвентаря в итоге ликвидации помещичьего землевладения; бедняки тоже надеялись получить землю и инвентарь, чтобы крестьянствовать, как мелкие хозяйчики; кулаки, наконец, в тех местах, где они не боялись нападений на свою собственность со стороны своих же соседей, тоже—в последний раз!—приняли участие в революционной общекрестьянской борьбе. Их побуждало к этому, главным образом, стремление аннулировать высокую ипотечную задолженность, чрезмерные налоги

[1]) См. книгу Ларина. — «Экономика досоветской деревни», стр. 196.

и платежи, отнимавшие значительный процент накопленной ими прибавочной стоимости и мешавшие расширению их хозяйств [1]).

Громадные массы крестьянства выступили, таким образом, против помещиков и одним решительным ударом смели с лица земли помещичье землевладение. В этом исключительное революционное значение декрета о земле, которое отчетливо давало себя чувствовать на всем протяжении гражданской войны. Но неправильно было бы думать, что одна передача земли совершенно исчерпывала революционную силу крестьянства. Во-первых, эту землю надо было еще отстоять от многочисленных врагов, во-вторых,—как справедливо говорил тов. Володарский на VI с'езде нашей партии — «землю жрать нельзя, и нужен ряд других мероприятий», в интересах подлинного под'ема крестьянского хозяйства. А проведение этих мероприятий крестьянство могло расчитывать получить скорее от власти пролетариата, нежели от власти буржуазии.

Основная масса крестьянства, испытавшая уже на себе все прелести столыпинской пролетаризации и экспроприации, заинтересована в том, чтобы избегнуть капиталистического пути развития. С другой стороны, овладевший властью пролетариат заинтерссован в том, чтобы ужиться с основной массой крестьянства и обеспечить себе его поддержку в длительном процессе мировой пролетарской революции. Программой пролетариата поэтому является не уничтожение мелкого собственника, не война с ним, а такое руководство народным хозяйством, при котором для широких масс крестьянства открывается путь некапиталистического развития от мелкого хозяйства к обобществленному крупному.

При посредстве ряда организационных и материальных мероприятий, при посредстве соответствующей политики цен, транспортных тарифов, таможенных пошлин, системы кредита, кооперации и т. д.—овладевший властью пролетариат может создать для основной массы крестьянства возможность наиболее простого и безболезненного для нее перехода к социалистическим порядкам и этим прочно привязать подавляющую часть деревни к социалистической борьбе городского пролетариата.

Передача крестьянству земли без выкупа нанесла сильный удар банкам, которые в большинстве являлись агентами

[1]) С. Дубровский («Столыпинская реформа», стр. 190) приводит данные по Симбирской губернии, показывающие, что платежи за купчую и арендованную землю поглощали 29,8% всего валового денежного дохода хуторян и отрубников. В трех волостях Богородицкого уезда Тульской губернии задолженность охватывала 100% хуторов, в которых средняя величина долга составляла 1,567 р. на одно хозяйство и 90,6% отрубов, в которых величина долга составляла в среднем 408, 4 руб на одно хозяйство (там же, стр. 172).

иностранного капитала. Таким путем крестьянин сталкивался в своих непосредственных интересах с интересами мирового финансового капитала.

Крестьянин побуждался таким образом ко все большей заинтересованности в интернациональной борьбе, какую ведет пролетариат. Но к этому же самому интернационализму крестьянство толкалось и другими интересами: мало было освободиться от помещиков, нужно было еще освободиться от империалистской войны и той зависимости от иностранного капитала, которая в виде государственных долгов грозила придушить того же самого крестьянина.

Выйти из империалистской войны—вот была вторая важнейшая задача пролетариата. Декрет о мире, выпущенный 26 октября, сразу поставил вопрос на практическую почву. После первых дней пролетарской власти, ушедших на непосредственную борьбу с контр-революцией Краснова и Керенского, борьба за мир началась со всею решительностью.

8 ноября была послана нота всем союзным послам с предложением о немедленном приступе к переговорам о всеобщем мире. 8 ноября Совет народных комиссаров приказал верховному главнокомандующему немедленно обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленной приостановки военных действий в целях открытия мирных переговоров. Тогда же было сделано формальное предложение всем союзным и нейтральным послам об открытии мирных переговоров.

9 ноября была сдана в печать для опубликования первая часть тайных договоров, относящихся к периоду керенщины.

Этой энергичной борьбой за мир пролетариат ясно показывал, что он не намерен ограничиться одними бесплодными обращениями и красивыми резолюциями, а что он берется за дело практически, по-деловому и по-революционному. «Союзники» сразу заняли тогда резко враждебную позицию по отношению к новому правительству. Послы отказались даже довести до сведения своих правительств советскую ноту о немедленном открытии мирных переговоров [1]).

Послы союзных держав отправили главнокомандующему ген. Духонину коллективный протест против действий Совнаркома. Начальник французской военной миссии ген. Бертелло в письме к ген. Щербачеву (командующему румынским фронтом) заявлял о непризнании правительства советов и со-

---

[1]) Один лишь испанский посол нарушил этот заговор молчания дипломатов против начатой пролетариатом борьбы за мир. За эту оплошность он был немедленно отозван своим правительством. Уезжая, посол явился в комиссариат иностранных дел и просил компенсировать его

общал, что союзные державы возлагают все свои надежды на верность русского командования.

Как только были опубликованы первые тайные договоры, изобличавшие империалистские замыслы «союзников» и разоблачавшие их закулисные сделки с Терещенко, состоялось совещание послов, которое указало, «что в мировой истории не было еще прецедента столь бесцеремонного нарушения доверия дружественных держав».

Эти угрозы антантовского империализма, которые оказывали столь огромное давление на внешнюю политику керенщины, теперь, когда пуповина, связывающая Россию с ее империалистскими «союзниками», была разорвана революционным путем, не достигали цели. Борьба за мир продолжалась со всем упорством [1]).

9 ноября на место отказавшегося выполнить приказание Совнаркома ген. Духонина был назначен прапорщик Крыленко, который вскоре и овладел ставкой. Тогда же было выпущено обращение к солдатам: «Пусть,—говорилось в нем,—полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем».

Союзный империализм не мог активно выступить против пролетарской революции. У него были заняты руки. Он напрягал все свои силы в борьбе на западном фронте, где обе враждебные коалиции дошли до мертвой хватки. Германский империализм, которому к этому моменту пришлось иметь дело с враждебной коалицией, усиленной Америкой, и который все туже подтягивал живот в итоге «войны на истощение», был крайне заинтересован в свободных руках на востоке. Оба перечисленные обстоятельства составили громадный плюс для молодой пролетарской власти. Они и предопределили возможность революционного выхода России из империалистской войны.

Вот почему Совет народных комиссаров вскоре после переворота опубликовал декрет о постепенном сокращении численности армии и о немедленном увольнении в бессрочный запас солдат призыва 1899 г.

горе хотя бы каким-нибудь орденом. Как велико было изумление посла, когда тов. Маркин, работавший тогда в наркоминделе, выложил перед ним кучу всяких орденов и знаков отличий и предложил: выбирайте любой. Бедный дипломат не мог себе представить, чтобы можно было так непочтительно обращаться с орденами, как делало это пролетарское министерство иностранных дел!

[1]) 22 декабря Парижская конференция Антанты решила контролировать внешнюю политику России. Союзники, свыкшиеся с фактическим контролем, какой они осуществляли все время при «демократии», не хотели еще верить, что на сцене произошла весьма значительная перестановка действующих лиц.

Другое обязательное постановление Совнаркома предписывало прекратить изготовление предметов военного снаряжения. Эта молниеносная демобилизация промышленности усилила на первых порах хозяйственный развал в стране и увеличила безработицу. Но великое значение этого шага заключалось в том, что прекратилось производство «на ветер».

Если в 1916 г. из каждых 100 пуд. расходуемого на петроградских заводах топлива—79 пуд. тратились на предметы военного снаряжения, то для 1918 г. соответствующие цифры: 11 пуд. для военных целей и 89 пуд. для мирных.

19 ноября состоялась первая встреча нашей мирной делегации с немецкой. 2 декабря было заключено перемирие, за которым, после немалой борьбы с наглыми притязаниями германского империализма (и крайне напряженной внутрипартийной борьбы), был заключен мир. «Если... правительству Ленина удастся нанести удар войне и приблизить ее окончание, ему очень многое за это простится» ...—писал лидер меньшевиков Мартынов накануне того, как выяснились результаты мирной работы пролетарской власти.

Революционная борьба за мир увенчалась успехом. Россия, благодаря Октябрьскому перевороту, вырвалась из кровавого клубка войны. Важнейшее обещание, данное Октябрьским переворотом народным массам — выход из войны — было выполнено с максимально возможной быстротой.

Международный рабочий класс получил в борьбе пролетариата России за мир ценнейший урок последовательной и решительной классовой политики.

Революционный разрыв со всеми тайными договорами империалистов, новые принципы гласной дипломатии, наконец, самый состав первой советской мирной делегации, куда на ряду с Иоффе, Караханом, Каменевым, Сокольниковым, Биценко и Мстиславским входили рабочий Обухов, крестьяне Столиков и Романов, матрос Олич и солдат Беляков,—всемирно-историческое значение этих фактов было громадно. Они говорили истомленному и измученному империалистской войной пролетариату Запада в тысячу раз больше, чем самые горячие резолюции и призывы демократии.

В борьбе за мир ярко сказалась интернациональная сущность Октябрьского переворота, начатого как первый пролетарский переворот в Европе, за которым неминуемо должны последовать следующие. Пока обе империалистские коалиции находились между собой в смертельной схватке и пока обессиленный войной западно-европейский пролетариат не повернул еще оружия против своих отечественных эксплоататоров,—священным долгом

пролетарской России становилась помощь своему западно-европейскому собрату.

10 ноября ЦИК образовал международный отдел, которому ставилась задача высылать через день курьеров в Стокгольм и выпускать ежедневные телеграфные бюллетени, которые правильно информировали бы западный пролетариат о событиях в России. Декрет о мире был отпечатан на многих языках и в огромном количестве распространен по фронтам. Специальные газеты на немецком и венгерском языках, листовки с воззваниями советов и текстами тайных договоров тоже должны были служить делу интернациональной борьбы за мир. В начале декабря Совет народных комиссаров принял решение об ассигновании 2 млн. р. на нужды революционного движения в других странах. Весьма характерна мотивировка этого постановления:

«Принимая во внимание, что советская власть стоит на почве принципов международной солидарности пролетариата и братства трудящихся всех стран; что борьба против войны и империализма может только в международном масштабе привести к полной победе,—СНК считает необходимым притти всеми возможными средствами на помощь левому и интернационалистскому крылу рабочего движения всех стран, совершенно независимо от того, находятся ли эти страны с Россией в войне или в союзе, или же сохраняют нейтральное положение».

Как декрет о мире, так и декрет о земле удовлетворяли самым неотложным, самым важным потребностям масс. Если декрет о земле только разрешал основную задачу буржуазно-демократической революции—аграрную, то в условиях Октября 1917 г. выполнение этой задачи *выходило за пределы буржуазно-демократической революции*. Это предвидел Ленин еще в первые дни Февральской революции, когда он в прощальном письме к швейцарским рабочим писал: «Крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков... *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступенькой к ней».

Тем более перерастала рамки буржуазно-демократической революции борьба за мир. Эта борьба непосредственно заинтересовывала в революции западно-европейского пролетариата не только рабочий класс России, но и его союзника—крестьянство, и побуждала молодую советскую власть вести ярко-интернационалистскую, чисто-пролетарскую внешнюю политику.

Указанные первые два декрета открыли собой энергичный натиск пролетарской диктатуры на все многочисленные остатки крепостничества, сохранившиеся в нашей стране. Декрет за декретом быстро и решительно покончили со всеми пережитками феодализма. Пусть смеялись над обилием этих декретов! Чернов, например, так говорил о них на X Петроградской конференции эсеров: «Что же такое декреты большевиков, сыплющиеся на страну словно из рога изобилия? Законы? Нет, товарищи, это обычные митинговые резолюции, по недоразумению претендующие на законодательный характер»[1]).

Все же революционная роль этого декретного, во многих случаях, чисто-декларативного законодательства первых месяцев советской власти совершенно исключительна.

Эти декреты развязывали революционную инициативу масс, привлекали их самих к государственной работе, удовлетворяли наиболее важным их потребностям.

Не было ни одного такого пережитка феодально-крепостнического порядка, который бы не коснулись и не уничтожили со всей решительностью и последовательностью декреты первых месяцев советской власти. Самый сжатый обзор законодательства этого периода докажет это со всей определенностью.

31 октября было издано постановление о волостных земельных комитетах, которое так определяло функции этих комитетов: «На обязанности волостных земельных комитетов лежит скорейшая и окончательная ликвидация всех пережитков крепостного строя, сохранившихся в деревне, полное уничтожение всех кабальных отношений, как-то: испольщины, отработочной системы, натуральной аренды и проч.».

1 ноября была выпущена «декларация прав народов России», в которой провозглашалось «право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств».

10 ноября был выпущен декрет об отмене сословий и всяких национальных и национально-религиозных ограничений.

5 декабря Совнарком признал независимость Финляндии, за 10 дней перед тем заявившей о желании выделиться в само-

---

[1]) «С внешней и формальной стороны—писал, например, журнал «Новый экономист» 11 ноября—большевистские декреты мало похожи на законы, как они пишутся в культурных странах. Часто нельзя даже установить, от кого декрет исходит. Это какие-то не то полуграмотные газетные передовицы, не то простые пожелания и декларации... Поэтому, нужно ли удивляться, что сплошь да рядом их декреты коренным образом противоречат один другому, нередко даже, вопреки воле авторов, один декрет отменяет другой?»

стоятельное государство. 29 декабря Совнарком признал независимость Украины. Во второй половине января было выпущено «обращение к трудовым мусульманам России и Востока». В этом исключительно важном и характерном документе говорится: «тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные Керенским, ныне порваны и уничтожены. Республиканская Россия и ее правительство—СНК против захвата чужих земель». Там же заявляется, что договор о разделе Персии «порван и уничтожен», как и договор о разделе Турции.

Энгельс когда-то называл старую Россию «огромным количеством чужой украденной собственности, с которой придется распрощаться в день расчета».

Все законодательство и все действия новой власти в области национальной политики ясно указывали, что старой России наступил конец, и что молодая рабоче-крестьянская власть хочет построить взаимоотношения национальностей на совершенно новых, подлинно равноправных основаниях.

Весьма энергичной ломке подверглось также отвратительное «женское законодательство», созданное царизмом и сохранившееся при керенщине. 19 декабря был выпущен декрет о свободе разводов, которым уничтожались все унизительные для женщин условия, каким развод обставляется и поныне даже в наиболее передовых буржуазных странах. 20 декабря был издан декрет о гражданском браке, об уравнении детей брачных и внебрачных. Это, говоря словами Ленина, «особенно гнусное, подлое лицемерное неравенство в отношении к ребенку уничтожено советской властью полностью» в первые же месяцы ее существования.

Школа подверглась той же энергичной очистительной работе пролетарской метлы от всяких крепостнических пережитков. 29 октября декларация Наркомпроса устанавливала следующие принципы и цели своей работы: ликвидацию в кратчайший срок неграмотности, установление единой для всех граждан абсолютно-светской школы, равное и возможно высокое образование для всех граждан, развитие школ для взрослых, помощь народным массам в стремлении их не только к обучению, но и к выработке новой культуры.

В осуществление этих задач декретом от 1 января 1918 г. было запрещено преподавание вероучений во всех без исключения учебных заведениях. Декретом от 21 декабря 1917 г. все здания учебных заведений предоставлялись в свободное от занятий время для культурно-просветительных целей. Этим в школу вводилась «улица» и уничтожался отрыв школ от народных масс.

Декретом от 30 ноября 1917 г. вводилось коллегиальное управление средней школой. В школьные советы были введены представители учащихся старших классов с решающим голосом и представители советов рабочих и солдатских депутатов. Тогда же был выпущен декрет, устанавливающий полную свободу союзов и собраний учащихся. 29 декабря выпущен декрет о новом правописании[1]). 3 января 1918 г. Совнарком ассигновал для единовременного пособия народным учителям 12.520 тыс. р. 26 января был введен западно-европейский календарь.

20 января 1918 г. был выпущен декрет о свободе совести. По этому декрету православное духовенство было лишено субсидий из казны и изгнано из школ, больниц и армии.

Церковь лишилась огромных недвижимых богатств и капиталов. Свобода совести была проведена самым полным и последовательным образом.

Мы видели, таким образом, как энергично проделана этими первыми декретами революционная чистка всяких пережитков крепостничества, начиная с его основы—помещичьего землевладения и кончая монархией, сословностью, неравноправием женщины, положением религии и угнетением национальностей.

От всех этих пережитков феодализма, которые были сохранены при режиме демократии, советская власть избавила страну в течение самого короткого срока. Прав был тов. Ленин, который в замечательной статье «К четырехлетию Октябрьской революции» говорил: «За какие-нибудь 10 недель, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 г. до разгона Учредилки (5 января 1918 г.) мы сделали в этой области (т.-е. в чистке «авгиевых конюшен» крепостничества.—*З. С.*) в тысячу раз больше, чем за 8 месяцев своей власти сделали буржуазная демократия и либералы (кадеты), мелкобуржуазная демократия (меньшевики и эсеры)»... «Эти трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетики,—говорил он там же,—махали картонным мечом и даже монархии не уничтожили! Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда. Мы не оставили камня на камне, кирпича на кирпиче в вековом здании сословности (самые передовые страны, вроде Англии, Франции, Германии, до сих пор не отделались от следов сословности). Наиболее глубокие следы сословности, именно остатки феодализма и крепостничества в землевладении, вырваны нами до конца».

[1]) «Суд, самоуправление, революция, свобода, религия, даже орфография,—все опозорено»...—писала об этих декретах газета «Голос» от 24/XII.

Ни одно буржуазное или мелкобуржуазное правительство в России не было бы в состоянии так последовательно, чисто и быстро провести эту первую работу буржуазно-демократической революции, как это сделала Октябрьская революция.

Дело об'ясняется просто:

«Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей пролетарско-классовой борьбы» (Ленин).

Историческое значение того факта, что рабочий класс проделал чистку страны от феодально-крепостнических пережитков решительнее, чем какая-либо из бывших ранее буржуазно-демократических революций, что не кто иной, как рабочий класс раскрепостил крестьянство,—трудно переоценить. Только пролетарская революция дала возможность довести буржуазно-демократическую революцию до конца; не будь ее, она неминуемо явилась бы недоделанной революцией, историческим выкидышем [1]). Но пролетарская революция вовсе не ограничивалась одним разрешением буржуазно-демократических задач. Она неизбежно шла вперед, к социализму.

Она разрешала задачи буржуазно-демократической революции, как «побочный продукт» пролетарской революции, параллельно своей главной, социалистической работе.

Буржуазно-демократическая революция переплеталась с пролетарской, социалистической революцией. Одна переходила в другую, одна усиливала другую, одна подготовляла другую. Совместный натиск пролетариата и крестьянства и дал возможность с изумительной быстротой ликвидировать крепостнические пережитки, сковывавшие развитие всей страны, в особенности крестьянства.

Но кто обратит свое внимание только на ликвидацию феодально-крепостнических пережитков, не заметив другой, основной черты Октябрьской революции, как социалистической революции пролетариата,—тот ничего не поймет в самой сути событий. В самом деле, именно потому, что в основе революции лежали социалистические тенденции пролетариата и что пролетариат явился ее главным классовым носителем,—Октябрьская революция не останавливалась на

[1]) О декретном творчестве первых месяцев см. сборник «Октябрьский переворот» под редакцией Рожкова. 1918 г.; сборник «К итогам Октябрьской революции» ст. Гойхбарга «Советское законодательство за год революции»; сборник «За 7 лет». 1924 г.; сборник декретов за 1917—18 гг.; протоколы ЦИКа 2-го созыва.

аграрной революции и раскрепощении страны от феодальных пережитков (как бы величественна ни была одна эта задача сама по себе). Подлинное значение Октябрьской революции заключается в том, что она была социалистической революцией пролетариата и, как таковая, шла неизмеримо дальше буржуазно-демократических революций [1]); она забиралась глубже, касаясь самых основ капиталистического способа производства.

Октябрьская революция с первых же своих шагов начала вторжение в производственный фундамент общества, ставя своей конечной задачей социалистическое преобразование всего способа производства.

Уже в первых пооктябрьских декретах рельефно выступает социалистический характер революции.

Таков декрет о рабочем контроле (выпущенный 14 ноября), который устанавливал, что «решения органов рабочего контроля обязательны для владельцев предприятий». Таков также выпущенный в конце ноября декрет об учреждении Высшего совета народного хозяйства, на который возлагалась задача согласовать и об'единить деятельность всех регулирующих органов. Идея социалистической организации производства и планомерного руководства всей хозяйственной жизнью общества выступает в обоих этих декретах достаточно отчетливо.

Ряд других декретов тоже явно выходил за рамки буржуазно-демократической революции, составляя шаг вперед в направлении революции социалистической.

Выпущенное всего через несколько дней после переворота (28 октября) постановление о расширении прав городских самоуправлений тоже весьма показательно по той сумме прав, какие предоставлялись городским самоуправлениям.

Им были предоставлены права: «конфисковать, реквизировать и секвестровать в свою пользу все частные помещения, а также все принадлежащие частным лицам или учреждениям продукты, предметы, аппараты, орудия, принадлежности, транспортные средства, склады и пр.» . «секвестровать в свою пользу всякое, находящееся в черте города торговое или про-

[1]) Совершенно неверен поэтому взгляд С. Пионтковского («Октябрьская революция, ее предпосылки и ход», стр. 79 и др.), говорящего о «двойственном характере», какой имела Октябрьская революция. «С одной стороны,—формулирует тов. Пионтковский,—это пролетарская международная революция, с другой стороны—это революция мелкобуржуазная» (в последнем, 3-м издании, слово «мелкобуржуазная» заменено: «буржуазно-демократическая»). Никаких «двух ликов», никакого «двойного смысла» Октябрьская революция не имела. Ее смысл один и вполне определенный: это пролетарская, социалистическая революция, мимоходом доделывающая также работу буржуазно-демократической революции.

мышленное заведение или предприятие». «Городские самоуправления имеют право на основании утвержденных ими правил и норм вселять в имеющиеся жилые помещения граждан, нуждающихся в помещении или живущих в перенаселенных или опасных для здоровья квартирах».

Как видим, и в этом постановлении налицо такое вторжение в священную область частной собственности, которое было бы совершенно невозможно для буржуазно-демократической революции.

Провинция передко шла еще дальше в этом направлении.

В Витебске, например, было проведено отчуждение городских недвижимостей. Деньги за квартиры вносились в Гоебанк, в текущий счет совдепов.

Пролетарское содержание происшедшего переворота подчеркивал и ряд других мероприятий, как декрет о национализации банков (14 декабря), декрет об аннулировании долгов прежних правительств (21 января 1918 г.), декрет о государственной монополии на об'явления (1 ноября). В обстановке Октябрьской революции 1917 г. указанные меры явно перерастали рамки буржуазно-демократической революции и шли дальше ее. Но, прокламируя новый, более высокий способ производства, пролетарская власть отнюдь не преследовала цели немедленного осуществления социализма.

Насколько центральная власть рекомендовала массам метод революционного натиска в разрешении политических задач революции, настолько она же звала массы к осторожности и необходимой постепенности в экономических вопросах [1]).

В отношении деревни экономическая политика первого периода меньше всего ставила себе задачу командовать экономикой крестьянина. Наоборот, уже декрет о земле ясно показывал, что диктатура пролетариата вовсе не намерена навязывать крестьянству посредством приказа более высокий экономический уклад и «вгонять его в рай дубинкой». В других сторонах хозяйственной жизни диктатура пролетариата тоже отнюдь не намеревалась проводить методом революционного натиска мероприятия, которые еще недостаточно созрели ни в экономике, ни в психике масс.

Первые экономические декреты советской власти своей компромиссностью ясно отразили это стремление центра избе-

[1]) «В первый период,—говорил позднее тов. Ленин,—когда мы только что кончили первое дело по строительству советской власти и только что вышли из империалистической войны, мы о наших задачах экономического строительства говорили гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем во 2-ю половину 1918 г. и в течение всего 1919 и всего 1920 гг.» (Ленин. Речь на II с'езде политпросветов, т. XVIII, ч. I, стр. 371—372).

жать всякой размашистости и неосмотрительности в экономических мероприятиях.

Раньше чем провести национализацию банков, декрет устанавливал контроль над банками. Раньше чем взяться за решительное преобразование всего способа производства, декрет устанавливал только рабочий контроль над производством.

Когда национализация банков и транспорта была уже проведена, то и тогда еще ярко выступала тенденция пролетарской власти к созданию переходной экономической организации, основанной на сотрудничестве пролетариата с поставленным на службу государству частным капиталом. Эта тенденция проявилась, во-первых, в самом характере национализации, носившей исключительно карательный характер и применявшейся только в отдельных случаях, и, во-вторых, в тех проектах создания смешанных акционерных компаний, которые были в этот период вполне популярны.

Так, например, на I с'езде СНХ тов. Осинский докладывал о проекте передачи половины акций национализированных предприятий государству и другой половины финансистам (см. «Труды I с'езда СНХ»). Еще в апреле 1918 г. велись переговоры о создании таких смешанных акционерных компаний с крупными капиталистическими дельцами — русскими и иностранными (например, с руководителем Сормовского завода — Мещерским, с финансовой группой «Стахеев» и др.).

Показательно, что такая мера, как отмена права наследования, тоже была проведена лишь 1 мая 1918 г. Начало этого декрета об'являло: «наследование как по закону, так и по духовному завещанию отменяется». Но и этот декрет несет на себе печать компромисса. Он грозил не немедленно отменить право наследования, а лишь после смерти.

Мы убеждаемся, что центральная власть в этот начальный период ставила себе задачу лишь создания ряда переходных ступенек к новому экономическому укладу. Пооктябрьская экономическая политика пролетариата ближе всего подходит к той его нормальной экономической политике, которая получила название нэпа.

Нам нужно, однако, ближе познакомиться с двумя крупнейшими экономическими мероприятиями первого периода советской власти: 1) с национализацией банков и 2) с рабочим контролем. К этому мы сейчас и перейдем.

⁂

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БАНКОВ

Контроль над банками и его недостаточность. Как проводилась национализация банков. Значение национализации банков и аннулирования долгов.

«Все слухи, распространяемые буржуазией о конфискации капиталов,—ложны. Ничего, кроме мер, обеспечивающих интересы вкладчиков путем строжайшего учета и контроля над деятельностью банков, не предполагается»—так говорилось в опубликованном 31 октября извещении об открытии банков. Оценивая теперь установление контроля над банками, приходится признать этот шаг совершенно недостаточным. Контроль на практике цели не достиг.

Часть банков вообще контроля не приняла и отказалась представлять советской власти требуемые ею сведения. Другая часть банков, принявшая контроль, использовала его для простого надувательства неокрепшей еще диктатуры пролетариата. «На опыте—докладывал 14 декабря ЦИКу Сокольников—контроль оказался бесплодным, ибо и при контроле они свободно могли обделывать свои делишки. Сведениям, что к нам поступили,—цена грош, ибо бухгалтерия—это такой вид мошенничества, который наиболее разработан у банков. Сведения, при всей их видимой удовлетворительности, могли удовлетворить только слепого» [1]).

Буржуазия, пользуясь контролем, использовала банки для финансирования саботажа и организации сопротивления советской власти. На ряде предприятий администрация пользовалась фирмой фабзавкомов, чтобы при их помощи выкачать деньги из банков (так было, например, на «Треугольнике»).

Недостаточность контроля над банками до того била в глаза, что очень скоро выяснилась абсолютная необходимость принятия более действительных мер для овладения банками. Очень показательно выступление на упомянутом заседании ЦИКа тов. Селиванова.

---

[1]) См. «Протоколы ЦИКа 2-го созыва», стр. 148.

«Мы победили—говорил он—во время Октябрьской революции нашего врага, но вместо того, чтобы взять у него пушки и другие могущественные орудия борьбы, мы лишь отняли у него шанцевый инструмент, дав ему возможность теперь обратить оставшееся оружие против нас». Он же говорил, что если бы национализация банков была проведена 25 октября, то финансовый капитал не смог бы организовать ни восстания Каледина, ни выступления Дутова.

Осторожный подход большевиков к национализации банков в первые дни после захвата власти об'ясняется в первую очередь резким недостатком сил. Но были и другие причины: 1) Осторожный подход к банкам должен был лучше всего разоблачить клеветническую кампанию о захватчиках-большевиках, которая находила известный отклик даже в среде трудящихся. 2) Усиленные подчеркивания защиты интересов мелких вкладчиков должны были внести успокоение в ряды массы рихтеровских «бережливых Агнесс» [1]) и показать им, что пролетарская власть отнюдь не покушается на их сбережения. 3) В ограничении овладения банками одним контролем сказалась несомненно и иллюзия, что банки сами добровольно пойдут под контроль их операций, так как ничего другого в результате полной победы пролетариата им сделать не останется.

Тут сказалась, таким образом, переоценка своих собственных контрольных возможностей и недооценка силы сопротивления врага.

Выше отмеченные соображения и обусловили характер тех двух «походов» на государственный банк в Петрограде, которые были произведены 7 и 8 ноября. Менжинский явился 7/XI в Госбанк с требованием СНК о выдаче 10 млн. р. Так как какая-то формальность при этом не была выполнена, то администрация Госбанка отказалась выдать деньги. Тогда было созвано совещание гарнизона, на котором было решено выделить представителей от каждой части и торжественно, с музыкой, пойти к Госбанку, чтобы потребовать выдачи новой власти 10 млн. р. Мотивировка такого торжественного «похода» к Государственному банку была такова: если бы пролетарская власть получила нужные ей деньги обычным, чиновничьим способом, — через государственное казначейство, по ведомственной смете, — тогда говорили бы, что пролетарское государство получает деньги фуксом, по старым сметам, и не решается пред'явить открыто своих требований Госбанку.

[1]) Евг. Рихтер в памфлете «Социал-демократические картинки будущего» рисовал «бережливую Агнессу», бедную швею, которую социалисты, захватив банки, ограбили. Наши социалисты в своей кампании против «захватчиков-большевиков» эксплоатировали во-всю эти необоснованные страхи обывательских Агнесс.

Практика скоро привела к тому, что контроль над банками сменила их национализация.

Все же, известное опоздание с национализацией банков, (фактически эта последняя была проведена в Петрограде лишь 27 декабря)[1] несомненно ухудшило положение советской власти. Подчас большие суммы уплыли, благодаря контролю, из Госбанка в частные банки и в частные карманы промышленников и акционеров. По приводимым Г. Сокольниковым данным (в брошюре «К вопросу о национализации банков», изд. «Волна», М. 1918 г.) частные банки «выкачивали» при контроле из Государственного банка не менее 300—350 млн. р. в месяц. Банки, вступившие в соглашение с фабрикантами, имели возможность саботировать выдачу денег тем предприятиям, в которых введен рабочий контроль (см. об этом «Труды I с'езда СНХ», стр. 174).

Контроль над банками в Москве в своих существенных чертах приводил к тем же итогам, что в Петрограде. В Москве так же, как и в Петрограде, была проявлена вначале очень большая осторожность к хрупкому банковскому аппарату; здесь тоже советская власть усиленно стремилась соблюсти тщательнейшим образом все формальности. Но логика событий привела к другому. Московскому совету необходимо было добыть срочно 10 млн. р. для выдачи зарплаты городским рабочим. Пошли к управляющему Государственным банком; тот отказал, требуя разрешения от своего Петроградского начальства. Тогда после некоторых колебаний было решено произвести выемку. «Было решено — описывает этот момент Д. Боголепов—ночью явиться в помещение Госбанка со своим вооруженным отрядом, арестовать начальника конторы, сменить караул у кладовой, поставив вместо него свою охрану, и при помощи преданных нам счетчиков произвести выемку денег и затем запечатать кладовую»[2].

Взаимоотношения с банком, начавшиеся в Москве с самого тщательного соблюдения всех формальностей, кончились, таким образом, вследствие сопротивления банковских чиновников, ночной выемкой из кладовой.

Крючкотворство и хитроумная формалистика банковских заправил, очевидно, плохо мирится с таким исключительно

[1] Национализация частных коммерческих банков—по свидетельству В. Ауэрбаха («Архив» Гессена, т. XVI, стр. 58)—была проведена «с поразительной осторожностью и даже нерешительностью... Была об'явлена лишь проверка счетов, а в провинции банки продолжали действовать, как и ранее, в течение нескольких месяцев».

[2] «Пролетарская революция» № 4/39 за 1925 г., ст. Д. Боголепова. — «Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции».

острым моментом человеческой истории, как социалистическая революция [1]).

Национализация банков властно диктовалась всем социалистическим и антиимпериалистским характером Октябрьского переворота. Она не могла не быть проведена.

Что же дала национализация банков?

Уже цитированный нами выше Финн-Енотаевский отрицает за банками какую бы ни было крупную роль в народном хозяйстве старой России. Он пишет: «Об организации банковским капиталом промышленного, об общественном руководительстве банковским «финансовым» капиталом национальным хозяйством не может быть речи». («Капитализм в России» М. 1925 г., стр. 315). Однако, всего несколькими страницами ниже Финн-Енотаевский сам приводит ряд данных, в достаточной мере опровергающих его взгляд; он рассказывает и о том, что «в самом акционерном деле всплывали новые заправилы», т.-е. банки (стр. 326—327), и о том, что банки принимали крупное участие в финансировании зернового экспорта (стр. 357), и о том, что мы имели «органическое внедрение банков во все стороны народнохозяйственной жизни страны» (стр. 359). «Обосновав» таким образом свой тезис о русских банках, Финн-Енотаевский поясняет нам в сноске (на стр. 316) смысл своих утверждений. Он приводит себе на помощь К. Каутского и сочувственно цитирует следующее место из его книги: «Die proletarische Revolution und ihr Programm» (изд. 1922 г.):

«Была близка мысль, что пролетарский режим должен будет прежде всего овладеть крупными банками, чтобы этим сломить господство финансовых магнатов и одним ударом приобрести решающее влияние на всю хозяйственную жизнь также и в тех областях, которые еще не созрели для социализма. С целым рядом моих друзей и я предполагал, что так

[1]) Насколько велика была осторожность в отношении банков, настолько же велика была и неопытность, проявленная при овладении банками, особенно в провинции. В Ревеле, например, был такой факт: все банки Ревеля обратились через коменданта крепости в Военно-революционный комитет с просьбой об издании постановления, ограничивающего выдачи клиентам вкладов до 300 р. каждому. Банки мотивировали эту меру тем, что иначе их ресурсы будут истощены, и наступит паника и банкротство. В Военно-революционном комитете не было ни одного специалиста-финансиста. Тогда поручили одному «в два дня» познакомиться с банковским делом и поговорить с специалистами. Специалисты высказались за предложение об ограничении вкладов, но ВРК не согласился с этим, увидев почему-то коварную хитрецу в предложении банков. ВРК мудро решил, что его поддержка предложения банка явилась бы поддержкой капиталистов и что он лучше всего поступит, если оставит банк на произвол судьбы.

и будет. Я был в этом поддержан замечаниями Маркса на этот счет»... Приводя такую покаянную оценку своих прежних взглядов революционного марксизма, Каутский формулирует свой новый вывод: «Но опыты, а также более глубокие соображения (?!) говорят против того, что огосударствление (каким классовым государством?—*З. С.*) капиталистических банков есть этот путь». Дело ясно: нужно во что бы то ни стало опорочить «опыты» пролетарской революции в России,—это и есть те «глубокие соображения», которые руководят Каутским и кивающим на него Финн-Енотаевским. Что национализация банков не принесла никакой пользы это был общий меньшевистско-эсеровский взгляд. А. Бах в эсеровском сборнике писал: «В соответствии с низким уровнем промышленного капитала наш финансовый капитал никакой руководящей роли в промышленности не играет. Он большей частью носит первобытный, денежно-ссудный, а часто и ростовщический характер» (сб. «Год русской революции»).

Эта «первобытность» финансового капитала — плод такой же фантазии и неосведомленности, как и вся система эсеровских «первобытностей».

Напомним только для выяснения существа дела, что накануне 1914 г. в руках банков было 85,7% всей русской металлургии, 76,9% каменноугольных копей и 86% нефтяных предприятий. В одном Петрограде, например.— по докладу Бронского в совете рабочих и солдатских депутатов—5 банков являлись фактическими владельцами 22 колоссальных предприятий («Новая жизнь» от 28/XII 1917 г.). На Урале 92,8% всех предприятий были фактически под контролем банков; все без исключения паровозостроительные предприятия контролировались банками; 81,2% вагоностроительной промышленности находилось в руках банков; все 16 доменных заводов юга России были в полном распоряжении парижских банков [1]). Банкам принадлежало 35% всего Николаевского хлебного экспорта (данные 1909 г.). Больше 2/3 торговли русским хлопком было в руках банков [2]). Банки были главными покупателями сахарного песку. Русский для внешней торговли банк и Санкт-Петербургский международный банки сосредоточили весь сахарный экспорт [3]). По данным Е. Агада [4]) из 8.235 млн. р., функционировавших в крупнейших Петроградских банках капиталов (по отчетам

[1]) Н. Ванаг.— «Финансовый капитал в России».

[2]) З. Кацненельбаум. — «Коммерческие банки и их торговые операции». М. 1912 г., стр. 81.

[3]) И. Левин. «Наша сахарная промышленность». СПБ. 1908. Цитировано по Цыперовичу—«Тресты и синдикаты» стр. 96.

[4]) Е. Агада. «Крупные банки и всемирный рынок». Цитировано по «Империализму» Ленина, т. XIII, стр. 275.

на октябрь—ноябрь 1913 г.)—3.687 млн. р., т.-е. свыше 40%, приходилось на синдикаты—Продуголь, Продамета, синдикаты нефтяной, металлургической и цементной промышленности.

Как видим, слияние банковского капитала с промышленным зашло достаточно далеко в дореволюционной России. К тому же крупные шаги сделал процесс концентрации самих банков. Во второй половине 1917 г. почти закончились переговоры о создании «общности интересов» между 4 крупнейшими коммерческими банками в Петрограде. В банковской организации появлялись свои монополизаторы, которые все более овладевали «монополией на производство монополий». При всем техническом несовершенстве ее проведения национализация банков дала советской власти решающий голос в ряде важнейших промышленных предприятий.

Огромная часть этих промышленных предприятий принадлежала иностранцам: французам—55% железной и 74,3% угольной промышленности; немцам — 22% железной и 10,6% угольной промышленности; англичанам и французам вместе—44,5% нефтяной промышленности; одним англичанам—18,5% нефтяной промышленности.

Национализация банков, таким образом, передавала «контрольные пакеты» акций пролетарской власти и тем самым наносила громадный удар мировому финансовому капиталу, сросшемуся с русским промышленным капиталом. (Российская контр-революция использовала это обстоятельство в своих целях; немедленно после Октября она не случайно направила свои взоры в сторону заграницы). Удар стал еще более ощутительным после декрета об аннулировании долгов прежних правительств (21 января 1918 г.). По сообщению министерства финансов к ноябрю 1917 г. внешние займы достигли 8.062 млн. р. Из них в круглых цифрах Англии принадлежало $6^3/_4$ млрд., Франции—1 млрд., Америке и Японии по 200 млн. р. [1]).

По вычислениям А. Пасвольского и Г. Моультона, долги России иностранному капиталу разбивались на следующие категории: довоенные государственные долги—3.850 млн. р.; гарантированные правительством займы—870 млн. р.; городские займы—422 млн. р.; военные займы—6.681 млн. р.—всего 11.823 млн. р. (кроме иностранных капиталов, помещенных в промышленные предприятия) [2]).

Аннулирование долгов в обстановке 1917 г. сталкивало нас непосредственно с мировым финансовым капиталом. Но, во-

---

[1]) Клаус.—«Война и народное хозяйство России», стр. 21.

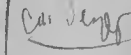
[2]) А. Пасвольский и Г. Моультон.—«Русские долги и восстановление России», стр. 21—27.

первых, мы были в том выигрышном положении, что ни одна из сцепившихся между собой мировых коалиций не в состоянии была сосредоточить свой удар против пролетарской России; во-вторых, заграница все равно не дала бы тогда нам никаких кредитов.

Зато обе указанные меры (т.-е. *национализация банков и аннулирование долгов*) *окончательно разрубали связки России с мировым империализмом. Они, таким образом, тоже диктовались борьбой за мир.*

Декрет о национализации банков совершенно изменял их положение в обществе. Обосновывая этот декрет, «Правда» в № 216 за 1917 г писала: «Главное нововведение будет состоять в том, что при выдаче ссуд на нужды производительных предприятий банки не будут гнаться за прибылью, а считаться с необходимостью данного предприятия для нужд народного хозяйства. Банки как собиратели частных вкладов будут продолжать работу. *Этот насос, высасывающий частные капиталы из разных уголков страны, должен существовать пока что и дальше.* Но, *будучи в ведении государственного банка, этот насос будет более совершенен, более устойчив и менее рискован, чем частный банк*». «Национализация банков есть для вкладчиков увеличение уверенности в своих сбережениях [1]).

Тов. Я. Ганецкий в ст. «Ленин и национализация банков» («Пролетарская революция» № 6 (53) за 1926 г.) рассказывает о совещаниях банковских работников с тов. Лениным, которые имели место тотчас по переезде правительства в Москву. И тут еще мы находим точно такой же взгляд на национализацию банков, как в приведенной статье «Правды». В проекте записанных Лениным мероприятий мы видим: об'явление неприкосновенности вкладов; свободный чековый оборот; полное сохранение рабочего контроля по отношению к выдаче денег из банков; нормировка выдач денег на потребительские нужды; «принятие мер к тому, чтобы население держало все деньги, не безусловно необходимые на потребительские цели, в банках». Однако, тут же Ленин намечает и дальнейшую линию развития банков: банковая политика, не ограничиваясь национализацией банков, должна постепенно, но неуклонно направляться в сторону «превращения банков в единый аппарат счетоводства

[1]) Как при национализации банков, так и при аннулировании долгов и прекращении выплаты процентов советская власть принимала все меры, чтобы не пострадали интересы мелких держателей. Для лиц, пред'являвших процентные бумаги с удостоверениями совдепа о нуждаемости, декрет допускал исключения.

и регулирования социалистически организованной хозяйственной жизни всей страны в целом».

Как видим, в основе первых мероприятий пролетарской диктатуры в отношении банков лежит та же вышеотмеченная правильная мысль о постепенном переходе к социализму, которая отличает всю экономическую политику первых—пооктябрьских—месяцев и прерывается лишь на время, в период «военного коммунизма».

На деле произошло не так, как намечалось. Переход предприятий в руки рабочих не мог не отразиться на промышленных бумажных ценностях. Условия вексельного кредита претерпели в связи с этим радикальную перемену, как и вексельные обеспечения и ссуды под процентные бумаги. Тем более разрушительно действовало на «обычную» деятельность банков аннулирование долгов и реквизиции товаров, находившихся в руках банков. На деле национализация банков неизбежно повлекла за собой, таким образом, стихию национализации в промышленности. Национализация банков выталкивала хозяина, ставила на его место в промышленности рабочие организации и приводила к «красногвардейской атаке на капитал» (выражение Ленина). В этом смысле прав М. Н. Покровский, указывающий, что «национализация промышленности с железной логикой следовала за национализацией банков» (см. А. Луначарский и М. Покровский «Семь лет пролетарской диктатуры» «Московский рабочий» 1925 г., стр. 63). Но формулировка тов. Покровского, как нам кажется, не учитывает другой стороны дела: именно той, что сама национализация банков в свою очередь с неизбежностью вызывалась стихийным переходом предприятий в руки рабочих (до общего декрета о национализации промышленности) и необходимостью финансировать эти предприятия. Таким образом, в живой жизни национализация промышленности и национализация банков не составили двух обособленных и разноочередных актов, как это можно было бы заключить из слов тов. Покровского. Правильнее будет сказать, что национализация промышленности и национализация банков составили два встречных, взаимно связанных, переплетающихся процесса.

⁂

«КРАСНОГВАРДЕЙСКАЯ АТАКА НА КАПИТАЛ»

Рабочий контроль до Октябрьской революции. «Положение о рабочем контроле». Стихия «карательных» национализаций, ее причины и значение. Положительная роль рабочего контроля. Рабочая самодисциплина. Новые формы управления предприятиями.

Мы видели уже, когда говорили о локаутах и промышленном саботаже, как эти последние влекли за собой вмешательство рабочих в производство еще задолго до Октября.

На июньской конференции фабзавкомов в Петрограде, на ряду с массовыми жалобами на саботаж промышленников, делегаты сообщали об удачных случаях рабочего контроля. Вот примеры: на Шлиссельбургском пороховом заводе в конце апреля администрация хотела закрыть завод. К этому же заводу примыкал кирпичный завод и большое молочное предприятие барона Медема. Тогда завком взял в свои руки все эти предприятия. Управляющий согласился работать при «новом правительстве». В итоге производительность поднялась, и Чхеидзе, приехавший проверить «ужасы анархии», мог самолично в этом убедиться.

Другой делегат от 300 рабочих механического завода сообщал, что на заводе всем фактически управляет завком, а хозяин находится на положении служащего и получает от завкома жалование.

Очень интересен эпизод, имевший место на заводе Бреннера. Владельцы завода закрыли завод. Рабочие самовольно пустили его в ход. «Работа на заводе—сообщали «Известия» от 10 октября—идет полным ходом и в образцовом порядке. Производительность труда сильно повысилась... Организация массового производства все время совершенствуется самими рабочими». До пуска завода рабочие неоднократно приглашали владельцев. Они отказывались, заявляя о невозможности вести дело. Пришлось самим рабочим возобновить производство при самых тяжелых условиях, при полном отсутствии денег, кредитов и заказов. После того как рабочими полностью было восстановлено производство, владельцы хотели обратно взять завод, но, конечно, получили отказ.

Рабочий контроль был, таким образом, выдвинут еще задолго до Октября, но только Октябрьская революция дала возможность его развернуть во всем об'еме.

Когда-то Каутский писал о том, что переход производительных сил в общественную собственность облегчается, «раз пролетариат в силах сообщить государственной власти надлежащую степень неуважения к капиталу и раз народ не имеет повода опасаться расширения области ведения государства, так как оно находится вполне в его руках» [1]).

Октябрьская революция сообщила государственной власти «надлежащую степень неуважения к капиталу» и открыла действительную возможность борьбы с саботажем промышленников.

Можно наметить три этапа развития рабочего контроля: вначале установление наружных сторожевых постов против тайного вывоза фабричных ресурсов. Это стадия пассивного контроля. Потом ознакомление с положением, проверка ресурсов, забота о сырье. Дальше—расширение контрольных функций—рабочий контроль охватывает область технического состояния и финансирования [2]).

По мысли выпущенного после Октября «Положения о рабочем контроле» установлением рабочего контроля не отменялась частная собственность на орудия производства. «Положение» только подвергало права хозяина значительному ограничению.

Организатором производства должен был все-таки остаться промышленник, хотя и сильно стесненный в своих прерогативах. «Положение о рабочем контроле» возлагало одинаковую ответственность за ход производства как на представителей рабочих и служащих, так и на владельцев. Рабочий контроль не становился, таким образом, хозяином предприятия. Госбанк не мог, например, выдать ссуды на его имя. С другой стороны, рабочий контроль имел право осуществлять контроль над целесообразностью всех действий предпринимателя. Рабочему контролю должна была быть открыта вся деловая переписка. Он мог приостановить решение юридического хозяина и предписать ему другое решение.

Мы видим печать двойственности, какая лежит на этом «положении», характер которого такой же переходный и компромиссный, как и контроля над банками.

С одной стороны, хозяин продолжает оставаться организатором производства,

---

[1]) К. Каутский. — «Аграрный вопрос», стр. 311.
[2]) Фин.—«Фабзавкомы в России».

с другой—рабочий контроль ставил себе задачу не только установления классовой опеки над ним, но и регулирования самого производства.

Рабочий контроль, разумеется, не мог удовлетворить промышленников. Напротив, они увидели в нем непосредственную угрозу частной собственности и начали против рабочего контроля ожесточенную борьбу.

Московский союз об'единенной промышленности, обсудив вопрос о рабочем контроле, потребовал его безусловно отвергнуть. «Рабочие не могут быть компетентны в столь сложном деле»,—заявили промышленники.

Представители всероссийских торгово-промышленных организаций и Петроградского общества фабрикантов и заводчиков вынесли 23 ноября 1917 г. следующую резолюцию: «Обсудив изданное Советом народных комиссаров положение о рабочем контроле, собрание признало необходимым, в случае пред'явления в предприятиях требований о введении рабочего контроля, такие предприятия закрывать».

Уральские промышленники вынесли 15 ноября постановление, что все округа, в которых будет принят рабочий контроль, будут лишены финансирования банков. «В связи с этим—докладывал Андронников I Всероссийскому с'езду СНХ—пришлось принять меры, с одной стороны, прямо репрессивные против организаций уральской промышленности: бюро с'езда горнопромышленников Урала было арестовано. С другой стороны, пришлось рабочим на местах в тех предприятиях, которые были лишены финансирования и вынуждены в силу этого остановиться, фактически самим взять управление предприятием» [1]).

Сопротивление владельцев вынудило сделать следующий шаг—от рабочего контроля к секвестру и национализации предприятий. Но национализации в этот период подвергались, главным образом, отдельные предприятия, причем в этих национализациях очень выпукло выступает их «карательный» характер.

Центр издавал немало приказов, воспрещающих местам самостоятельно производить национализацию. Тем не менее, несмотря на все сдерживающие рогатки центра, к 1 июня 1918 г. было национализировано и секвестровано 521 предприятие. Большая часть этих национализаций была проведена на местах, по инициативе снизу: областными СНХ (51,4%) и местными организациями (24%). Более 70% всех указанных предприятий были национали-

[1]) «Труды I с'езда СНХ», стр. 220.

зированы из-за неисполнения декрета о рабочем контроле, или же вследствие того, что владельцы бросали предприятия. Национализация по этим причинам всего сильнее охватила в этот период уральские заводы, где вследствие сопротивления и саботажа было национализировано до 80% всех предприятий [1]).

Национализацию первого периода можно поэтому скорее назвать стратегическим захватом наиболее крупных или наиболее угрожаемых предприятий. В первые же дни после Октября такому стратегическому захвату подверглись: на Урале—Богословский, Симский и Кыштымский горные округа. В Донбассе—русско-бельгийские металлургические общества, в Петрограде—заводы-гиганты: Путиловский, Невский и Сестрорецкий, огромные электрические предприятия—Общество 1886 г. и «Электропередача», конфискованная» ввиду общегосударственного значения предприятия [2]).

В массе своей эта национализация отражала и ее карательный характер и ее стихийность. Она часто проводилась маневром боевой операции, совершенно случайно—без учета вопросов техники, снабжения, плана, дисциплины труда.

Где национализация производилась центром и где она, как в случае с «Электропередачей», не носила карательного характера, там, как правило, она была экономически гораздо более целесообразной и более подготовленной. Банки, водный транспорт и сахарная промышленность были национализированы центром в первую очередь. Все это отрасли хозяйства, которые уже давно экономически созрели для такого мероприятия. Сахарная промышленность, например, как по числу предприятий, так и по администрированию и управлению ею, необычайно легко поддавалась переходу в руки государства—тем более, что распределение и выпуск сахара с заводов уже давно были монополизированы государством. Так же с банками и с водным транспортом [3]).

[1]) См. доклад Милютина на I Всероссийском с'езде СНХ.

[2]) Н. Осинский.—Ст. «Общие задачи экономической диктатуры и основные этапы экономического строительства» в сб. «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата».

[3]) Служащие Амурского пароходного общества протестовали против национализации флота. Их мотивировка в высокой степени характерна для тупоголовой книжной мудрости наших «мещанских социалистов». Вот что текстуально писали эти служащие в телеграмме, адресованной Центральному комитету своего союза: «Национализация флота преждевременна. Просим отложить до наступления социализма, основанного на научных данных марксизма». Как и следовало ожидать, эту телеграмму поспешил весьма сочувственно процитировать меньшевистский еженедельник «Дело» в № от 28 апреля 1918 г., откуда мы ее и берем. Наши «мещанские социалисты» ничего не имели против социализма, они только откладывали его лет этак на... сто!

Если бы буржуазия согласилась пойти под контроль пролетарской диктатуры и начала серьезно работать, она, возможно, могла бы получить еще в 1917—18 гг. те экономические возможности, которые были даны ей впоследствии нэпом.

Но история имеет дело с фактами, а не с предположениями: «что было бы, если бы» факты же были таковы, что буржуазия не пошла под контроль пролетарской диктатуры. Рабочий класс, овладевший государственной властью, в свою очередь тоже не мог самоограничиться. В итоге рабочий контроль оказался временным, переходным этапом, за которым неминуемо последовала национализация важнейших, а потом и всех решительно промышленных предприятий [1].

Вопреки центру, который стоял за национализацию банков, но без немедленного уничтожения капиталистической собственности; за рабочий контроль, но с временным оставлением хозяина как организатора производства; за государственные синдикаты под контролем совстов, но с участием частного капитала—логика борьбы с капиталистами приводила к стихии национализации.

Высший совет госконтроля умер после двух несостоявшихся заседаний, уступив место ВСНХ. Рабочий контроль на деле переходил, перерастал в национализацию промышленности и приводил к «красногвардейской атаке на капитал».

---

[1] Лидер австро-марксизма Карл Реннер в цитированной выше книге выдвигает теорию о том, что «социализация не может начаться с производства», а должна охватить в первую очередь сферу обращения. При этом Реннер так «раз'ясняет» свой план, что от его «экспроприации экспроприаторов» остаются лишь рожки да ножки.

Он пишет: «Всякое вмешательство в экономический совокупный процесс... поражает столь тонкий механизм, каковым является система обращения—это изумительнейшее создание человеческого ума. Одним движением пинцета можно в одну минуту испортить часы, которые изготовлял в течение долгого времени художник этой профессии». И дальше Реннер рекомендует произвести это вмешательство «планомерно», «с минимальными накладными расходами», «разумно»—словом так, чтобы при социализации сферы обращения все агенты последнего сохранили бы свои функции (К. Реннер «Теория капиталистического хозяйства. Марксизм и проблема социализирования», стр. 319).

Что же касается экспроприации производства, то и тут Реннер выдвигает такой тезис: «Сохранение функционирующего хозяйства на ходу—вот категорический императив социализирования» (стр. 326).

Во всем этом прекрасном плане «разумной социализации» не учтен, однако, один пустяк: сопротивление, которое оказывают господствующие классы всяким планам социализации в форме саботажа, эмиграции капиталов из предприятий, локаутов и т. д. Отчаянное экономическое и политическое сопротивление буржуазии, какое имело место на примере России 1917 г., и будет иметь место во всех пролетарских революциях, не всегда позволяет борющемуся пролетариату пользоваться «категорическими императивами» г.г. Реннеров.

Ленин так об'яснял эту «красногвардейскую атаку»: она «в свое время предписывалась обстоятельствами безусловно. Во-первых, капитал сопротивлялся по-военному, а во-вторых, мы не могли тогда поставить на первый план методы управления взамен методов подавления и потому, что искусство управления не прирождено людям, а дается опытом. Тогда этого опыта у нас не было; в-третьих, тогда у нас не могло быть в нашем распоряжении специалистов разных отраслей знания и техники...» [1])

Пролетариат не мог оставить буржуазии ее экономическую власть, составлявшую опору ее политической мощи. Национализация промышленности вытекала, стало быть, не из абстрактных теоретических рассуждений. Ее диктовала сама экономическая и политическая обстановка.

Но если рабочий контроль, таким образом, оказался лишь временной переходной формой на пути к более высокому этапу экономической политики пролетариата, то все же роль его (контроля) очень велика. Рабочий контроль дал возможность по-революционному бороться с саботажем. Он способствовал известной организации промышленности и спас ее от окончательного развала в итоге стихийной демобилизации и дезорганизаторской работы промышленников. Рабочий контроль стал— по выражению Н. Осинского— «первоначальной формой пролетарской диктатуры в разбросанных ячейках капиталистического хозяйства» [2]).

Польза, принесенная рабочим контролем, была бы гораздо большей, если бы не его распыленный, разбросанный характер. Нельзя не отметить при этом и тех синдикалистских тенденций, которые были сильны в известных отсталых частях пролетариата и вылезли на свет при проведении рабочего контроля. Интересы «своей колокольни», патриотизм одного своего завода, наносили немалый вред общей экономической жизни страны. «Рабочий класс стремится к обобществлению производства, но отнюдь не к тому, чтобы отдельные заводы переходили в собственность только работающих на них рабочих» — вынужден был раз'яснять Петроградский союз металлистов [3]).

Синдикалистские уклоны в проведении рабочего контроля не были, однако, ни очень распространены, ни долговременны. Работа партии и профсоюзов приводила к сравнительно быстрому изживанию психологии «своей колокольни». В итоге этой работы на Урале, например, где эта психология была

[1]) Ленин. — Т. XV, стр. 200.

[2]) Н. Осинский,—Цитированная выше статья в сб. «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата».

[3]) Панкратова. — «Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику», стр. 276.

весьма распространена, был принят такой порядок управления национализированными предприятиями: $^2/_3$ мест в так называемых «деловых советах», руководивших заводами, отводились делегатам профсоюзов, как представителям общеклассовых организаций.

Несмотря на все свои недостатки, рабочий контроль сыграл также огромную роль, как школа рабочего управления. «Рабочий контроль над промышленностью,—читаем мы в инструкции, изданной центральным советом фабзавкомов 6 января 1918 г.,—надо понимать не в узком смысле простой ревизии, а напротив, в широком смысле вмешательства в распоряжения предпринимателя».

Рабочий контроль должен был заниматься учетом сырья и материалов. Ему приходилось вникать в вопросы производства, финансирования предприятия и себестоимости. Приходилось организовывать контроль над рабочей дисциплиной, интенсивностью труда, нормализацией выработки и т. д. Таким образом, рабочий контроль воспитывал кадры будущих руководителей национализированных предприятий.

«Красногвардейская атака на капитал», при всей ее внешней хаотичности, показала нам в то же время ряд превосходных образцов рабочей самоорганизации и самодисциплины.

Макеевский рудник, который был национализирован чуть ли не первым, показал яркий пример трудовой дисциплины. Производительность с 60 тыс. пуд. в день поднялась до 90 тыс. Милютин в докладе на I с'езде СНХ совершенно справедливо говорил о том, что те правила, которые издавались самими рабочими организациями для поддержания трудовой дисциплины, даже грешили чрезмерной суровостью в отношении к рабочим.

Рабочие «Гужона» после его секвестра увеличили производительность труда на 50% и уменьшили потребление топлива на 25% [1]).

Рабочие Костромской губернии в значительной части предприятий, вопреки воле хозяев, провели на деле рабочий контроль: перераспределили сырье и топливо, и только благодаря этому многие фабрики не остановились. На об'единенном заседании совета рабочих депутатов и центрального совета профсоюзов Костромы были приняты правила, хорошо рисующие самодисциплину рабочих. Был выработан список нарушений рабочими дисциплины, главными из которых являются: недобросовестное отношение к работе и неподчинение фабзавкомам. Среди наказаний находим: выговор на собраниях

[1]) «Новая жизнь», ст. Базарова «В чем сила большевиков».

фабзавкома, цеха, предприятия или через печать, бойкот, лишение защиты рабочих организаций, позорная доска. «Рабочие флота, — отмечал тов. Рыков в докладе на I Всероссийском с'езде СНХ, — с большой самоотверженностью, не получая в продолжение многих месяцев ни одной копейки заработной платы, произвели ремонт всего торгового флота».

Приведенные факты, конечно, не типичны для всей рабочей массы, но они очень показательны для настроений авангарда рабочего класса. Их значение мы можем оценить только тогда, если вспомним громадное понижение производительных сил, на фоне которого эти факты имели место. Развал доходил до таких размеров, что он многим казался окончательной гибелью промышленности. Жизненный уровень рабочих, как мы уже выше упоминали, понизился невероятно резко. Колоссально выросла армия безработных. Зарплата работавших все более безнадежно отставала от стоимости средств пропитания. В Петрограде средняя зарплата вскоре после Октябрьского переворота поднялась на 945%, а за это же время рост цен составил 7.700%. Тов. Ногин, приводивший указанные цифры в своем докладе на I с'езде ВСНХ, там же предложил следующую таблицу зависимости производительности труда от питания.

При 90%	нормального	питания	производительность	— 72%
» 80%	»	»	»	— 45%
» 70%	»	»	»	— 17%
» 60%	»	»	»	— 0%

Учитывая эти обстоятельства, мы можем себе представить, какое громадное, ужасающее падение производительных сил происходило на почве истощения и развития заболеваний.

Временное, хотя и резкое, сжимание производительных сил — естественные «издержки» революции. Без такого понижения производительных сил не обходилась ни одна крупная социальная ломка. Этот упадок производительных сил в конечном счете подготовляет им новый расцвет на расширенной и расчищенной от всяких преград основе.

Однако, болезненность переходного периода одной этой перспективой, конечно, не облегчается. Но в таких условиях выдающуюся роль приобретает железная выдержка передовых слоев класса.

Пусть приведенные выше образцы подобной выдержки не были типичны для всей массы рабочего класса. Но разве новая дисциплина создается в течение одного дня? Единоличная власть предпринимателя перестала существовать, система надсмотрщиков уже не годилась более, старая палка выпала из рук командного состава предприятий, но в то же время еще не был создан аппарат новой дисциплины. Известный

хаос, внутренняя неурядица были в этот период совершенно неизбежны. Но важно, что налицо были элементы новой, рабочей самодисциплины, которые, все более усиливаясь, и могли преодолеть эту неурядицу.

Весьма интересной стороной рабочего контроля и стихии национализации является создание новых форм управления предприятиями. Творчество масс в этой области было очень разнообразным. Часто рабочие сменяли старую дирекцию и выбирали новую, куда входили иногда одни инженеры, иногда одни рабочие. Были и случаи выборов инженеров и прочего промышленного комсостава рабочими, наподобие того, как комсостав в воинских частях избирался солдатами.

Достойно внимания при этом отношение к специалистам. Следует вообще заметить, что даже саботаж не изменил внимательного отношения центральной советской власти к специалистам. Центр считал необходимым энергичное привлечение «спецов» к работе. По одному из проектов организации ВСНХ (тогда его называли Всероссийским комитетом народного хозяйства) в этот высший хозяйственный орган вводились представители союзов техников и инженеров. Специалисты, соглашавшиеся работать с новой властью, получали немедленно соответствующую работу.

«Мы,—говорил Крыленко в отчете о своей работе перед 10-тысячной аудиторией в Петрограде,—везде старались раньше посидеть рядом со старыми служаками, а затем, овладев всем механизмом, взять дело в наши руки».

Враждебная позиция интеллигенции вносила (особенно на местах) ряд отклонений от этой общей линии центра в вопросе о специалистах. Но в рабочих массах отлично понимали целесообразность и необходимость привлечения специалистов и охотно шли ему навстречу.

Уральские «деловые советы», о которых мы уже говорили, вводили, например, в свой состав до $^1/_3$ представителей технического персонала и служащих, которых последние избирали совместно с рабочими.

Показательно, что в то время как выборные представители рабочих в «деловых советах» получали 500 р. в месяц—сами рабочие довели оклад инженеров в тех же «деловых советах» до 6.000 р.

«Рабочие говорили—докладывал I с'езду СНХ Ленгник:— мы будем платить 20—30 тыс. р. в год,—сколько угодно, только дайте нам хороших инженеров» [1]).

При всем том рабочие с оглядкой отдавали инженерам наиболее влиятельные места в производстве. «Инженеров мы

[1]) «Труды I с'езда СНХ».

уважаем,—об'яснял настроение уральских рабочих Андроников на том же с'езде,—но давать им доминирующее положение в распоряжении производительными силами мы не можем, и рабочие обеспечили себе преобладание $^2/_3$ в управлении». Любопытна мотивировка этого Андрониковым: «Административные функции не такая вещь, для которой нужно известное техническое образование. Нужно понимать сущность производства. Главная задача по администрации—это организация массы. Рабочие с этой задачей, с задачей организации массы, справляются лучше инженеров, потому что у инженеров, у административного персонала одно только средство для того, чтобы заставить работать,—это принуждение, а теперь мы метода принуждения нигде применить не можем. Какой бы диктатор ни назначался, он ничего, кроме разрухи, не принесет, применяя метод принуждения. Это факт. Принуждение, если только оно может быть применимо, может быть применимо только самой массой к тем отдельным индивидуумам, к тем отдельным членам, которые не стоят на высоте классового понимания» [1].

Пусть прав тов. Крицман, утверждающий, что рабочий контроль оказался неудачным рабочим управлением. Бесспорным остается то, что этот опыт пошел впрок. Он помог кадру рабочих-администраторов, овладеть искусством управления—без чего мы долго не получили бы возможности перейти от «методов подавления» к «методам управления».

❖

[1]) «Труды с'езда СНХ», стр. 348.

САБОТАЖ

Причины саботажа служащих и интеллигенции. Ломка старого государственного аппарата. Революционная инициатива масс. Пример с Выборгским революционным судом. Строительство нового госаппарата.

26 октября (8 ноября) меньшевистская «Рабочая газета» писала: «Сутки всего прошло со дня «победы» большевиков, и исторический рок уже начинает жестоко мстить им... Они... попросту не могут взять государственную власть. Она ускользает из их рук, они изолированы от всех, потому что весь служебный и технический аппарат отказывается им служить: и министерские канцелярии, и почта и телеграф, и железные дороги не желают быть орудием в руках заговорщиков. Они... проваливаются в самый момент своего «торжества» в пропасть».

Саботаж был выдвинут буржуазией как средство удушить пролетарскую революцию руками нашей служилой и неслужилой интеллигенции, роль которой в период керенщины мы старались ранее проследить.

Угроза саботажа раздавалась еще до Октябрьского переворота. Накануне его министр внутренних дел последней коалиции А. М. Никитин говорил [1]: «У них нет работоспособных сил. Если бы им и удалось захватить власть, мы не будем с ними работать. Они останутся изолированными... Во всяком случае, если саботаж был, то при большевистском строе он пойдет еще дальше». Тогда это была угроза, преследовавшая цель удержания масс от выступления. Когда же выступление совершилось, угроза претворилась в действительность.

Уже 24 октября мы встретились с первым проявлением саботажа: начали телефонистки. За ними телеграфисты, почтовые служащие, банковские служащие, большое число служащих конторского труда. Петроградское телеграфное агентство отказалось служить пролетариату. В итоге — про-

[1] См. «Известия ЦИК'а», № 202 от 20 октября.

винция наводнялась чудовищными слухами. Забастовали и адвокаты [1]).

20 ноября Всероссийский учительский союз обратился к учительству с призывом «встать на страже свободы и просвещения путем открытого неподчинения советской власти» [2]).

С середины ноября забастовали учителя городских народных школ. Даже сестры милосердия и те об'явили забастовки в ряде лазаретов. В итоге такой забастовки, в 235 городских лазаретах сестры отказались оказать помощь умирающему инвалиду, и этот последний умер по их вине. Сестры отказывались делать перевязки больным и раненым солдатам («Правда» № 215).

В интересах исторической справедливости следует отметить, что, выдвигая саботаж как одно из главнейших своих оружий, наша контр-революция отнюдь не была оригинальна. Этот метод ею заимствован из практики... Тьера во время его борьбы с Парижской коммуной.

«Все новые власти,—рассказывает Лиссагаре (стр. 110—111),—находили обыкновенно правительственную машину неповрежденной, готовой к услугам победителя. 20 марта Центральный комитет нашел только отдельные колеса машины... г. Тьер пытался вовлечь в нарушение обычного хода жизни всех, вплоть до кладбищенских сторожей». «Ни в думе, ни в министерствах, ни в мэриях не осталось ни одного чиновника.—пишет историк и в то же время участник Коммуны Артур Арну.—Чтобы узнать, где помещаются канцелярии, чтобы найти, например, книги для записей браков, рождений и смертей, приходилось обращаться к швейцару, если он остался, или терять целые дни на поиски самых простых вещей, умышленно спрятанных, а часто унесенных. Когда я с Паскалем Груссе вступил в министерство иностранных дел, сторож и полотер были единственными нашими проводниками и, не имея возможности дать нам других раз'яснений, по крайней мере познакомили нас с расположением здания»...

Саботаж чиновников и служащих против Парижской коммуны 1871 г. и точно такой же саботаж, иногда даже в совершенно сходных формах, в нашей Октябрьской революции 1917 г.—лишнее доказательство социальной схожести этих двух революций, хотя и отделенных друг от друга промежутком в пять десятилетий.

---

[1]) «Воображаю, каким гомерическим смехом смеялся бы Бебель, если бы узнал, что в Петербурге забастовали адвокаты»,—говорил один из ораторов на заседании петроградской присяжной адвокатуры («Архив» Гессена, т. VIII, стр. 57. Берлин. Ст. Н. Майера—«Служба в комиссариате юстиции и в народном суде»).

[2]) «Известия всероссийского учительского союза» № 12 от 20 ноября.

Что же двинуло громадную армию чиновников, служащих и интеллигенции на борьбу с советской властью? Экономические интересы? Но тогда какие именно?

Данные о зарплате служащих за 1917 г. рисуют нам как раз очень резкое снижение жизненного уровня этих слоев. Струмилин в сборнике «На новых путях» дает следующие сравнительные данные среднего заработка служащих и рабочих:

Средняя зарплата рабочих		Средняя зарплата служащих	
в 1916 г.	24,7 тов. р.	в 1916 г.	69,8 тов. р.
в 1917 г.	21,2 » »	в 1917 г.	38,0 » »
Снижение на	3,5 тов. р.	Снижение на	31,8 тов. р.

В XXVI томе «Трудов ЦСУ» (предисловие Воробьева, стр. 102—103) мы находим такие данные по тому же вопросу:

Движение вознаграждения административного, технического персонала и служащих в непрерывно действовавших одних и тех же промышленных заведениях

Средняя годовая зарплата на 1 человека по годам				
В довоенных рублях				
1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
1.038	1.050	962	825	402

Таким образом, зарплата служащих упала более чем вдвое к 1917 г.; она упала гораздо больше зарплаты рабочих.

Еще в мае торгово-промышленные служащие собирались об'явить забастовку, выставляя скромное требование в 150-рублевый минимум. Оклады почтово-телеграфных служащих были прямо-таки нищенскими. Еще хуже было положение учительства. В то время, как к октябрю 1917 г. цены на все товары увеличились в 5—10 раз, содержание учителям было повышено только в $2\frac{1}{2}$ раза. С 1 марта оклад учителей равнялся 50 р. плюс добавка на дороговизну, итого 65 р. в месяц. Выше этой суммы жалованье учителям не повышалось. Правда, в августе Временное правительство обещало поднять жалованье учителям до 100 р., но это, как и многое другое, осталось одним обещанием.

Что же толкало все эти слои на сопротивление советской власти? Мы имеем тут яркий образец того, как часто «сознание» отстает от «бытия» и остается консервативным уже тогда, когда это «бытие» революционизировано насквозь.

Конечно, сказанное не относится к чиновничьей верхушке. Высшие служащие—директора и т. д.—ясно знали, почему они об'являют забастовку. Они всегда были тесно связаны с ранее господствовавшими классами и теперь боялись лишиться своих доходов, привилегий и чинов. Верхушка банковских служащих, например, сама принимала деятельное участие в биржевой игре и спекуляциях, участвовала в учредительских прибылях и в распределении дивидендов, вкладывала свои сбережения в акции и паи. Высший административно-технический персонал, воспитанный на своей монополии при господстве капитала и на хищничестве рабочей силы, не мог приспособиться к новым порядкам. Верхи чиновничества и технической интеллигенции рекрутировались по преимуществу из господствующих классов, или сливались с ними через родственные связи. У этих-то «служащих» были все основания опасаться за свое положение и свои доходные местечки. Они-то, участвуя в саботаже, отлично согласовывали свое «сознание» с «бытием». Но масса служащих и чиновников — почему она об'явила борьбу пролетариату?

Об'яснение этого явления приходится искать в следующем комплексе обстоятельств:

Первое—масса служащих, воспитанная в предрассудках всемогущества буржуазии, не могла верить в силу пролетариата и прочность его власти [1]). Она не могла примириться с тем переворотом привычного порядка, какой несла с собой пролетарская диктатура. «Масса образованных людей,—справедливо писал об этих слоях служащих Каутский в 1898 г.,— рекрутируется, главным образом, из буржуазной среды, ее требования к буржуазному образу жизни растут и прививаются по естественному закону влияния среды также к тому образованному слою, который пробивается снизу» («Аграрный вопрос», стр. 70 [2]).

Интеллигенция выражала в саботаже свое неверие в творческие силы масс и страх за свое будущее. Интеллигенция заинтересована в развитии производительных сил, в под'еме

---

[1]) Насколько велика была неуверенность чиновничества в новой власти, показывает, например, такой факт: некоторые чиновники не имели ничего против работы с советской властью, но на всякий случай просили советские органы ежедневно присылать за ними конвоиров и провожать их на службу (Боголепов.—«Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции». «Пролетарская революция» № 4/39 1925 г.).

[2]) Прочность этого влияния буржуазной среды видна хотя бы из того, что понадобился ряд лет, пока низовая интеллигенция (народные учителя, сельские агрономы, врачебный персонал и т. д.) высвободилась из-под руководства интеллигенции буржуазного склада. Этот поворот низовой интеллигенции наметился только с 1923 г.

на высшую культурно-экономическую ступень народных масс, потому что это развитие увеличивает спрос на труд этих людей и их удельный вес и открывает им широкие перспективы. Но интеллигенция в ноябре-декабре 1917 г. видела кругом одни разрушения. Страх перед лицом разрушительного действия первого периода оттолкнул их от революции. Выдержка из «Дня» от 19 декабря 1917 г. очень выпукло представляет нам типичные настроения среднего интеллигента в это время.

«Революционная демократия попала в трагический тупик. Пролетариат—альфа и омега всех ее социально-политических и морально-культурных построений—стал играть реакционную роль во всех этих областях: политической, социальной, моральной и культурной. В области политической—это разгром всех институтов правового государства; в области социальной—это торжество мелкобуржуазной уравнительной психологии повального дележа, разрушение производительных сил; в области культурной—это премия на невежество... и штыковой метод разрешения абсолютно всех возникающих проблем»... и т. д. [1].

Стародавняя близорукость не дала интеллигенции увидеть за разрушительными «издержками» первых месяцев революционной борьбы могучих созидательных тенденций, которые придут на смену периоду «бури и натиска»; эта близорукость не дала ей увидеть тех технико-экономических преимуществ, которые несет с собой социалистическая революция (планомерное ведение хозяйства, планово-общественный труд, экономическая рациональность и пр.).

Второе—победа пролетариата нанесла решительный удар *привилегии образования*, которой пользовалась прежде интеллигенция. Пролетарская диктатура разрушала, далее, ту *монополию умственного руководства*, которой пользовалась интеллигенция при керенщине. Нельзя, наконец, оценивая позицию интеллигенции в октябре 1917 г., забывать и того особого экономического положения, в котором находились многие категории интеллигенции при капитализме: не имея возможности развращать и подкупать рабочее движение страны с такой же широтой, как это практикуется в Европе (в силу дочернего характера российского империа-

[1]) Саботировавшая интеллигенция ожидала величайшей анархии и всяческих ужасов от прихода к власти большевиков. Но уже первые дни господства пролетариата должны были вызвать у нее недоумение. «В первые же дни,—признает кадет А. С. Изгоев («Архив» Гессена, т. X),—помню, обратили внимание на то, что большевикам удалось сохранить общественный порядок и обеспечить снабжение горожан хлебом. Они беспощадно расстреливали пьяных и мародеров, героически уничтожали склады водки и вин и добились того, что Октябрьские события не сопровождались в городе какими-либо чрезвычайными бесчинствами, грабежами и убийствами».

лизма и необходимости делиться сверх-прибылями с заграницей) — финансовый капитал России имел все же достаточно средств, чтобы «европеизировать» верхушку служащей ему интеллигенции посредством соответствующих окладов, наградных и т. п. Пролетарская диктатура грозила подрезать экономическое благополучие этих слоев интеллигенции посредством уменьшения высоких окладов и нивелирования заработков.

Третье—громадная роль иностранного капитала в России делала техническую интеллигенцию передаточным звеном между русским хозяйством и иностранной индустрией и банками. Таким образом, наша интеллигенция приучалась к раболепию перед мощью иностранного капитала и прочно привязывалась к его интересам. Пролетарская экспроприация капитала грозила порвать связи русской индустрии с ее заграничными хозяевами. Отсюда протест деловых слуг этих хозяев—интеллигенции.

Зависимость русской промышленности от заграницы сказывалась и в другом факте—в проценте иностранцев среди технического персонала русских предприятий. По данным Совета с'ездов горнопромышленников юга России, в металлургической и железоделательной промышленности в 1913 г. было инженеров и прочих лиц с высшим образованием: русских—78%, иностранцев—22%; лиц со средним техническим образованием: русских — 60%, иностранцев — 40% [1]). Таким образом, иностранцы в техническом персонале русских предприятий играли довольно заметную роль, что в свою очередь усиливало антисоветский протест технической интеллигенции.

Четвертое — многочисленное чиновничество Петрограда, который был ведь средоточием бюрократии, участвовало в саботаже в силу своей косности, сословной ограниченности и зависимости от чиновничьих верхушек и старого начальства. Еще задолго до Октябрьского переворота редактор журнала «Вестник служащих государственного банка» А. Савичев писал об «одной из наиболее косных и распыленных групп русского чиновничества», которое не знает, куда ему идти и как организоваться. «В то время как одни стоят на классовой точке зрения, относя чиновничество к классу пролетариата, другие, указывая на многие особенности той группы, какую составляют чиновники, и, главным образом, на правовое отличие от других общественных подразделений... склонны выделять данную группу как сословную, в широком смысле этого слова, и требуют корпоративно-сословного об'единения (наподобие например адвокатского сословия» [2]). Еще в июне «интелли-

---

[1]) Клаус.— «Война и народное хозяйство России», стр. 43.

[2]) «Новый экономист», № 32.

гентные труженики», в противовес профессиональному союзу торгово-промышленных служащих, организовали особый союз «лиц, занимающихся конторским трудом».

Физиономию почтово-телеграфных чиновников отлично характеризует их Всероссийский с'езд, имевший место в середине июля 1917 г. В решениях этого с'езда мы находим поддержку коалиционного правительства, но «опирающегося на советы рабоче-крестьянских депутатов». Там содержится требование «мира без аннексий и контрибуций», но «пред'явление этого требования в тесном контакте с союзниками». Крайний идеал вожаков с'езда не шел дальше такого государственного устройства, «которое не препятствовало бы об'единению в союз для защиты профсоюзных интересов» [1]).

Пятое—«чиновничье сословие» имело и свои материальные интересы,—иногда призрачные, иногда реальные,—которых оно боялось лишиться. Хотя жалованье низших служащих было часто и ниже содержания пролетария, но зато вознаграждением служила надежда на якобы обеспеченную старость, удовлетворение честолюбия, спеси, а также нередко и нечистые доходы: под'емные и прогонные, пенсии и пожалования, «кормления» и протекции. Относительная прочность службы у чиновников делала то, что последние тоже чувствовали себя принадлежащими к господствующему классу.

Шестое—Октябрьский переворот, кладя конец империалистской войне, оставлял без работы тоже довольно многочисленные кадры служилой интеллигенции, для которых война стала основной отраслью национальной промышленности, где они могли приложить свои силы. Революция, убивая войну, убивала тем самым и многочисленные военные учреждения, вокруг которых кормились тысячи и тысячи этих военных служащих[2]). Совершенно понятно отсюда участие в саботаже этих слоев. К ним можно добавить также многочисленное офицерство, которое после Октября было уравнено с солдатами, лишено погон, жалований и всяких привилегий (пайки офицерских семей также были уравнены с солдатскими). Указанные группы вносили в саботаж все свое естественное недовольство свершившимися переменами и все озлобление новыми порядками.

Седьмое—наконец, нельзя оставить в тени и такой сугубо материальный фактор, как вопрос о том, кто финансировал саботаж. Не может подлежать сомнению, что

---

[1]) См. ст. А. Любовича.—«Как организовался и работал Наркомпочтель». «Пролетарская революция», № 5 за 1926 г.

[2]) К декабрю 1916 г. в тыловых учреждениях было занято 1.950 тыс. чел. (см. «Красный архив», т. XX).

организацией саботажа руководили банки. В своей книге-обзоре «Два года борьбы на внутреннем фронте» тов. Лацис рассказывает о том, что в фонд саботажа обращались деньги, которые списывались при помощи оставшихся на своих местах служащих с текущих счетов разных учреждений. Отдельные крупные фирмы также оказывали саботирующим серьезную денежную поддержку. Не надо забывать, что ведь саботаж был тогда решающей ставкой разбитой в открытом бою контр-революции. Для организации саботажа были также использованы деньги, захваченные старым меньшевистским ЦИКом, который отказался сдать дела новому ЦИКу.»

Существовавшее некоторое время после Октября в подполье Временное правительство в свою очередь передало имевшиеся в его распоряжении деньги на поддержку саботажа.

На обысках у лиц, организовавших саботаж, находили подписные листы с десятками тысяч руб. пожертвований [1]). Только благодаря такой существенной денежной поддержке (служащие Московского городского банка и частных банков получили, например, за 2 месяца вперед) забастовка чиновников могла так упорно длиться.

Что же, достиг ли саботаж поставленной цели? В известной части, да. Советской власти, как известно, он, правда, не свергнул, но расстройство увеличил очень значительно и сделал положение еще более тяжелым. Зато саботаж привел и к другому результату, который никак не мог входить в расчеты его организаторов. Саботаж лишний раз подтверждал ту известную уже давно теоретическую истину, что пролетариат не может просто взять старую государственную машину и пустить ее в ход. Саботаж ускорил революционную ломку старой государственной машины—в этом об'ективно была его оборотная, положительная для пролетариата, черта.

Вначале, правда, саботаж ставил представителей новой власти в весьма тяжелое положение. «В министерстве народ-

[1]) Ст. Петерса. «Воспоминания о работе в ВЧК в 1-й год революции». «Пролетарская революция», № 10 за 1924 г.

«Многих из чиновников,—рассказывает цитированный уже нами неоднократно В. А. Ауэрбах,—морально и материально поддержала помощь, оказанная банковскими и промышленными общественными организациями. Хотя эта помощь достигла нескольких миллионов (точной цифры ныне не помню), но, разумеется, надолго хватить ее не могло. Любопытно при этом, что об этой помощи было хорошо известно советскому правительству и, повидимому, в его руки даже попал список отпущенных организациями сумм, но особых последствий, кроме временного ареста некоторых посредников из числа чиновников по распределению пособий, это не имело» (ст. «Революционное общество по личным воспоминаниям». «Архив» Гессена, т. XVI, стр.52).

ного просвещения,—читаем мы в воспоминаниях А. В. Луначарского,—мы нашли группу низших служащих, которые весьма дружно, даже не без энтузиазма, нас приветствовали, а в остальном—полную пустоту, и мы остались в пустых комнатах, полных шкапами, и начали устраиваться, чувствуя подчас мучительное бессилие».

Аналогичная картина была почти во всех учреждениях: курьеры и другие младшие служащие—единственные, кто остался на местах. «Мы не знали даже, как приступить к делу,—вспоминает М. Лацис о возникновении Наркомвнудела,—пришлось прибегнуть к помощи курьеров: учились вначале у них. Начнешь, бывало, расспросы о поведении начальников, об их работе... и перед нами вырисовывалась картина и содержание работы. Курьеры, прослужившие в отделе 2 десятка лет, пережившие смены десятков начальников, оказались весьма сведущими»... [1])

Во главе всей сложной государственной машины оказались новые люди, больше знакомые с режимом политической тюрьмы и каторги, нежели с искусством государственного управления. «День» издевался над тем, что во главе ряда отраслей управления стали малограмотные рабочие, что комиссар по градоначальству в об'явлении, собственноручно им написанном, писал: «комиссия по выдача разрешения на право выезда закрыта и неизвестно когда откроетца», что комиссар над телефонами, греша против российской грамматики, писал: «заявлѣнія о порчи тилифона» и т. д. («День» от 9 декабря).

Но и в 1871 г. буржуазная сволочь издевалась над «таинственными незнакомцами», которые правили Парижем. И тут русская буржуазия не проявила ни грана оригинальности.

Совет народных комиссаров, ставший во главе страны, начал по примеру парижских коммунаров с того, что 1 ноября 1917 г. выпустил декрет, согласно которому оклад каждого народного комиссара и члена ЦИКа ограничивался 400 р. Позднее к этому была сделана надбавка на каждого нетрудоспособного члена семьи по 100 рублей [2]). Декрет урезал все высокие оклады и пенсии и устанавливал принцип, по кото-

---

[1]) «Пролетарская революция», № 2/37 за 1925 г.

[2]) Об этом декрете тов. М. Н. Покровский так говорит в одной из своих статей («Кающаяся интеллигенция» в сб. «Интеллигенция и революция»): «Сколько носились с 500 франками жалованья членов Парижской коммуны,—а переведите на золотые франки (в 1871 г. во Франции были бумажные франки, но курс стоял весьма высоко, а жизнь была много дешевле, чем теперь) содержание российского народного комиссара—вы далеко до этой цифры не дойдете. Более спартанского режима для своих верхов не заводил еще ни один народ».

рому заработок ответственных работников должен равняться по среднему заработку рабочего. Достаточно сравнить с этим «скромность» министров демократии, которые, как Гвоздев, получали 25 тыс. р. в год и, как Керенский (с момента занятия им поста главнокомандующего), получали 66 тыс. р. в год, чтобы оценить этот один из первых декретов Совета народных комиссаров.

Саботаж прямо поставил вопрос о сломе ряда старых учреждений и замене их новыми. На первых порах, однако, пришлось ограничиться тем, чтобы вливать новое содержание работы и новых людей в прежние аппараты власти. Комиссары были назначены во все важнейшие учреждения. С помощью низших служащих они приступили к налаживанию дела. Ряд коллегий, как революционно-дипломатическая, стали во главе министерств, которые так по-старому и продолжали называться. Тов. Рыков, например, подписывал декреты так: «Народный комиссар по министерству внутренних дел Рыков».

Овладевание властью на местах происходило весьма разнообразно. В одних пунктах советы оставляли целиком старые учреждения, городские и земские самоуправления, но только подчиняли их своему контролю; в других — советы заключали соглашения с земствами и муниципалитетами о распределении между ними функций и компетенций; в третьих—советы упраздняли органы местного самоуправления и целиком брали на себя их функции.

Значительное ослабление органов государственной власти за период от февраля до октября (в особенности на национальных окраинах) облегчало пролетариату дело овладения этими органами.

Но снести старые аппараты государственной власти и заменить их новыми могло только творчество самих народных масс.

Не даром поэтому Ленин выпускает 9 ноября обращение «к населению», которое призывает брать все дело управления государства в свои руки. «Товарищи - трудящиеся! — говорилось в этом обращении.—Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не об'единитесь и не возьмете все дела государства в свои руки... Сплотитесь вокруг советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок. Постепенно, с согласия и одобрения большинства крестьян, по указаниям практического опыта их и рабочих, мы пойдем твердо и неуклонно к победе социализма».

Ленин главное свое слово обращал не к саботирующим чиновникам, а к трудящимся массам. Революционная инициатива масс не замедлила взяться за создание новых аппаратов государственной власти.

Большой интерес в этом отношении представляет история создания и работы народного суда в Выборгском районе.

При Керенском уголовный элемент необычайно поднял голову. В первую неделю после Октябрьского переворота преступность еще больше увеличилась. Между тем судьи забастовали. Тогда Выборгский райисполком решил организовать свой суд «по примеру 1905 г. в Сормове». Были выделены рабочие, члены совета. Через месяц начальник районной милиции докладывал, что преступность сократилась на 80%. Этот импровизированный суд не руководствовался, конечно, никакими писаными законами. При вынесении приговора судьи-рабочие руководились социальными условиями, степенью испорченности и тем, насколько подсудимый вреден революционному порядку.

Конституция этого «Временного революционного суда» могла привести в ужас добропорядочного «законоведа». Этот суд, действительно, страдал чрезмерной демократичностью: в состав каждого его отделения (всего было Выборгским советом выделено 5 отделений суда) входило по 5 лиц: от райсовета, районной управы, совета домкомов, райбюро профсоюзов и фабзавкомов. Конституция суда позволяла производить предварительное голосование меры наказания среди публики, чем иногда пользовались уголовные элементы, собиравшиеся в зале суда, чтобы выручать своих.

Опыт исправлял линию этих судов. Если Выборгский революционный суд действовал «по примеру 1905 г. в Сормове», то скоро революционные суды в других районах стали действовать по примеру Выборгского. Декреты правительства не поспевали за этим творчеством масс. Оттого мы встречаем на страницах тогдашней «Правды» недовольство медленностью разрушительной работы: «Надо признаться, — читаем мы в статье от 10 ноября,—что российская революция действует очень медленно по отношению к старому аппарату власти». Старая власть, в лице подпольного совета министров, имела еще возможность распоряжаться денежной эмиссией; в ее распоряжении был также провод для сношений с верховным главнокомандующим ген. Духониным, отказавшимся подчиняться советской власти [1]).

Многие министры Временного правительства остались на свободе и даже попрежнему вели дела в своих ведомствах (например, Прокопович). Старый суд почти месяц продолжал выносить приговоры от имени Временного правительства. Лишь 24 ноября декрет упразднил все без из'ятия старые суды.

---

[1]) А. Демьянов.—«Записки о подпольном Временном правительстве». «Архив» Гессена, Берлин, т. VII.

Только 4 декабря был фактически закрыт «правительствующий сенат», после того как он еще накануне собирался выпустить в печати указ-прокламацию против советов (наборщики сенатской типографии отказались его набирать). 14 декабря появился декрет об упразднении Государственного совета, считая с 25 октября. Тогда же появился декрет о прекращении выдачи пенсий, превышающих 300 р. ежемесячно на одно лицо.

Известная медлительность советской власти в сломе старых учреждений все же имела место. Саботаж ускорил эту ломку. Саботаж в конечном счете вынуждал итти в разрушительной работе даже дальше, чем предполагалось ранее.

Экономическую часть государственного аппарата (аппараты учета, вроде банков, синдикатов, почты, потребительских обществ) мы вовсе не имели намерения разрушать. Крупные банки, например, мы могли рассчитывать привести в движение одним ударом.

Саботаж привел, однако, к разрушению и этих аппаратов: забастовка банковских служащих, продолжавшаяся до 3 месяцев, вынудила применить хирургические приемы и по отношению к руководящей банковской головке. Там, где забастовка приводила к полному расстройству аппарата (частные банки в Петрограде, например, были фактически закрыты, в некоторых отделах осталось всего по 2—3 работника), пришлось приступить к полному обновлению состава служащих.

«Возвышение пролетариата на степень господствующего класса», о котором говорил еще «Коммунистический манифест», и которое он считал «первым шагом рабочей революции» не могло не быть встречно с ожесточенным сопротивлением разбитых классов. Саботаж всей старой государственной машины является, повидимому, как показывает опыт Коммуны 1871 г. и Октябрьской революции 1917 г., неизбежным спутником «возвышения пролетариата на степень господствующего класса» [1]).

[1]) Образец иного хода дел дает нам Венгерская советская республика. Е. Варга в книге «Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре» (стр. 80) так излагает этот ход и его итоги: «В Венгрии, где диктатура пролетариата явилась не в результате классовой революции, а мирным путем, вся бюрократия... «с готовностью» предложила свои услуги пролетарскому государству. Генералы и статс-секретари соперничали между собой в готовности служить ему; организации государственного чиновничества стали тотчас же на платформу пролетарской диктатуры. Неудивительно, что при таких обстоятельствах разрушение старого аппарата принуждения было произведено только поверхностно. Преобладающее число чиновников было оставлено на своих местах; большая часть его вела незаметный, осторожный, но упорный саботаж. Тому обстоятельству, что старый бюрократический аппарат не был разрушен, нужно приписать то, что реакционному режиму в Венгрии в сравнительно короткий срок удалось восстановить старую систему».

С а б о т а ж в ы н у ж д а л б о л ь ш е р а з р у ш а т ь, ч е м э т о д и к т о в а л о с ь э к о н о м и ч е с к о й и п о л и т и ч е с к о й н е о б х о д и м о с т ь ю.

Но нет худа без добра. Хотя более сложным и трудным путем,—саботаж приводил к необходимому результату. В конечном счете он помог пролетариату овладеть всей сложной государственной машиной и сделать ее независимой от старых чиновников. «Все прежние органы местного управления, областные, губернские и уездные комиссары, комитеты общественных организаций, волостные правления и проч. должны быть заменены соответственно областными, губернскими, уездными и волостными советами рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов. Вся страна должна покрыться целой сетью советских организаций...»,—говорило обращение Наркомвнудела ко всем советам[1]).

Борьба с саботажем ставила в порядок дня быстрое и массовое выдвижение рабочих, солдат и крестьян на государственную работу.

Очень ярким документом этой оборотной стороны саботажа явилось постановление Петроградского совета от 17 ноября. Вот этот интереснейший документ:

«Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов постановляет:

Вполне выяснилось, что не только капиталисты, но и значительное число тянущих руку буржуазии и связанных с ней тысячами экономических и социальных нитей высших чиновников и служащих в государственных и общественных учреждениях упорно саботируют работу Временного рабочего и крестьянского правительства.

Такое сопротивление делу социализма со стороны буржуазии и ее пособников не является неожиданным для пролетариата и беднейшего крестьянства, которые никогда не рассчитывали на соглашение с эксплоататорами, а только на преодоление их сопротивления организованной силой миллионов трудящихся и эксплоатируемых.

В Петрограде, как в центре капитализма, в главном центре банков и финансового капитала, в главном центре бюрократии, сопротивление буржуазии и ее пособников особенно сильно.

Поэтому Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и солдат Петрограда, в особенности всех членов районных советов и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов:

---

[1]) «Газета Временного рабоче-крестьянского правительства» № 41 от 24 декабря.

1) Порвать решительно и немедленно с гнилым буржуазным предрассудком, будто управлять государством могут только буржуазные чиновники.

2) Разделить без всякой оттяжки районные и общегородской советы на отделы, из которых каждый берет на себя ближайшее участие в той или иной области государственного управления.

3) Привлечь к каждому такому отделу наиболее сознательных и способных к организационной работе товарищей с заводов и из полков и направить полученные таким образом силы на помощь каждому народному комиссару.

Пусть всякий сознательный рабочий и солдат поймет, что только самостоятельность, энергия, энтузиазм трудящихся могут упрочить победу начавшейся социальной революции. Пусть каждая группа рабочих и солдат выделяет таящиеся в народе и придавленные до сих пор гнетом капитала и нужды организаторские силы.

Пусть эти силы смело берутся за трудную, ответственную, но благодарную работу строительства снизу истинно народной власти».

Фетиш буржуазного государства был уничтожен. Сотни и тысячи людей с низов, не имевших ни образования, ни навыков государственного управления, стали во главе многочисленных винтиков новой государственной машины и пустили ее в ход— сначала плохо, неумело, грубовато, потом все лучше и лучше.

Народные комиссары на огромных многотысячных митингах давали народной массе еженедельные отчеты о действиях своих ведомств. Этот прекрасный обычай еще больше сближал вопросы государственного управления с массами и порывал с «гнилым буржуазным предрассудком, будто управлять государством могут только буржуазные чиновники».

❖

ХАРАКТЕР ПЕРВОГО ПЕРИОДА ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Контр-революционные попытки в первые месяцы диктатуры пролетариата. Успех советской власти в первой стадии первой полосы гражданской войны. Волна великодушия. Характер пролетарской диктатуры в первый период. Три иллюзии. Роль собственного опыта масс. Борьба вокруг «единого фронта» демократии. Левые эсеры и пережитки мелкобуржуазной демократии в советской системе.

Саботаж отнюдь не был единственной формой борьбы с диктатурой пролетариата. На ряду с ним был сделан ряд попыток вооруженной рукой удушить Октябрьскую революцию. Едва Петроград перешел к большевикам, вожди «демократии»— Гоц, Авксентьев, Герценштейн—поспешили в ставку, в это осиное генеральское гнездо, надеясь под крылышком Духонина организовать выступление фронта против революционной столицы. Неудачу этой попытки мы видели уже, когда говорили о красновском фронте. Из всех многочисленных армий, на которые уповал Керенский, он мог рассчитывать только на несколько казачьих полков. Но и этот расчет производился, как справедливо говорит С. Мстиславский в своих «Пяти днях» (стр. 67)—«больше по русской правительственной традиции, чем на основании каких-нибудь реальных данных».

Первая же встреча казаков с революционным народом Петрограда доказала это со всей убедительностью. В распоряжении российской контр-революции не оказалось ни одной пехотной части. Настроение фронтов очень хорошо характеризует разговор по прямому проводу главнокомандующего Северным фронтом ген. Черемисова с ген. Духониным в первые дни после Октябрьского переворота. Духонин требовал перебросить войска с Северного фронта для подавления восстания в Петрограде. Вот ответ Черемисова: «Убедительнейше прошу вас не только не настаивать на продолжении перевозок (речь идет о переброске войск с Северного фронта для подавления Октябрьского восстания.—*З. С.*), но и отправить обратно все части из района Луги, тем более, что эти части очень скоро переменят окраску и, воз-

можно самочинно двинутся к Петрограду, но уже совсем с другой целью, чем Вы предполагали» [1]).

В результате, главной военной опорой контр-революции остались юнкера. Но даже не все юнкерские школы выступили против переворота. Те школы, где, как в Москве, было много бывших солдат, держали нейтралитет. Тем усерднее взялись «комитеты спасения родины и революции», созданные с начала переворота, за наши «вандейские войска»—верных Временному правительству юнкеров [2]).

11 ноября (29 октября) партия эсеров сделала попытку поднять юнкерское восстание в Петрограде. Это восстание, стоившее во много раз больше жертв, чем Октябрьский переворот, не достигло цели: захватить Петропавловскую крепость, как того добивались юнкера, им не удалось. В руки белых перешел Михайловский манеж и телефонная станция—и то только на 2—3 часа. Тогда ставка контр-революции перенеслась на казаков. Каледин образовал на Дону белогвардейское правительство и открыл своим фронтом первую полосу гражданской войны. В эту же войну скоро была вовлечена Украинская центральная рада, руководители которой заняли враждебную Октябрьскому перевороту позицию.

Эта первая стадия первой полосы гражданской войны была пройдена советской властью сравнительно легко и вполне победоносно. Об'яснение этого явления лучше всего дать словами «Дня». Корреспондент этого весьма мало сочувствовавшего большевикам органа так описывал свои впечатления с калединского фронта:

«Со стороны большевиков нет никакой организации. Все нестройно, бессистемно, и все-таки, благодаря своему энтузиазму и беззаветной храбрости,—они одерживают верх... Проходя мимо казаков еще раз, пытаюсь всмотреться в их лица, угадать их намерения, еще раз чувствую, что холодком веет от их молчания и уклончивых взглядов. Есть могущественный фактор с другой стороны—вера в определенный общественный идеал... Этого не чувствуешь у рядовых казаков, как ни ищешь».

Ленин недаром называл этот период революции эпохой «опьяняющего и кое-кого опьянившего успеха» (апрель 1918 г.). «По всей России,—говорил он на VII с'езде РКП 6 марта 1918 г.,—

[1]) Центрархив.—«Разложение армии», стр. 165.

[2]) Для того, чтобы наэлектризировать и натравить юнкеров на рабочих, пускалась в ход самая откровенная провокация. Штаб Петроградского военного округа и партия эсеров еще накануне Октябрьского переворота распространяли слухи, что рабочие, якобы, устроили заговор с целью ночью перерезать всех юнкеров (см. «Красную летопись» № 6 за 1923 г).

пробежала волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому что массы проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Лозунги советской власти были неизбежными потому, что их практически проверили массы долгим историческим опытом. Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 г.».

Приходится признать, что из «опьяняющего и кое-кого опьянившего успеха» вытекало немало иллюзий, которым предстояло потом быть рассеянными неумолимой практикой жизни. Следствием этого триумфального шествия революции явилась, прежде всего, волна великодушия, охватившая победителя.

Немало неосторожных шагов и немало глупостей было сделано под этим благородным настроением. Революционные успехи сопровождались более чем порядочной порцией великодушия и благодушия.

Гоц был отпущен под честное слово, а 26—29 октября он подписывал ордера юнкеров Полковникова. Краснов тоже был выпущен на волю. В то время как юнкера во время московских боев стреляли разрывными пулями, мы отказались употреблять имевшиеся в нашем распоряжении аэропланы.

Арестованных за восстание 29 октября юнкеров мы поспешили освободить после подписки, что они не будут «выступать против существующей власти и Военно-революционного комитета» и не употребят своей свободы для борьбы с ними».

«Мы были очень великодушны и позволяли себе разыгрывать добряков, выпуская на свободу (под честное слово) разного рода буржуев, подчас на свою же шею»...—рассказывает В. Малаховский [1]).

Юнкера очень скоро по-своему отплатили за этот прилив благородства. Впрочем, уже сдавая оружие, юнкера не скрывали своих целей; они не стесняясь говорили: через месяц встретимся на Дону.

Неудивительно поэтому, что освобождение юнкеров было встречено с известным недовольством рабочими массами.

Договор с юнкерами Московского военно-революционного комитета произвел—как свидетельствует М. Ольминский («1917 г.», стр. 227)—очень неприятное впечатление в районах. Документом этого недовольства остался помещенный в «Социал-демократе» № 200 от 4 ноября «Протест Красной

[1]) «Из истории Красной гвардии.—Красногвардейцы Выборгского района 1917 г.», 32 стр.

гвардии»: «Освобождая юнкеров от ареста,—говорится там,— ВРК дает им возможность снова восстать против народа. Мы... требуем, чтобы все арестованные юнкера и прочая буржуазная сволочь были преданы властному революционному суду».

Если отношение к юнкерам можно об'яснить приливом великодушия, то этим одним нельзя никак об'яснить наше отношение к буржуазии и «социалистической» печати, как и весь вообще характер диктатуры пролетариата в этот начальный ее период.

В первые дни переворота было закрыто только несколько наиболее от'явленных контр-революционных газет. «Социалистические» органы не были закрыты.

А тогда же меньшевистская «Рабочая газета» писала: «Заговорщики должны немедленно капитулировать, обратившись к Комитету спасения родины и революции».

Эсеровская «Воля народа» писала: «Не мириться с большевиками должна революционная демократия, а всеми силами против них бороться». Газета предлагала: «вырвать с корнем этот отравленный яд из тела революции».

«Искры», орган Петроградского комитета меньшевиков-оборонцев, писали крупными буквами на всю полосу: «Против бонапартистов, против разбойников темной ночи, против чудовищных контр-революционеров, режущих ножами революцию!» «На нашей шее сейчас вместо проклятой памяти жандармского—большевистский сапог». И газета предлагала: «восстановить права Временного правительства, отстоять его».

Тем не менее, декрет о печати, выпущенный 27 октября, не только не клал предела этому разгулу «социалистической» печати, но перенес главное свое внимание па оправдание закрытия буржуазных газет. Декрет раз'яснял, что ВРК вынужден был принять ряд мер против контр-революционной печати разных оттенков «в тяжкий и решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих»; немедленно,— говорилось дальше,—поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушает «основные принципы своей программы, посягнув на свободу печати». Здесь декрет давал раз'яснение, что за «либеральной ширмой (свободы печати) фактически скрывается свобода для имущих классов захватить в свои руки львиную долю всей прессы», что «особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры...» «Как только новый порядок упрочится, — обещал далее декрет, — всякие

административные воздействия на печать будут прекращены...» [1]).

Обещание, данное этим декретом, скоро было выполнено. Многие закрытые в момент переворота газеты снова получили возможность существовать. Таким образом, первый период пролетарской диктатуры осуществил в довольно полном виде демократическую свободу печати [2]). Как великодушие по отношению к юнкерам, так в еще большей степени эта «демократия» в отношении печати наносили существенный ущерб силе пролетарской власти. Недаром еще 29 октября на заседании Петроградского совета было внесено предложение закрыть все органы печати, оставив один только «Вестник народных комиссаров». «Демократичность» советской власти позволила многочисленным органам буржуазной и соглашательской прессы, которые в этот период особенно дышали ненавистью и клеветою, вести свою разлагающую пропаганду. Освобождение юнкеров усиливало внешний фронт против революции. Существование буржуазии и «социалистической» прессы создавало в тылу революции опаснейшего врага.

Черты подобной «демократии» мы можем найти во всем характере пролетарской диктатуры этого периода. Открыто существовали ведь не одни буржуазные и соглашательские газеты. Вполне легально существовали различные политические партии, вплоть до кадетов; они устраивали свои собрания, вели работу, выступали на митингах и т. д. Представители свергнутых Октябрьским переворотом партий—меньшевиков и эсеров—входили в советы и в профсоюзы. Совершенно открыто происходили такие с'езды, как например, Земский собор. Да и контр-революционный «Комитет спасения» был закрыт только 10 ноября; до этого времени он тоже открыто существовал.

Постановление Совнаркома о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с саботажем и контр-революцией появилось только 20 декабря, т.-е. почти спустя 2 месяца после переворота. Главные задачи ВЧК были—борьба с саботажем

[1]) Протоколы ВЦИК 2-го созыва, стр. 6—7. Декретом от 19/XII был введен Революционный трибунал по делам печати.

[2]) Сравним с этим то, что писала эсеровская «Воля народа» 20 октября, т.-е. всего за несколько дней до большевистского переворота. «Великое значение печати обязывает нас протестовать против безграничного злоупотребления ею и систематического извращения ее задач и великих целей». Тогда это имело целью оправдать репрессии в отношении большевистской печати (с 5 июля по 5 сентября Временным правительством было закрыто 17 рабочих органов); теперь же, когда большевики провели в жизнь эсеровский совет в отношении контр-революционной печати, та же самая «Воля народа» завопила о нарушении «демократических свобод».

и пьяными погромами. Постановление о ВЧК предусматривало лишь такие меры пресечения контр-революции, как конфискация имущества, лишение продовольственных карточек, опубликование списков врагов народа. Комиссия—по мысли ее создателей—должна была вести только предварительные следствия. «Весь аппарат ВЧК,—рассказывает один из ее организаторов, т. Петерс,—состоял из нескольких лиц; канцелярия находилась в портфеле Дзержинского, а вся касса—сперва 1.000, а потом 10.000 р., которые были получены для организации ВЧК,—у меня, как казначея, в ящике стола» [1]).

Покушение на Ленина в ночь на 1 января 1918 г. заставило выдвинуть угрозу красного террора, но тогда дело ограничилось только тем, что эта угроза прозвучала на нескольких советских заседаниях; в жизнь она проведена не была. Карательные органы советской власти в это время мало напоминали собой учреждения красного террора.

Даже Пуришкевич и провокатор Шнеур, попавшие в руки ВЧК, не были расстреляны.

Первый в истории советской власти смертный приговор над контр-революционным генералом (адмиралом Щастным) был вынесен Верховным революционным трибуналом только в июне 1918 г. (известен еще один смертный приговор, относящийся к 24 февраля 1918 г.; но этот приговор касался не политического врага советской власти, а обыкновенного бандита и шантажиста, князя Эболи).

Мы видим, что в свой начальный период пролетарская диктатура носила «мягкий» характер [2]). Есть достаточно оснований, чтобы считать ошибочной эту мягкость и излишнюю терпимость к «демократии». Наша задача заключается в том, чтобы об'яснить причины этого странного на первый взгляд явления.

Мы уже отмечали, что в основе его лежит известное опьянение успехами революции. Правда, на внешнем фронте молодая советская республика стояла почти безоружная перед лицом грозной опасности нашествия германского империализма. Но на внутренних фронтах советская республика одерживала одну победу за другой. 18 января уральские боевые дружины Красной гвардии ликвидировали восстание Дутова. 26 января красногвардейцы заняли Киев. 13 февраля революционные отряды тов. Берзина заняли Рогачев и ликвидировали выступление польского корпуса Довбор-Мусницкого. 21 февраля отряды

[1]) «Пролетарская революция», № 10 за 1924 г.

[2]) Дело изменилось летом 1918 г., когда гражданская война, всеобщая национализация в городе и комбеды в деревне придали пролетарской диктатуре иной вид и определили ее новый этап.

донецких шахтеров заняли Ростов. Триумфальное шествие пролетариата, о котором писал тов. Ленин, вынуждены были признать и враги. Эсеровская «Воля народа», например, в таких выражениях говорила о положении советской власти в это время. «...От крайнего севера до предгорий Кавказа процесс собирания Руси под эгидой Советской республики может считаться законченным. Сам Дон, на который возлагалось столько упований ее противниками, этот последний оплот нашей культурной буржуазии и либеральной демократической интеллигенции, оказался размытым большевистскими волнами... Оренбург и Кубань также заняты советскими войсками... Ставка на казаков, таким образом, бита, и игра выиграна большевиками»...[1])

Разгром контр-революции порождал иллюзию, что враг в собственном доме сломлен, и можно будет скоро заняться работой по строительству пролетарской диктатуры.

«Многие не понимали,—рассказывает тов. Петерс в цитированной выше статье,—что Октябрьские дни не разрешили вопроса классовой борьбы, что это только начало, что враг не дремлет, что он притаился, набираясь сил, и что борьба предстоит с ним не на жизнь, а на смерть, поэтому нет времени для сентиментальных мечтаний» [2]).

Иллюзия о сломленном внутреннем враге дополнялась другой пацифистской иллюзией о конце империалистской войны и о близком наступлении, в связи с этим, мирного, не омрачаемого никакими военными столкновениями, периода.

Ярким образчиком этой второй иллюзии служит рассказанный М. Н. Покровским (тогдашним председателем Моссовета) пример из практики Московского совета. В Москве находились громадные интендантские склады с мануфактурой. Президиум Моссовета серьезно ставил вопрос о распродаже этого военного имущества, так как войны нет и не предвидится [3]).

Третья иллюзия тоже обусловливалась праздничным революционным под'емом масс. Она заключалась в уверенности, что революция на западе произойдет с часу на час. «Зимой 1917—18 гг.,—свидетельствует тов. Ларин,—преобладало мнение, что либо в ближайшие месяцы (иные говорили—недели) произойдет рабочая революция в Европе, либо нас вообще не будет».

Тогда не были еще в достаточной мере ясны те причины, которые препятствуют или задерживают западно-евро-

---

[1]) «Воля народа» № 1 от 12 апреля 1918 г., ст. «Укрепление советской власти в Великороссии и Сибири».

[2]) Петерс.—Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции. «Пролетарская революция», № 10—1924 г.

[3]) «Спутник коммуниста» № 18 за 1922 г. Покровский». «Пятая годовщина Октябрьской революции».

пейскую революцию. Война и успех первого пролетарского восстания вселяли уверенность, что очень скоро на подмогу придут мощные отряды западно-европейского пролетариата.

Одних указанных трех иллюзий было бы достаточно, чтобы об'яснить «мягкий» характер пролетарской диктатуры первого периода [1]).

Нам кажется, однако, необходимым дополнить это об'яснение еще одним пунктом, крайне важным для правильного понимания характера диктатуры пролетариата в этот период.

Этот пункт—отношение партии—авангарда, к иллюзиям и ошибкам масс.

Вдумаемся в декрет о печати, выпущенный 29 октября. Там ясно бросаются в глаза 2 его части: 1-я—пропагандистское об'яснение всей иллюзорности свободы печати—этой «либеральной ширмы»; 2-я—практический вывод, кажущийся совершенно несогласованным с предыдущей теоретической посылкой: «всякие административные воздействия на печать будут прекращены».

Чем об'ясняется противоречие посылки и вывода? Эта непоследовательность окажется только внешней, если мы рассмотрим ближе тактическую линию партии. Почему партия в марте и в июле 1917 г. не бросала лозунга немедленного взятия власти советами? Потому что в массах были еще живы демократические иллюзии. Почему к Октябрю стало возможным взять власть? Потому что—говоря вышеприведенными словами Ленина—«п л о д с о з р е л», «массы проделали весь опыт соглашательства с буржуазией» и «практически проверили» лозунги советской власти.

Были ли, однако, к Октябрю массами окончательно изжиты мелкобуржуазные иллюзии? Этого сказать нельзя. Эти иллюзии находили отклик в известных частях рабочего класса. Тем сильнее они были у союзника пролетариата—крестьянства. Партии, которая вела за собой массы пролетариата и крестьянства, приходилось все время оглядываться, проверять себя, чтобы не оторваться от арьергардных слоев пролетариата и от крестьянской тяжелой пехоты.

Партия не могла не считаться с иллюзиями и ошибками этих масс. Ее тактический расчет мог основываться только на изживании с а м и м и м а с с а м и, на своем с о б с т в е н н о м о п ы т е этих иллюзий и ошибок,—изживании, которое в обстановке революции происходило со вполне надежной быстротой, по сокращенному методу.

[1]) См. доклад тов. Покровского в брошюре «7 лет диктатуры пролетариата».

«Мы не хотим, — неоднократно подчеркивал Ленин, — чтобы массы нам верили на слово. Мы не шарлатаны. Мы хотим, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок».

Можно было бы рядом ударов покончить с «демократическими» пережитками. На это у большевиков хватило бы и необходимой смелости и решительности.

Но такой метод был бы непонятен массам и оттолкнул бы их, вместо того чтобы облегчить им собственным умом и опытом избавиться от своих ошибок. Пролетарский авангард, всерьез строивший свою тактику на союзе с крестьянством, не мог на это пойти.

Вот почему мы до поры до времени встречали в системе пролетарской диктатуры некоторые «демократические» анахронизмы и примеси мелкобуржуазной демократии.

Вокруг них не раз вспыхивала борьба в самых органах пролетарской диктатуры.

Об'ективное отражение пережитков демократических иллюзий мы могли наблюдать уже в попытках создания единого фронта демократии, которые были начаты с первых пооктябрьских дней. Идея единого фронта прельщала своею соблазнительностью даже некоторые—правда, очень незначительные—слои большевистской партии (Зиновьев, Каменев). Всего же больше усилий к склеиванию единого фронта проявили левые эсеры. Это обстоятельство весьма характерно: левые эсеры, отражавшие движение наиболее близких к пролетариату слоев крестьянства, привносили с собой нерешительность, колебания и ошибки этого последнего. В момент Октябрьских боев они питают надежду, что буржуазия «бескровно» уступит власть. Когда Октябрьская революция победила, они становятся самыми горячими проповедниками «мирного развития революции». Они же больше всего стараются создать единый «социалистический фронт». Боясь отрезать себя от остальной «демократии», они отказываются войти в состав Совнаркома. Склеивать то, что невозможно склеить, согласовывать несогласуемое—таковы были методы левых эсеров.

Идея единого фронта об'ективно была на руку исключительно свергнутым в Октябре «социалистическим» партиям. Разбитые в открытом бою, они могли сейчас надеяться дипломатическими увертками свести революцию на-нет. Только такова была цель вождей «демократии». Оттого они так непримиримо себя держали во время переговоров о соглашении, выдвигая сначала коалицию без большевиков, потом коалицию с большевиками, но без «виновников переворота».

Какой был им иначе смысл «соглашаться», если победа пролетарской революции будет признана?

Левые же эсеры (и часть большевиков, как Зиновьев и Каменев) продолжали не понимать, что нельзя «соглашаться» двум разошедшимся по разные стороны баррикады и что нельзя склеить единый фронт между ними никакими благожелательными словами. «Мы в качестве победителей,—говорил левый эсер Малкин в ЦИКе,—должны действовать более снисходительно и предложить демократии более приемлемые условия соглашения».

Эсеры (правые) выдвинули проект создания «Временного народного совета», который должен был состоять из 100 представителей от нового ВЦИКа и 100 от ЦИКа старого состава, 100 представителей Исполнительного комитета советов крестьянских депутатов (оборонческого), 100 представителей Петроградской и Московской городских дум, 80 представителей армейских комитетов (оборонческих), 15 представителей Викжеля и 25 представителей от почтово-телеграфных и других профсоюзов служащих (а не рабочих профсоюзов) [1]. Как видим, способ составления этого Временного народного совета ясно отражал стремление разбавить пролетарскую диктатуру в мелкобуржуазной демократии и фактически свести на-нет все завоевания пролетарской революции.

Недаром с пламенной отповедью этому проекту «бескровной» ликвидации революции выступил Володарский: «Кровь, говорили здесь, нужно беречь,—сказал он.—Да, это правда, но нужно помнить и о той крови, которая была пролита во имя основных требований рабочего класса и крестьянства. Если бояться крови, то нужно сделать все необходимое, чтобы не были сданы те позиции, в защиту которых боролись сотни тысяч рабочих, крестьян и солдат... Допуская представителей городских дум, уничтожается самая сущность принципа власти советов» [2].

Выступивший вслед за Володарским Карелин назвал резолюцию, предложенную Володарским, «имеющей очень много категоричности и формальной непримиримости». Левые эсеры соглашались в принципе на проект Временного народного совета и только вносили в него поправки о некотором сокращении представительства право-социалистических групп.

Не прояви Центральный комитет нашей партии должной решительности и твердости в вопросе о соглашении [3], вся история с единым фронтом могла кончиться очень печально. Об этом ярко говорит опыт хотя бы Венгерской революции.

[1]) См. у В. Владимировой.—«Год службы «социалистов» капиталистам», стр. 43.

[2]) «Протоколы заседаний ВЦИКа 2-го созыва», стр. 12.

[3]) 2 ноября большинство ЦК большевиков отвергло компромиссный проект Викжеля, который давал большевикам половину мест в СНК и 60% мест в ЦИКе.

Позднее, 15 ноября, было достигнуто соглашение между ЦИКом, лево-эсеровским президиумом крестьянского с'езда и Викжелем. По этому соглашению ЦИК пополнялся 108 представителями крестьянского с'езда, 100 представителями от армии и флота и 50 делегатами от профессиональных об'единений. В основу соглашения было положено признание платформы II Всероссийского с'езда советов и выпущенных советской властью декретов. На об'единенном заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета с чрезвычайным крестьянским с'ездом и Петроградским советом была принята резолюция, которая торжественно подтверждала законы о мире и земле, принятые II с'ездом советов, а также закон о рабочем контроле, принятый ВЦИКом. «Соединенное заседание ЦИКа и Всероссийского крестьянского с'езда, — говорилось в этой резолюции, — выражает твердую уверенность, что союз рабочих, солдат и крестьян — этот братский союз всех трудящихся и эксплоатируемых, — укрепляя завоеванную ими государственную власть и принимая со своей стороны все революционные меры к ускорению перехода власти в руки трудящихся масс в других более передовых странах, обеспечит таким образом прочную победу делу справедливого мира и делу социализма».

15 ноября сыграло большую роль в смысле расширения базы советской власти и укрепления союза между овладевшим властью пролетариатом и крестьянством. Как декрет о земле, коалиция с левыми эсерами и само название «рабоче-крестьянского правительства», так и соглашение от 15 ноября служили одной цели; эта цель, этот «высший принцип пролетарской диктатуры» — по позднейшему выражению В. И. Ленина: установление прочного союза с крестьянскими массами.

Что касается левых эсеров, то с их колебаниями и заблуждениями партии большевиков приходилось, однако, сталкиваться еще не раз.

День 4 ноября в ЦИКе открывает нам кусочек той внутренней борьбы, которая происходила между пролетарским авангардом и его крестьянским союзником в лице левых эсеров. По примеру демократических представительных учреждений левые эсеры внесли во ВЦИК сразу два запроса—о свободе печати и об ответственности Совнаркома перед ВЦИКом.

В первом запросе левые эсеры предлагали установить самую широкую свободу печати и высказывались против принятых Совнаркомом репрессивных мер по отношению к ряду буржуазных газет. ЦИК, после довольно горячих дебатов,

большинством 34 голосов против 24, принял резолюцию большевиков, которая резко высказывалась «против претензий и домогательств, продиктованных мелкобуржуазными предрассудками, или прямым прислужничеством интересам контрреволюционной буржуазии». В ответ на этот полученный ими отпор, левые эсеры сделали заявление, что «принятая большинством ЦИК резолюция о печати представляет собой яркое и определенное выражение системы политического террора и разжигания гражданской войны». В виду этого левые эсеры заявили, что они отзывают своих представителей из всех органов советской власти и остаются в ЦИКе только с информационными целями.

Другой запрос левых эсеров тоже представлял собой схватку формального демократизма с новыми принципами диктатуры пролетариата. Левые эсеры протестовали против опубликования от имени правительства ряда декретов без предварительного обсуждения и санкционирования их ЦИКом.

Выступивший с ответом на запрос, Ленин дал соответствующую отповедь «парламентаризму» левых эсеров. Он говорил: «Преступное бездействие правительства Керенского привело страну на край гибели. Промедление, воистину, смерти подобно, и, издавая законы, идущие навстречу чаяниям и надеждам широких масс, новая власть ставит вехи по пути развития новых форм жизни. Советы на местах, сообразно условиям местности и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные пожелания, которые создаются правительством. Живое творчество масс—вот основной фактор новой общественности».

Принятая ЦИКом резолюция решительно порывала с формально-демократическими иллюзиями левых эсеров. Резолюция устанавливала следующие принципы работы советского парламента: «1) Советский парламент рабочих масс не может иметь ничего общего по своим методам с буржуазным парламентом, где представлены разные классы с противоположными интересами и где представители правящего класса превращают регламент и наказ в орудие законодательной обструкции. 2) Советский парламент не может отказать СНК в праве издавать без предварительного обсуждения ЦИКа неотложные декреты в рамках общей программы Всероссийского с'езда советов» [1].

Принятие этой резолюции вызвало заявление левого эсера Закса, что оставшиеся наркомы берут «курс на социалистическую революцию» и что «взрывается мостик, перекинутый на тот берег» [2].

---

[1]) Протоколы ЦИКа 2-го созыва, стр. 29.
[2]) Там же.

После 4 ноября—«большого дня» в ЦИКе—вылазки левых эсеров не прекращались. Мертвый продолжал хватать живого.

24 ноября левые эсеры выступили с протестом против декрета о роспуске Петроградской городской думы, не утвержденного ранее ЦИКом. Последовательные до абсурда в своем «парламентаризме», они предлагали сначала принять постановление об отмене декрета, а потом принять декрет о роспуске городской думы в том виде, как он был издан. В дальнейшем мы видим левых эсеров, протестующими (на заседании ЦИКа 1 декабря) против «срыва» и «разгона» Учредительного собрания и «огульных репрессий» по отношению ко всей партии кадстов.

«Наша партия,—говорил Карелин,—является регулятором, умеряющим излишний пыл большевиков». Многие мероприятия советской власти он находил «теоретически приемлемыми, на практике слишком смелыми» [1]).

Нерешительность и шатания крестьянского союзника пролетариата, находившие свое отражение в перечисленных выступлениях левых эсеров, не могли не отразиться на руководящих органах пролетарской диктатуры. На III с'езде советов Свердлов, подводя итоги внутренней борьбе в ЦИКе в первый период, говорил:

«Дружная работа и полное единодушие в ЦИКе проявились, однако, не сразу. Вначале и в нем было сильное соглашательское течение, которое появилось под энергичным влиянием Викжеля. Эту болезнь ЦИК, однако, скоро преодолел и принялся за строительство чисто советской власти» [2]).

Мелкобуржуазный союзник пролетариата (равно как и мелкобуржуазные слои в самом пролетариате) привносил с собой демократические пережитки, которые до поры до времени смешивались с «чисто советской властью».

Поскольку Октябрьская революция в свой первый период уделяла еще много внимания «доделыванию» очистительной работы буржуазно-демократической революции—постольку это давало возможность существования до поры до времени демократических пережитков в советской системе.

Самым крупным пережитком этого рода было Учредительное собрание. К истории его созыва и ликвидации мы сейчас и перейдем.

[1]) См. «Новую жизнь» от 20/XII.

[2]) Свердлов—доклад на III с'езде советов, стр. 20.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Фетишизация Учредительного собрания демократией. Оттяжка в созыве Учредительного собрания при керенщине. Ход и исход выборов в Учредительное собрание. Раскол эсеров. Тактика большевиков в отношении Учредительного собрания. Левые эсеры и Учредительное собрание. Демонстрация 5 января 1918 г. Открытие Учредительного собрания. Роспуск Учредительного собрания и его значение.

Вокруг Учредительного собрания усилиями мелкобуржуазной демократии был создан прямо мистический культ. «Вещая и магическая сила Учредительного собрания»—писало «Дело народа» (19/XII). «Величайшая святыня народа»—вторили ему «Известия Исполнительного комитета крестьянских депутатов» (№ 169).

Революционная традиция—этот нематериальный фактор, становящийся в известных условиях немаловажной материальной силой—тоже немало способствовала созданию вокруг Учредительного собрания такого ореола.

Буржуазия отнюдь не разделяла фетишистского взгляда на Учредительное собрание. Ее отношение к нему никогда не было вполне ясным и последовательным. Буржуазия просто в данном случае «применялась к местности». Но, во всяком случае, *окружение Учредительного собрания ореолом несвойственной ему силы было для нее далеко не безвредно.* «Вот приедет барин—барин нас рассудит»—эта пропаганда демократии была вполне на-руку буржуазии, ибо позволяла откладывать разрешение всех острых вопросов до созыва Учредительного собрания.

Интерес буржуазии поэтому с самого начала свелся к всемерному продлению этого «выжидательного» периода, к максимальной оттяжке срока созыва Учредительного собрания до «лучших времен».

Чуть ли не на другой день после Февральской революции Родзянко указывал на невозможность Учредительного собрания во время войны [1]). Тогда же всплыл проект о введении

[1]) Суханов.—«Записки о революции» кн. I, стр. 204.

повышенного возрастного ценза (до 25, потом до 21 года) и ценза оседлости (6, потом 3 месяца) [1]).

Работы по выработке избирательного закона об Учредительном собрании шли с убийственной медленностью. 25 марта было созвано совещание для выработки закона об Учредительном собрании. Но только через 2 месяца, 25 мая, уже при коалиционном правительстве, состоялось первое заседание совещания. Итог его работы—«Положение о выборах»—был опубликован только 26 июня. Насколько далеко шел демократизм этого возглавленного кадетами совещания, показывает эпизод, имевший место 30 мая при рассмотрении вопроса о лишении избирательных прав бывшей царской фамилии и об ограничении в правах содержателей домов терпимости. Совещание признало, что «принадлежность к той или иной профессии, как бы она ни была отвратительна, не может служить поводом для ограничения в избирательных правах». При этом Маклаков аргументировал защиту избирательных прав Романовых тем, что они добровольно отреклись от престола. Только позднее, на заседании Временного правительства, была принята незначительным большинством поправка о лишении дома Романовых избирательных прав.

В июне Временное правительство назначило днем выборов Учредительного собрания 17 сентября, а днем созыва—30 сентября. Кадеты возражали, доказывая, что сперва надо создать земства, на что потребуется время до 1 ноября, и выборы нельзя произвести ранее 1 января 1918 г. Между тем, к концу июля в волостях не были еще даже начаты выборы гласных.

Первый успех контр-революционной буржуазии (после июльских дней) сопровождался новой угрозой созыву Учредительного собрания. Срок его выборов был отложен на 17 ноября, а созыва—на 28 ноября. Самые пустячные оговорки (вроде продолжительности ремонта и перестройки Таврического дворца) пускались в ход, чтобы оттянуть созыв Учредительного собрания.

В конце октября вожди «Донского казачества» предложили отложить выборы в Учредительное собрание ввиду «неподготовленности населения». Вслед за ними «общественные деятели» в Москве нашли невозможным «по техническим и политическим соображениям производить выборы, ввиду анархии в стране» (выражение члена Государственной думы В. Н. Львова). А другой «общественный деятель» Кузьмин-Караваев присовокупил, что «к Учредительному собранию власть не подготовлена, никаких законопроектов не выработ-

[1]) См. «Октябрьский переворот», ст. Рожкова «Ход революции», стр. 7.

тала». «День» писал тогда же, что «волна аграрных беспорядков может отложить... решение Учредительного собрания». Уже тогда становилось совершенно очевидно, что «Учредительное собрание может когда-нибудь явиться, но оно рискует явиться слишком поздно» [1]).

Оттягивая всячески Учредительное собрание, буржуазия старательно сохранила и цеплялась за такие законные «источники власти», как Государственная дума и Государственный совет.

Корниловцы, проводя с в о ю подготовку к Учредительному собранию, выдвинули проект об об'явлении Учредительным собранием временного президента, т.-е. о создании посредством Учредительного собрания и за его демократической ширмой единоличной диктатуры какого-нибудь «спасителя».

В самую последнюю минуту перед Октябрем была сделана еще одна попытка заменить Учредительное собрание таким подтасованным учреждением, как предпарламент.

Развал армии, углубление хозяйственного кризиса, локауты, угроза голода, крестьянские восстания,—все эти обстоятельства говорили яснее ясного о том, что без новой революции, либо Учредительное собрание вовсе не будет созвано, либо оно будет подделано и совершенно не будет отвечать стремлениям рабочих и крестьянских масс. Вот почему партия большевиков и включила в программу своих предоктябрьских требований лозунг Учредительного собрания.

Партия никогда не строила себе кумира из Учредительного собрания. Она ясно видела, что *Учредительное собрание представляет собой не что иное, как наиболее полное выражение надежд мелкой буржуазии на мирное, без потрясений, разрешение всех вопросов посредством коалиции с буржуазией.*

Еще в июле тов. Ленин писал о двух взглядах на Учредительное собрание, которые наметились с самого начала революции. «Эсеры и меньшевики, насквозь пропитанные конституционными иллюзиями, смотрели на дело с доверчивостью мелкого буржуа, не желающего знать классовой борьбы: Учредительное собрание будет—и баста! Что сверх того, то от лукавого. А большевики говорили: лишь в меру укрепления силы и власти советов созыв Учредительного собрания и успех его обеспечены. У меньшевиков и эсеров центр тяжести переносился на юридический акт: провозглашение, обещание, декларирование созыва Учредительного собрания. У больше-

[1]) И. Штейнберг.—«От Февраля к Октябрю», издание «Скифы», Берлин—Милан, стр. 83.

виков центр тяжести переносился на классовую борьбу: если советы победят—Учредительное собрание будет обеспечено, если нет—оно не обеспечено»[1]).

Как ни отрицательно партия относилась к наивной вере во всемогущество избирательного бюллетеня—в своей тактической линии она должна была все же считаться с наличием этой веры у руководимых ею масс, в особенности крестьянских. Чтобы убедиться в иллюзорности всеобщего избирательного права, массам нужен был собственный опыт. Самое главное, «чтобы массы опытом избавились от своих ошибок»[2]). Вот почему лозунг скорейшего созыва Учредительного собрания стоял не только в предоктябрьской программе большевиков, но и несколько месяцев после Октябрьского переворота.

Весь тактический расчет был тут, как видим, построен на изживании мелкобуржуазных иллюзий снизу, на опыте самих масс. Как в вопросе о земле, так и в вопросе об Учредительном собрании революционный пролетариат дал образец умного проведения тактики единого фронта по отношению к своему мелкобуржуазному союзнику.

Ссылки на Учредительное собрание в советских декретах[3]) прямо вытекали из данного Октябрьским переворотом обещания о скорейшем созыве Учредительного собрания. Но в то же время эти ссылки отнюдь не служили, как это было ранее при керенщине, предлогом для оттягивания проведения неотложных мер. Диктатура пролетариата, как мы видели раньше, не откладывала «до Учредительного собрания» удовлетворение насущнейших требований масс, а быстро и решительно проводила их в жизнь. Уже одна эта радикальная перемена наносила громадный удар фетишу Учредительного собрания. «По инерции мы еще составляли резолюции, издавали декреты, писали статьи и воспоминания с непременным упоминанием Учредительного собрания, но все эти упоминания носили какой-то мертвенный, формальный характер и вызывали скуку»—рассказывает В. Антонов-Саратовский[4]).

Каждый день господства пролетариата должен был снимать пышные ризы с Учредительного собрания и показывать народным массам их заблуждения. Оттого стали самыми горячими сторонниками немедленного созыва Учредительного со-

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 21.—«О конституционных иллюзиях»

[2]) Ленин, т. XIV, ч. I, стр. 18.

[3]) Традиционное «впредь до созыва Учредительного собрания» имелось в ряде актов советского правительства, в частности в первом же декрете II с'езда советов об учреждении совета народных комиссаров.

[4]) В. Антонов-Саратовский.—«Под стягом пролетарской борьбы», стр. 235.

брания как раз те самые партии, которые до этого стояли у власти и всячески оттягивали Учредительное собрание.

Вокруг лозунга Учредительного собрания—этой вершины «чистой демократии»—сразу произошла консолидация всех реакционных сил. Меньшевики и эсеры, которые могли выехать только на колеснице своего прошлого обаяния и на прошлых заблуждениях масс, всячески торопили созыв Учредительного собрания. Позабыв о своих собственных грехах в отношении Учредительного собрания, они теперь, совместно с кадетами, били в набат и кричали против всякой кажущейся им медлительности в созыве Учредительного собрания.

Выборы состоялись в огромном большинстве случаев в срок, назначенный еще Временным правительством. Демократическая терпимость была при этом проявлена пролетариатом наивысшая. Все партии и группы могли свободно вести предвыборную кампанию. В Москве Военно-революционный комитет об'явил неограниченную свободу печати на время выборов под единственным условием, что газеты не будут призывать к свержению ВРК. Лучшие и наиболее богатые плакаты были выставлены кадетами и эсерами, которые давно готовились к выборам и затратили на них огромные средства. Но никакие усилия буржуазных и мелкобуржуазных партий не могли воссоздать ореола, которым раньше было окружено Учредительное собрание. Накануне выборов в Петрограде 11/XI «Дело народа» вынуждено было сделать такое признание: «Об Учредительном собрании говорят... с необычайной тоской и, главное, неверием в него». «Эта наша последняя надежда—призывал эсеровский орган—это последняя ставка... Пусть же проснется вера в Учредительное собрание!» Никакие призывы не могли, однако, воскресить былое мистическое преклонение перед Учредительным собранием.

«Не заметно никакого особенного под'ема, который мог бы соответствовать тому великому делу, какое сейчас совершается»—писало через несколько дней, уже во время выборов, то же «Дело народа» (№ 209). «Те, кто голосовал бы за большевиков—говорил на заседании Петроградского комитета большевиков 8 ноября один из ораторов—из-за равнодушия к Учредительному собранию вовсе голосовать не будут. Например, солдаты школы сварщиков 2-ой автороты говорили: на что нам Учредительное собрание, когда власть в наших руках?» [1])

Предвыборная кампания не велась даже в Петроградской губернии. Никто не проверял списков, многие не получали полностью всех списков. «Известия ЦИКа» отмечали полный

[1]) «Красная летопись» № 6 за 1923 г. Заседание ПК от 8 ноября.

индиферентизм населения к выборам. В районные комиссии по справкам никто не является. «В среде рабочих—писала газета—нет под'ема, нет интереса к выборам в Учредительное собрание».

В провинции выборы прошли «вяло, без увлечения, без надлежащего под'ема» [1]). В саратовской губернии отмечают, что «граждане снова поспешили уйти в свою обывательскую скорлупу». В Симбирске из 52 тысяч выборщиков голосовало только 18.142. В Калуге голосовало 36%. В Нижнем-Новгороде—37%. В Могилеве первый день выборов прошел «крайне вяло, и к урнам явилось обидно мало граждан. Интеллигенции почти не было». В Ростове отмечают «усталость, раздраженность, апатию» [2]).

Равнодушие к былому кумиру особенно характерно для промышленных центров страны. Тем не менее, результаты выборов в Учредительное собрание в этих центрах высоко интересны.

Распределение голосов по обеим столицам — Петрограду и Москве—таково: эсеры—218,0 тыс. голосов, большевики—837,0 тыс., кадеты—515,4 тыс. [3]). Таким образом в столицах большевики собрали почти в 4 раза больше, чем эсеры, и больше, чем эсеры и кадеты, вместе взятые. Революционный авангард пролетариата, сосредоточенный в индустриальных центрах страны, беззаветно шел за большевиками.

Очень симптоматично в этом отношении полное поражение меньшевиков на выборах в Учредительное собрание: они собрали в Петрограде и в Москве всего по 3% голосов. Если сложить 668 тысяч голосов, полученных меньшевиками по всей стране, кроме Закавказья, с 700 — 800 тыс., полученными ими в Закавказье, то все-таки поражение меньшевиков на выборах в Учредительное собрание огромно (1,4 млн. против 9 млн. большевистских голосов). Эти данные свидетельствуют о подавляющей победе большевиков над единственной конкурировавшей с ними среди пролетариата партией. Сами меньшевики тоже вынуждены были признать свое гигантское поражение. «Партия потерпела жестокое поражение на выборах в Учредительное собрание. Поражение в сущности стерло

---

[1]) «Новая жизнь» от 2/XII.

[2]) Там же.

[3]) Исчерпывающих официальных данных об итогах выборов в Учредительное собрание не имеется. Эти и последующие данные по выборам в Учредительное собрание, охватывающие 54 избирательных округа из общего числа 79—привожу по ст. Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (т. XVI, стр. 438 — 459) и по ст. Н. Святицкого в эсеровском сборнике «Год русской революции».

в порошок политическое представительство партии и свело к нулю ее организационное влияние и значение. И можно ли говорить об РСДРП, раз ее парламентское представительство состоит почти исключительно из депутатов, прошедших от Кавказа голосами гурийских крестьян?» [1])

Оценивая итоги выборов в Петрограде, меньшевистская «Рабочая газета» писала: «Большевики владеют сейчас гарнизоном. За них большинство рабочих, еще не разглядевших всего обмана их якобы «социалистической» диктатуры. К ним примыкают все недовольные и неспокойные элементы города». «Новая жизнь» писала об этих же выборах: «Рабочие Петрограда и для Учредительного собрания признали большевиков своими вождями и выразителями своих классовых чаяний. Именно за ними и с ними они готовы итти на борьбу со своими классовыми врагами, которые густыми толпами стеснились под кадетские знамена». «День» (от 14/XI) говорил о том, что пригороды «все блага жизни ожидают от большевиков, а не от Учредительного собрания, которое по их словам является лишь ловушкой буржуазии». Подавляющий перевес, полученный большевиками в столицах, был естественным итогом не только той работы, которую партия проводила в период между Февральской и Октябрьской революциями. Это плод выдержанной долголетней революционной работы партии и, в частности, ее борьбы со всякими оппортунистическими течениями в рядах рабочего класса.

В армии голосование в Учредительное собрание дало следующие результаты: за эсеров—1.885.100 голосов, за большевиков — 1.791.300 голосов (включая Балтийский флот). Таким образом, большевики получили немногим менее, чем эсеры, и собрали около половины голосов в армии. Крайне важно при этом распределение голосов по фронтам: оказывается, что подавляющий перевес мы имели на ближайших к столицам фронтах (на Северном фронте—480 тыс. против 240 тыс. за эсеров, на западном—653,4 тыс. против 170,5 тыс. за эсеров). Потерпев поражение на выборах в столицах и одержав очень сомнительный успех на выборах в армии, эсеры главное свое внимание перенесли на деревню. «Я не боюсь за выборы в Учредительное собрание в деревне—говорил Чернов на совещании старого Исполнительного комитета советов крестьянских депутатов.— Нас выручит не город, а деревня».

Этот расчет имел в действительности немало реальных оснований. В крестьянстве иллюзорность Учредительного собрания была менее разоблачена, вера в Учредительное собра-

[1]) «Наш голос», социал-демократический сборник, № 2. Москва.

нне была более сильна, чем в рабочем классе. Декреты советской власти доходили до провинциальной глуши с громадным опозданием. Н. Святицкий, один из лидеров эсеров, избранный впоследствии секретарем Учредительного собрания, вынужден признать эту важнейшую причину эсеровских успехов. «Всякие лозунги, даваемые из центра, — пишет он,— крайне нескоро докатываются до периферии, слабея и замедляясь прямо пропорционально расстоянию» [1]).

Организованных членов партии—большевиков—в деревне было сравнительно мало. Деревня заполнялась сплетнями буржуазной и эсеровской печати. Крестьянство — в громадной своей части продолжало жить старой клеветой о большевиках—«германских шпионах» и т. д.—клеветой, которая в течение долгих месяцев в громаднейших тиражах расходилась по всей стране и распространение которой не было прекращено даже после Октября. Крестьянству, среди которого был огромный процент неграмотных, было особенно трудно разбираться в программах различных партий. Количество списков (в некоторых местах доходившее до 20; в Харьковском округе их было, например, 22) совершенно сбивало с толку и спутывало только недавно начавшие жить политической жизнью крестьянские массы.

Деревня совершенно не была подготовлена и к тяжеловесной технике всеобщего избирательного права с пропорциональным голосованием. На местах поэтому выборы в Учредительное собрание сопровождались бесчисленными нарушениями самых элементарных правил выборного производства и прямыми злоупотреблениями, которые особенно облегчались массовой неграмотностью деревенского населения.

В результате нередко получалась одна карикатура на многочисленные формальности всеобщего голосования. Во многих местах выборы производились, несмотря на то, что не было всех списков. Редко, где эти списки об'являлись во-время, т.-е. за 40 дней до выборов, как то полагалось по «Положению». Были случаи, когда женщин не допускали к урнам (Исагорский уезд, Архангельской губернии) [2]). В Дроздовской волости Псковской губернии избирателям не было вручено ни одного удостоверения, ни одного бюллетеня и конверта, а выборы производились простой отметкой на листе бумаги. В другой волости того же района выборы производились без урн, бюллетени подавались открыто на стол [3]).

Идея равного избирательного права тоже дала трещину. Так, команда 3 армейского корпуса вынесла требование, чтобы

[1]) Н. Святицкий. — «Большевизм и Учредительное собрание» в сб. «Большевики у власти». Москва 1918 г.
[2]) «Правда» от 17/XI.
[3]) «Правда» от 30/XII.

от армии один представитель в Учредительное собрание выбирался не от 100, а от 50 тыс. на том основании, что в армии сейчас находятся лучшие силы страны. Такое же требование вынесла и команда 171 пехотного полка [1]). От идеи двойного представительства лучших сил, находящихся в армии, лишь один шаг к предоставлению избирательных прав только лучшим силам всей страны—трудящимся. Мы видим, как уже тогда в этой примитивной форме созревало сознание недостаточности формальной демократии для трудящихся масс. Были случаи, когда крестьянство, разуверившееся в Учредительном собрании, отказывалось вовсе принимать участие в выборах; так, например, крестьяне Апраксинской волости Костромского уезда отказались производить выборы, так как всякие выборы «ведут лишь к новым расходам». То же имело место и в Казанской губернии. Один из советов крестьянских депутатов прислал такое заявление: «Голосование на выборах в Учредительное собрание тогда лишь будет всеобщим, когда каждый избиратель сможет написать на избирательном бюллетене № списка, за который он голосует. Раньше обучите неграмотных товарищей писанию цифр и их значению» [2]).

Уже одних приведенных данных достаточно, чтобы видеть, как фактически несовершенна даже самая совершенная форма демократии, когда огромная масса народа неграмотна, беспомощна и может только формально почитать себя «равноправной». Церемониал самых выборов тоже очень показателен. «Сами выборы — сообщал из Козловского уезда корреспондент «Дела народа» (№ 242) — в большинстве селений обставлялись торжественно. Перед началом их служился молебен, говорились речи и т. п.».

В тон этому молебственному настроению, Чернов в том же «Деле народа», писал, что «в русской деревне мужики на выборы шли в совершенно необычайном торжественном настроении, как будто для какого-то святого таинства».

Деревня своей численностью решила исход выборов в Учредительное собрание. Общий итог по 54 избирательным округам (из общего числа 79) представился в таком виде:

партия пролетариата (большевики)	— 9,02 млн. голосов		—25%
партии мелкобуржуазной демократии (эсеры, меньшевики, народные социалисты и т. д.)	—22,62 »	»	—62%
партии помещиков и буржуазии (кадеты, союз земельных собственников и т. д.)	— 4.64 »	»	—13%
Всего. . . .	—36,28 »	»	—100%

[1]) «Известия Петроградского совета» от 3/X.
[2]) «День» от 24 октября.

Характерно распределение голосов по районам: в Северной области большевики получили 40%, в Центрально-промышленном районе — 44%, в Западном — 44%, в армии и флоте — 38%; количество поданных за большевиков голосов меньше в Поволжско-черноземном округе—16%, в Восточно-уральском—12%, Сибири—10%, Украине—10% [1]. Эти данные, в которых крестьянские голоса сливаются с пролетарскими, наталкивают на вполне определенный вывод: в губерниях Центральной России, до которых дошел декрет о земле, крестьянство в громадной массе отдало голоса большевикам.

Чтобы правильно оценить исход выборов, необходимо еще учесть несколько деталей избирательной кампании. Всероссийская комиссия по делам о выборах в Учредительное собрание была долгое время в руках кадетов и эсеров. После Октябрьского переворота комиссия отказалась иметь дело с «захватчиками». Тем не менее она просуществовала до 7 декабря. «Это безумие какое-то,—писала «Правда» 22 ноября—только излишним великодушием рабочих и солдат можно об'яснить тот факт, что откровенные корниловцы распоряжаются выборами в Учредительное собрание».

На местах избирательные комиссии находились под влиянием тех же враждебных советской власти групп. В окружной комиссии, например, председательствовал председатель губернского земского собрания. Членами были: товарищ председателя окружного суда, 2 представителя городской управы губернского города, 2—губернской земской управы и представители политических групп. Избирательная география тоже была построена в расчете на возможное умаление значения промышленного пролетариата. Всячески увеличивалось число представителей от крестьянских округов (например, от Кубано-Черноморской области было намечено 14 депутатов, потом установили 16; от Оренбургского округа наметили 11 депутатов, потом увеличили до 12; области войска Донского предоставили 18 мест вместо прежних 17) [2]. Там, где было выгодно буржуазии и «демократии» — избирательные округа приравнивались к губерниям, где же это было невыгодно — образовывались особые округа. Петрограду, с его мощным промышленным пролетариатом, с его громадным удельным весом в стране, было предоставлено в Учредительном собрании всего 2% мест (только 19 депутатов из 800).

---

[1]) Н. Святицкий. Статья «Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание» в эсеровском сборнике «Год русской революции», стр. 115.

[2]) «Дело народа» от 20/X.

Формальная демократия грозила совершенно подавить город и оттеснить его назад превалирующей численностью крестьянства. Потопить диктатуру пролетариата в море «деревенщины» —таков был план, который диктовался эсерам их поражением в Октябре.

Но умаление руководящей роли города было далеко не единственным дефектом формальной демократии. Тяжеловесный аппарат всеобщего избирательного права не мог поспевать за скачкообразным революционным развитием масс. Голосуя в ноябре за эсеровские списки, составленные еще в сентябре—начале октября, деревня голосовала за партию, которая фактически уже не существовала.

Та партия, которая выступала на выборах, как единая партия, и которая в чисто крестьянских районах собирала 62 — 77% всех голосов, оказалась расколотой на ряд совершенно противоположных частей, разошедшихся по самым основным вопросам в разные стороны. Этих частей было по крайней мере три:

Первая часть — правые (газета — «Воля народа»). Сюда входили, главным образом, «патриархи», «реликвии» и кумиры партии (лидеры—Брешко-Брешковская, Керенский, Савинков, Лебедев). Позицию этой группы лучше всего характеризуют следующие два отзыва. Первый отзыв принадлежит кадетам и написан по поводу ультиматума, пред'явленного правыми эсерами («Организационным советом») своему ЦК. «Разве основные требования партии народной свободы, — писала «Речь», — не совпадают целиком с тем ультиматумом, который заслуженная группа социалистов - революционеров пред'явила своему ЦК?» [1]) Другой отзыв со стороны своих же. «Дело народа» (24/XI) в статье левого эсера Коган-Бернштейна в таких выражениях отзывалось о поведении «патриархов» на Демократическом совещании: «Такого старческого маразма и такого рабского испуга перед опасностью остаться вне коалиции, какой им (т.-е. правым центром) был обнаружен во время Демократического совещания, вероятно, не было ни в одной социалистической партии». Такова была физиономия правой части партии эсеров.

Вторая часть — Черновский центр (лидеры — Зензинов, Гоц, Ракитников, Чернов. Газета—«Дело народа»). Основной политической линией центра была «линия зигзагов». В решающем голосовании о коалиции лидер этого центра обессмертил себя тем, что воздержался от голосования. Главная задача центра сводилась к тому, чтобы—говоря словами «воззвания группы старых работников партии социали-

[1]) М. Ольминский. — «1917 год», стр. 204.

стов-революционеров»— «растяжимыми каучуковыми резолюциями создавать видимое единство между элементами, разошедшимися по самым основным вопросам в разные стороны»[1]).

Третья часть—левые эсеры (лидеры—Камков, Карелин, Малкин, Спиридонова. Газета— «Земля и воля»). Их откол от партии социалистов-революционеров обозначился еще на III с'езде в Москве 25 мая—4 июня. Левые (Камков, Спиридонова, Натансон) на выборах в Петроградскую городскую думу шли в блоке с большевиками. На Всероссийском с'езде губернских крестьянских советов за левых против Авксентьева была почти половина с'езда. На Демократическом совещании левые организовались, как самостоятельная фракция, и голосовали самостоятельно по всем важнейшим вопросам. Показательно, что в рядах левых была Петроградская организация эсеров. Конференция этой последней высказалась: 1) против коалиции и за однородное правительство, ответственное перед центральным органом революционной демократии, 2) за переход всей земли со всем инвентарем к земельным комитетам до Учредительного собрания, 3) за немедленное введение рабочего контроля, 4) за максимальный налог на имущие классы, 5) за твердые цены на товары и т. д.—целиком за большевистскую программу действий. Но левые эсеры оставались еще в одной партии с правыми и с центром.

К первым числам октября, когда составлялись списки в Учредительное собрание, раскол еще не оформился. Впоследствии, лишь 27 ноября, Петроградская организация социалистов-революционеров, как левая, была распущена ЦК.

Окончательно раскол оформился только позже, на IV с'езде партии эсеров, 26 ноября—5 декабря 1917 г.

Пока же все разнородные части социалистов-революционеров выступали перед массами под одной вывеской. И Чернов, и Камков, и Керенский, и Савинков,—все были эсерами. «Партия соединила в своих рядах много, слишком много народа. Но она уже не армия, которая ведет борьбу за свои идеалы, за свою программу, сколько арена борьбы разнородных элементов»,—говорило воззвание «группы старых работников партии социалистов-революционеров»[2]).

«Воля народа» в середине октября спрашивала: могут ли официозы партии итти «кто в лес—кто по дрова»? «Один—защищать диктатуру советов, другой—отрицать; один—защищать оборону, другой—требовать перемирия на всех фронтах; один—отрицать возможность и необходимость перехода всех

[1]) «Партийные известия»—еженедельный журнал ЦК партии эсеров, № 2, от 5/X 1917 г.

[2]) «Партийные известия» № 2.

земель в ведение земельных комитетов, другой—призывать к этому; один—признавать коалицию, другой—отрицать ее. Неужели же разноречие официозных органов партии является демонстрированием единства?»

Октябрьский переворот еще больше разделил и раз'единил временно сочетавшиеся в одной партии чужеродные элементы. Левый социалист-революционер Саблин руководил ликвидацией Московского градоначальства, находившегося в руках социалистов-революционеров правого крыла. Две группы внешне единой партии, как враги, встретились на октябрьских баррикадах.

Несмотря на это, избирателям предоставлялось голосовать за одну партию социалистов-революционеров по спискам, которые составлялись до Октябрьского переворота и в которые вошла только одна пятая часть левых социалистов-революционеров, да и то помещенных в конце.

Маркс писал в «Гражданской войне во Франции», что «самой наглой клеветой, пущенной в ход в Версали,—было утверждение, что «деревенские депутаты» национального собрания являлись представителями французских крестьян». То же самое можно с полным основанием сказать о господствовавших в Учредительном собрании эсерах по отношению к русскому крестьянству. Ноябрьско-декабрьские выборы в Учредительное собрание, происшедшие тогда, когда массы еще не успели ознакомиться с пролетарским переворотом, не были в состоянии правильно уловить и отразить перемены во взглядах масс.

Пропорциональная система выборов предопределяла коалиционный характер Учредительного собрания. Созыв такого Учредительного собрания означал бы возвращение вспять—к временам коалиции, достаточно себя дискредитировавшей.

Какую же линию по отношению к Учредительному собранию, в котором преобладали социалисты-революционеры, должен был занять революционный пролетариат? Он решил все-таки созвать Учредительное собрание и открыть его работы.

Созыв Учредительного собрания есть результат «конституционных иллюзий», которые продолжали еще жить в мелкобуржуазных массах и находили даже некоторый отклик в среде революционного пролетариата и его партии. «Правда» писала в это время: «К сожалению и в среде подлинной демократии еще не вполне изжиты конституционные иллюзии, связанные с Учредительным собранием. Многие искренние сторонники советской власти наивно полагают, что борьба за Учредительное собрание есть борьба за демократическое учреждение, а не борьба классов»...

В этой связи нам следует подробнее разобрать идею «комбинированного типа государственности». Согласно этой идее, как она представлялась некоторым товарищам (Ногин, Каменев) в период Февральской революции, Учредительное собрание должно было собой увенчать буржуазно-демократическую революцию. Советы же—только временные учреждения. Постепенно они должны будут передать свои функции соответствующим учреждениям—думам, земствам, профсоюзам, наконец—Учредительному собранию, и тем самым сойдут со сцены (см. речь тов. Ногина на апрельской конференции).

Позднее мы встречаемся со схожей трактовкой идеи «комбинированного типа государственности» в печально-известном письме от 11 октября тт. Зиновьева и Каменева; в этом документе идея «комбинированной государственности» выдвигалась в виде курса на влиятельную оппозицию внутри Учредительного собрания.

Возможность сосуществования советов и Учредительного собрания допускал также и Ленин. Но какая разница между постановкой вопроса тов. Ногиным в апреле 1917 г., или Зиновьевым-Каменевым в октябре 1917 г., и постановкой вопроса Лениным!

Вот характерная выдержка из речи тов. Ногина на апрельской конференции:

«В процессе развития—говорил он—самые важные функции советов отпадают. Целый ряд административных функций передается городским, земским и т. д. учреждениям. Если мы будем рассматривать дальнейшее развитие государственного строительства, мы не можем отрицать, что будет созвано Учредительное собрание, а за ним парламент. Таким образом выходит, что постепенно наиболее важные функции советов отмирают. Однако, это не значит, что советы позорно кончают свое существование. Они только передают свои функции» [1].

Теперь сравним это с выдержкой из статьи Ленина «Задачи пролетариата в нашей революции», относящейся тоже к периоду Всероссийской апрельской конференции. Вот что в ней писал Ленин: «Республика советов рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов, об'единенных Всероссийским Учредительным собранием народных представителей, или Советом советов (курсив наш.—*З. С.*)—вот что уже входит в жизнь у нас теперь, в данное время, по инициативе многомиллионного народа, самочинно творящего демократию по-своему [2]).

---

[1]) «Общегородская и Всероссийская конференции РСДРП(б) в апреле», стр. 69.

[2]) Ленин, т. XIV, ч. I, стр. 47.

Итак, для тов. Ногина была неизбежна перспектива самоликвидации советов. Ленин же, разумеется, никогда ни в какой мере не солидаризировался с таким взглядом. В апреле, когда можно было строить только догадки о дальнейшем ходе революции, Ленин допускает и возможность таких обстоятельств, когда «Учредительное собрание народных представителей» становится во главе «Республики советов». Но Ленин уже и тогда говорит о другой возможности, когда не Учредительное собрание, а «Совет советов» возглавит республику советов. Какой из этих вариантов вероятнее, в какой точно форме произойдет перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую,—Ленин не говорит по тем причинам, что он тут же подчеркивает «инициативу многомиллионного народа, самочинно творящего демократию по-своему». Но оба возможных по Ленину варианта одинаково чужды ликвидаторских настроений в отношении советов; оба они рассматривают советы, как костяк нового порядка, и республику советов, как безусловно неизбежную, вне зависимости от той формы (Учредительное собрание или Совет советов), в которую выльется окончательно организация советской власти.

Позднее, в решающие дни октября 1917 г., партии и Ленину пришлось снова столкнуться с «конституционными иллюзиями» одной своей небольшой части. Группа Зиновьева-Каменева, обосновывая свой пессимизм и свое неверие в силы советского переворота, писала: «Советы должны быть револьвером, приставленным к виску правительства с требованием созыва Учредительного собрания и отказа от корниловских попыток». Ленин квалифицировал эту позицию как отказ от восстания, «отказ от передачи власти советам и «передача» всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая обещала созвать Учредительное собрание» [1]).

«Неужели трудно понять,—бичевал он штрейкбрехеров,—что при власти в руках советов Учредительное собрание обеспечено, и его успех обеспечен? Это тысячи раз говорили большевики. Никто ни разу не пытался опровергнуть этого. Такой «комбинированный тип» все признавали, но протащить теперь под словечком «комбинированный тип» отказ от передачи власти советам, протащить тайком, боясь отречься от нашего лозунга открыто,—что это такое? Можно ли подыскать для характеристики этого парламентские выражения?» [2])

Зиновьев и Каменев говорили: «...Мы усиливаемся с каждым днем, мы можем войти сильной оппозицией в Учредительное собрание, к чему нам все ставить на карту...» Ленин вы-

[1]) Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 275.
[2]) Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 276.

смеивал этот «довод филистера, который «читал», что Учредительное собрание созывается и доверчиво успокаивается на легальнейшем, лойяльнейшем, конституционном пути».

«Жаль только,— продолжал Ленин,— что ни вопроса о голоде, ни вопроса о сдаче Питера ожиданиями Учредительного собрания решить нельзя. Эту «мелочь» забыли наивные, или растерявшиеся, или давшие себя запугать, люди... Или от того, что мы, большевики, провозгласим веру в созыв Учредительного собрания, от этого голод согласится подождать? Скрывшиеся генералы согласятся подождать? Маклаковы и Родзянко согласятся прекратить локауты, саботаж подвоза хлеба, тайные сговоры с английскими и немецкими империалистами? Ведь так выходит у героев «конституционных иллюзий» и парламентского кретинизма. Живая жизнь исчезает—остается только бумажка о созыве Учредительного собрания, остаются только выборы... О, мудрецы!» [1])

Таким образом, если Ленин одно время и допускал возможность «комбинированного типа государственности», то, тем не менее, эта идея никогда не служила у Ленина для «конституционных иллюзий» или для запугивания пролетариата «изоляцией» и гибелью, как это имело место у Зиновьева—Каменева.

Идея «комбинированного типа государственности», в ее ленинском понимании, имела в виду, прежде всего, необходимость максимальной тактической гибкости в привлечении мелкой буржуазии на свою сторону. Где речь идет о союзе с основной массой крестьянства, там—учит ленинская тактика—необходимо проявить наивысшую осторожность и внимательность.

В крестьянстве продолжала жить вера в Учредительное собрание, и большевистской партии с этим приходилось считаться. Правда, авторитет Учредительного собрания в глазах масс чрезвычайно преувеличивался в то время.

Позиция левых социалистов-революционеров, отражавших настроение наиболее близкой к нам части деревни, подкрепляла это преувеличение степени веры масс в Учредительное собрание. Левые эсеры, больше всего заботившиеся о созыве Учредительного собрания, горячее всех стояли теперь и за открытие его работ. «Знамя труда» писало: «Широкие трудовые массы связали с Учредительным собранием осуществление целого ряда заветных нужд, и подходить к Учредительному собранию уже в силу одного этого, не касаясь всего остального, всякий честный демократ и революционер должен с большой осторожностью». Карелин в ЦИКе, отражая несомненно остатки сохранившихся в массах мелкобуржуазных иллюзий, говорил: «Нельзя отметать формальности, которые часто играют боль-

[1]) Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 277—278.

шую и почетную роль. К вопросу об Учредительном собрании надо подходить осторожно, чтобы не нарушить его нормального хода занятий, тем более при тех надеждах, которые возлагаются на него массами» [1]). Левые эсеры больше всего дорожили Учредительным собранием, так как хотели покрыть решение земельного вопроса его авторитетом и преувеличивали веру крестьянских масс в этот авторитет. Готовясь к положительной работе в Учредительном собрании, левые социалисты-революционеры вели переговоры с центром (группой Чернова) и надеялись привлечь его на свою сторону и с ним сговориться.

Тактический расчет левых социалистов-революционеров заключался в том, что в Учредительном собрании будет группа партийно-неопределившихся членов и что эта группа в известной части склонится к блоку большевиков с левыми социалистами-революционерами. Этот же блок, по расчетам левых социалистов-революционеров, должен был составить не меньше половины членов Учредительного собрания. Возможно. что этот, оказавшийся ошибочным, тактический расчет разделялся тогда и некоторыми руководителями большевистской партии и сыграл свою роль в созыве Учредительного собрания. Но не это—главное в об'яснении тактики революционного пролетариата. Главное—это нежелание оттолкнуть от себя мелкобуржуазные массы и осторожность к Учредительному собранию, которая вытекала отсюда.

Эта осторожность не мешала партии в своей повседневной работе разоблачать перед массами иллюзорность всеобщего голосования и раз'яснять преимущества советской системы перед формально-демократической.

Но для того, чтобы массы на собственном опыте убедились в этом, необходимо было, чтобы Учредительному собранию была дана возможность собраться и чтобы оно само в процессе своей работы выявило свое отношение к советскому режиму. Этим об'ясняется то, почему Учредительное собрание было созвано большевиками, несмотря на то, что в нем большинство принадлежало эсерам.

Как только Учредительное собрание противопоставило себя советскому строю, революционный пролетариат ни на минуту не задумался наложить свою руку на этот демократический фетиш. Этим об'ясняется то, почему вслед за созывом Учредительного собрания и после одного дня его работы Учредительное собрание было распущено. Уже перевыборы Московской городской думы (в начале ноября) и Петроградской городской думы (21 ноября), давшие большинство в них большевикам, предвещали Учредительному собранию его неминуе-

[1]) Протоколы ЦИКа 2-го созыва.

мую судьбу. Репрессии против кадетов, которые были об'явлены врагами народа (28 ноября), и против ряда других депутатов Учредительного собрания, представителей мелкобуржуазной демократии, участвовавших в контр-революционном сопротивлении советской власти, не встретили никакого массового протеста. И в этом был симптом равнодушия к Учредительному собранию, которое охватывало все более широкие массы по мере удовлетворения их нужд пролетарской государственной властью, и в конечном счете предрешило участь Учредительного собрания.

Обаяние Учредительного собрания стало таять даже среди крестьянства. Характерным выражением этого явился II Всероссийский с'езд советов крестьянских депутатов, состоявшийся 2 декабря. На нем 321 депутат высказались против принятия резолюции с протестом по поводу репрессий в отношении членов Учредительного собрания; за принятие этой резолюции высказалось 359 депутатов, и на этой почве произошел раскол с'езда на две части. Настроение руководящей группы Учредительного собрания все понижалось. «Дело народа» стало говорить об Учредительном собрании, как о «последнем прибежище народной свободы». Чернов пессимистически ораторствовал об Учредительном собрании, «как о соломинке, которая одна только может спасти Россию».

Чем безнадежнее становилось дело свергнутых Октябрьской революцией партий, тем решительнее были они склонны перейти от парламентаризма к методам прямого действия. Депутат Учредительного собрания Каледин как раз к моменту открытия Учредительного собрания вел бои против советской власти на Дону. На IV с'езде социалистов-революционеров держались такие речи: «Сейчас не время мирных резолюций, а нужны действия». Оратор Большаков сожалел, что «в первые дни большевистского восстания партия не применила террора: она стерла бы с лица земли этих мошенников и авантюристов» [1]).

Попытка — далеко не парламентская — свергнуть советскую власть и была приурочена как раз к 5 января—дню открытия Учредительного собрания.

На созванной накануне 5 января конференции «союза защиты Учредительного собрания» докладчик Филипповский прямо ставил вопрос: «5 января будет поворотным моментом русской революции. Учредительное собрание в этот день вступит в открытую борьбу с СНК. Ход и исход этой борьбы будет зависеть от того, насколько активны будут пролетарские массы. Необходимо оставшийся краткий срок использовать для политической, а не только технической подготовки манифе-

[1]) «Дело народа» от 30 ноября.

стации. Ни для кого не тайна, что Учредительное собрание и СНК рядом существовать не могут. Мощная манифестация рабочих и солдат в защиту Учредительного собрания может и должна послужить одним из средств, безболезненно ликвидирующих борьбу СНК с Учредительным собранием» [1]). План демонстрации был намечен такой: предполагаемая массовая демонстрация во главе с 5 бронс-дивизионом (единственной частью, согласившейся выступить) и боевыми дружинами (которые имели реально не более 80 человек) должна была направиться к Семеновскому полку. «При виде этой картины» Семеновский полк присоединяется. Тогда «народное восстание» двигается к Преображенскому полку, втягивая по возможности дорогою колеблющиеся воинские части, примерно—электротехнический батальон. После присоединения Преображенского полка все движется к Таврическому дворцу. Оттуда начинаются активные действия [2]).

Приготовления эсеров заставили пролетарскую власть насторожиться. «Мы подходим к 5 января — говорил Бонч-Бруевич на заседании Петроградского совета 3 января—и я должен предупредить вас, что мы должны встретить этот день с должной серьезностью. Ибо, может быть, нам предстоит в последней схватке навсегда сбросить все то, что мешает той судьбе, которую Россия определила себе. Эта схватка, может быть, их последнее судорожное усилие, и пусть каждый спросит себя: готов ли он к ней?»

«Новая жизнь» оказалась на сей раз более близкой к действительности: «Трудно предсказать, что произойдет завтра,— писала она накануне открытия Учредительного собрания,—но можно быть уверенным, что ничего решающего».

Действительно, в день 5 января собралось всего 60—70 боевиков; из них вооружена была приблизительно половина. Комитет Семеновского полка беспрерывно заседал. Он ждал директивы эсеровской фракции Учредительного собрания, но Центральный комитет эсеров боялся взять на себя руководство и ответственность. Полк начал колебаться. «Мы пассивно выжидали, какие размеры примет демонстрация, в какую форму она выльется. Вооруженного, массового, стихийного столкновения не произошло [3]), и мы бездействовали» — рассказы-

[1]) «Бюллетень Всероссийского союза защиты Учредительного собрания» № 10 от 31/XII.

[2]) Г. Семенов-Васильев. — «Военная и боевая работа социалистов-революционеров», стр. 11—13.

[3]) Антонов-Овсеенко в своих «Записках о гражданской войне» называет максимальную цифру участников демонстрации 5 января в 5 тыс. человек. Изгоев в «Архиве русской революции» Гессена называет совершенно фантастическую цифру участников демонстрации в 50 — 60 тыс. человек. Но и он говорит, что «основную массу вышедших на улицу лю-

вает активный участник событий Г. Семенов (в цитированной выше книге). Другой участник событий в 5 броне-дивизионе В. Шкловский рассказывает: «Части на манифестацию за Учредительное собрание не вышли. Пришла одна только маленькая команда в 15 человек с плакатом: «Команда слухачей приветствует Учредительное собрание...» «Как-то случилось,— рассказывает он,—что машины, которых ждали люди, не выехали. Поговорили, поспорили и не решили приказать [1]). Эсеровская фракция Учредительного собрания в последнюю минуту умыла руки и об'явила, что борьба за Учредительное собрание должна ограничиться стенами Таврического дворца.

Дан признается, что «*в день 5 января, когда решалась судьба Учредительного собрания, сравнительно незначительная часть рабочей массы встала на его защиту. Большинство рабочих отнеслось к нему выжидательно, часто—равнодушно, иногда—резко-враждебно... Рабочая масса прошла мимо своего собственного детища* (т.-е. *Учредительного собрания*), *отвернулась от него*» [2]).

При таких предзнаменованиях начался день открытия Учредительного собрания—«день веков», как по обыкновению высокопарно назвали его эсеры [3]). Депутаты—по описа-

дей составляла интеллигенция, студенчество разных школ». «Ни на одну минуту не было сомнения,—пишет Изгоев,—что ничего не будет, что это только торжественные похороны по 1-му разряду. В толпе не чувствовалось ни малейшего энтузиазма... За Учредительное собрание не хотели умирать. Эта идея не была идеей—силой». «Архив», т. X, стр. 24. Статья «Пять лет в Советской России».

«Несмотря на всю свою энергию,—свидетельствует Б. Соколов,— Комитету (защиты У. С.) все же удалось очень мало проникнуть внутрь рабочих масс, и пропаганда его в этом направлении была ничтожна и, боюсь сказать, почти бесследна». «Архив русской революции» Гессена. Т. XIII. Берлин. Б. Соколов. «Защита Всероссийского Учредительного собрания».

[1]) В. Шкловский.—«Сантиментальное путешествие».

[2]) Газета «Народовластие» № 1.

[3]) Фракция эсеров Учредительного собрания давно готовилась к этому дню. Энергично работал ряд комиссий—земельная, по народному образованию, по иностранным делам,—заготовлялись проекты законов, о которых велись длиннейшие споры. Комиссия первого дня открытия Учредительного собрания («Комиссия открытия») тщательно учла все детали—кто должен открыть Учредительное собрание, какие ораторы и в каком порядке выступать. «Комиссия открытия» предусмотрела долгое ночное заседание и возможность оставления Учредительного собрания без света и еды. На этот случай ею было отдано распоряжение о заготовке свечей и «нескольких сотен (быть может, тысяч) бутербродов» (см. «Архив» Гессена, т. XIII, ст. Б. Соколова).

нию С. Мстиславского — явились провинциальными именинниками, парадные, в сюртуках, с красными розетками.

Ход этого «исторического» заседания представляет известный интерес для характеристики мелкобуржуазной демократии [1]). Чернов, избранный председателем Учредительного собрания, во вступительной речи, раскланиваясь налево, вспомнил о своей левизне и о Циммервальде, а раскланиваясь направо, высказался против сепаратного мира. «Народ хочет не слов, а дела» —заявил он. О советской власти и советской системе лидер господствующей в Учредительном собрании партии не проронил ни слова, зато в его выступлении фигурировал такой неопределенный термин, как «трудовая народная республика».

Церетелли делал запоздалые покаянные признания. «В свое время,—заявил он, — когда мы были ответственной силой, вершившей политику страны—быть может, мы ошибались, быть может, наши шаги были чем-то хуже, чем ошибка». Эта политика «уже раскритикована вами при помощи оружия». Он молил не говорить о прошлых ошибках демократии.

Все заседание производило двойственное впечатление: с одной стороны, мелкобуржуазная демократия **спешила жить**. Сами ораторы и аудитория проявляли лихорадочную торопливость. Все время вставлялись реплики: «время нам необходимо», «чтобы не тратить времени», «во избежание потери драгоценного времени» и т. п. С другой стороны, лидеры «демократии» хотели выговориться во-всю, и снова лились длинные речи о земле, о мире без аннексий и т. д.

Могло показаться, что история на миг повернулась вспять, и что возвратились времена Демократического совещания, или предпарламента. Но как ни старались вожди демократии осторожненько обойти острые углы взаимоотношений с советской властью, «режим свершившихся фактов» довлел над всем заседанием 5 января. Программные речи лидеров старой коалиции звучали немощью. «Властное слово» Учредительного собрания оказывалось на деле необычайно бедным и жалким.

Причина проста: **важнейшее из того, что спешили выговорить вожди демократии на заседании Учредительного собрания было уже осуществлено без них и против их воли диктатурой пролетариата.**

---

[1]) 14 избранных в Учредительное собрание кадетов не явились на заседание. В заседании Учредительного собрания большевики и левые эсеры, имевшие 125 голосов (39%), противостояли 323 голосам право-социалистического блока (61%); 69 украинских эсеров воздержались при всех вотумах, мотивируя это нежеланием связывать себя голосованиями во Всероссийском Учредительном собрании.

Во время выборов в Учредительное собрание народные массы еще не имели достаточной возможности на деле видеть политику пролетариата в земельном вопросе и в вопросе о мире[1]).

К моменту открытия Учредительного собрания опыт многому научил массы рабочих и крестьян.

Декрет о земле становился более широко известным даже в провинциальной глуши. Политика мира принесла свои первые плоды в виде заключения перемирия, опубликования тайных договоров и приступа к гласным мирным переговорам. За время, протекшее с ноябрьских выборов, массы имели, таким образом, возможность переварить сущность происшедшего переворота. Оттого мы даже в речах некоторых низовых право-эсеровских депутатов в Учредительном собрании находим совершенно отличные от выступлений лидеров нотки.

Солдат Григорьев делает заявление, что он будет выступать «как рядовой солдат». «Сам от себя» он говорил: «На мир мы, томские депутаты, смотрим так: мир во что бы то ни стало! Предложим союзникам; если они не пошли, заключим сепаратный мир». Характерно также выступление депутата Мамкина от группы крестьян. Он говорил свое «громкое слово, как крестьянин»: «Чтобы мир и земля были», чтобы эти «злющие вопросы» были разрешены. «Если нам, крестьянам, явиться отсюда в деревню ни с чем, явиться с порванным хомутом, то я спрашиваю, товарищи, что же будет тогда?»

В этих речах еще есть крестьянское желание узаконить земельный захват и укрепить через санкцию Учредительного собрания дело мира, но от былого кумира осталась лишь одна юридическая оболочка. Всем становилось ясно, что не Учредительное собрание является главным органом революции, что Учредительное собрание может только признать «режим свершившихся фактов» и тогда на известный период сожительствовать с советами или же отказаться признать советский режим, но тогда стать тормозом революции.

«Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа», предложенная ЦИКом Учредительному собранию, и должна была стать тем оселком, на котором народ испытывал существо формальной демократии. Как известно, Учредительное собрание сняло с порядка дня обсуждение этой декларации. Различия двух программ и двух тактик—революционного пролетариата и «демократии»—были слишком велики, чтобы их мож-

[1]) «Население, — доносил председатель Уфимского ревкома Свидерский,—успокаивается всюду, где делегаты Революционного комитета успевают приступить к передаче земель и инвентаря в распоряжение земельных комитетов».

но было примирить. Декларация советской власти провозглашала республику советов, программа Чернова—демократическую республику. Декларация советской власти говорила не только о социализации земли, но и о национализации банков, уничтожении займов, рабочем контроле, всеобщей трудовой повинности, как о первых шагах к социализму; программа Чернова говорила только о социализации земли, а все предложенные советской властью меры в области финансового и фабричного законодательства считала «скороспелым приближением к равенству в нищете» и обусловливала их «могучим под'емом производительных сил страны».

Отклонением советской декларации участь Учредительного собрания была окончательно решена. Большевистская фракция, придравшись к какому-то мелкому поводу, потребовала перерыва. О происшедшем во время этого перерыва фракционном совещании большевиков рассказывает И. Мостовенко [1]). Выступивший на этом совещании Ленин произнес следующую речь (по памяти приводимую тов. Мостовенко): «Товарищи! Я не стану скрывать, что ЦК нашей партии с кое-какой тревогой ожидал сегодняшнего дня. То, что мы видели сейчас в зале, показывает, что мы все в этом отношении ошибались. Меньшевики и эсеры оказались неспособными к тому, что на их месте сейчас предприняли бы, конечно, мы, и занялись обычным своим словоизвержением. Поскольку они не обнаруживают способности к какому-либо действию, их речи точно так же не опасны нам сейчас, как они оказались мало опасны за минувший период революции. Поэтому ЦК, обсудив создавшееся положение, постановил: предоставить меньшевикам и эсерам полную возможность использовать представившийся им случай «поговорить». Нам нет оснований ни подкреплять своим присутствием их болтовни, ни предпринимать какие бы то ни было шаги, в виде, скажем, их разгона. В последнем случае мы только совершенно напрасно создадим в кое-каких кругах для этих жалких болтунов авторитет «мучеников» или «пострадавших за свою идею» общественных деятелей. Итак, пусть себе болтают. ЦК предлагает фракции большевиков ограничиться поручением одному из товарищей прочесть на собрании нашу декларацию в том духе, как я говорю, и отказаться от дальнейшего участия в Учредилке».

Любопытны прения, последовавшие после речи Ленина. Ряд товарищей стали протестовать против делаемой ЦК попытки «навязать свою волю» собравшимся «депутатам». «Зараза учредиловского авторитета — говорит Мостовенко—

[1]) «Правда» от 5 января 1925 г.

и соблазн почувствовать себя тоже в положении помазанных «миром избрания» на многих из присутствовавших сказались в очень яркой форме». Однако, фракция подавляющим большинством приняла предложение Центрального комитета. Интересно, что когда Ленину был во время прений кем-то задан вопрос: как мы поступим в случае, если учредиловские депутаты не переболтают всего сегодня, а явятся «добалтывать» завтра, послезавтра и т. д.—Ленин ответил: «Пусть себе болтают сколько угодно. Ясно одно—ожидать от них чего-нибудь, кроме болтовни, нет оснований».

По окончании совещания фракция большевиков огласила свою декларацию и в полном составе покинула Учредительное собрание.

Фракция левых эсеров осталась еще немного—что в высокой степени характерно!—и попробовала еще раз убедить черновцев, а затем тоже покинула Учредительное собрание.

Оставшаяся часть депутатов продолжала свои словопрения, за которыми теперь было все что угодно, кроме одного—реальности.

В 4 часа ночи, когда вдоволь наговорившиеся депутаты продолжали еще разыгрывать из себя парламент—между председателем Учредительного собрания и охранявшими здание матросами произошел следующий диалог, который приводим по стенограмме заседания:

«Гражданин-матрос. Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал (голоса: нам не нужно караула!)

Председатель. Какую инструкцию? От кого?

Гражданин-матрос. Я являюсь начальником охраны Таврического дворца и имею инструкцию от комиссара Дыбенки.

Председатель. Все члены Учредительного собрания также очень устали, но никакая усталость не может прервать оглашения того земельного закона, которого ждет Россия (страшный шум. Крики: Довольно! Довольно!) Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила... (Шум... Голоса: Долой Чернова!)

Гражданин-матрос (неслышно)... Я прошу немедленно покинуть зал заседания».

Но сила употреблена не была. Учредительное собрание продолжало заседать. Оно «одним духом» приняло основной закон о земле («не декрет, не маленькая декларация, а настоящий, строго проработанный закон»—точно в насмешку обосновывал его эсер Бунаков). Затем таким же порядком, без передышки, были приняты обращение к союзникам и постановление

о принятии на себя мирных переговоров. В обоих этих документах оставшаяся не у дел «демократия» выказала свою готовность идти на всякие сделки с империализмом. В том же аллюре, без всяких прений, были приняты постановления о созыве международной социалистической конференции мира, об избрании полномочной делегации для ведения мирных переговоров и о демократическом государственном устройстве России.

За 40 минут, протекшие с момента заявления «гражданина-матроса», Учредительное собрание успело провести все те постановления, которых демократия не в состоянии была провести за все 8 месяцев своего пребывания у кормила власти. Но у всего этого «положительного законодательства» Учредительного собрания был один маленький недостаток: оно явилось на свет слишком поздно.

Копируя классические образцы пафоса третьего сословия во время Великой французской революции, Чернов заявлял, что «Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила». Но на что-либо другое, кроме патетической фразы, наша «демократия» не была способна. За взятой на прокат львиной шкурой скрывалась—пользуясь выражением Маркса—мелкобуржуазная телячья кожа. Еще в дни Октябрьского переворота вожди демократии выказали все свое заячье малодушие. Когда на последнем заседании сеньорен-конвента Совета республики появился большевистский командир и предложил всем покинуть Мариинский дворец, «впечатление получилось ошеломляющее — описывает этот момент в своих мемуарах В. Д. Набоков — но никто, повидимому, не соблазнялся перспективой лечь костьми во главу Совета российской республики и не было никакого повода вспоминать знаменитые исторические прецеденты»...

Благодаря этой тренировке трусости вожди демократии с еще большей легкостью перенесли через несколько недель «насилие» над Учредительным собранием.

В 4 ч. 40 м. Учредительное собрание, без всякого принуждения со стороны караула, само разошлось («скопом», из боязни быть арестованным—как рассказывала «Новая жизнь»), чтобы больше уже никогда не собраться.

Впоследствии друзья Учредительного собрания не могли ему простить эту телячью трусость, которая так не вязалась с престижем Учредительного собрания.

«...В самом заседании Учредительного собрания—писал Рожков—Чернов, Церетели и эсеровское большинство сказали и сделали все или почти все, что могли и хотели. Но почему они испугались матроса Железнякова, почему не поставили

его перед необходимостью насильственного разгона, арестов, расстрела высокого собрания. Политически это был бы серьезный шаг. Надо было об'явить заседание непрерывным и бороться с мужеством отчаяния. Предпочли отступить, и Учредительное собрание умерло»[1].

Никто не дал взаймы Учредительному собранию мужества, которым его вожди не обладали, и оно разошлось, не сделав ни единой попытки поддержать свой престиж; оно не было убито—оно просто сгнило само собой. С ним повторилась судьба «франкфуртской говорильни»[2], о демократических болтунах которой Энгельс в свое время писал: «Они продолжали болтать, заявлять, протестовать, возвещать, но у них никогда не было мужества или разумения для того, чтобы действовать... Так это презренное собрание само потеряло последние остатки престижа; восставшие, которые поднялись за него, бросили заботу о нем, а когда в заключение оно нашло себе позорный конец, оно... умерло так, что никто и не заметил его бесславного исчезновения».

Но, если вожди «демократии», видевшие полное равнодушие масс к Учредительному собранию (в этом об'ективно секрет их трусости), не пожелали рискнуть своими драгоценными персонами во имя спасения его престижа, то с тем большей энергией они стали призывать себе на помощь чужое мужество.

«Встаньте на защиту Учредительного собрания! Спасайте последнюю надежду нашей страны! Докажите сейчас же, что вы не потерпите посягательств на народную волю...»—кричало воззвание ЦК Всероссийского совета крестьянских депутатов, обращаясь к крестьянству[3]. Но ни малейшего народного движения ликвидация Учредительного собрания не вызвала.

Декрету ЦИКа от 6 января о роспуске Учредительного собрания осталось лишь констатировать его естественную и

---

[1]) Н. Рожков. — Вступительная статья к сборнику: «Октябрьский переворот», стр. 42.

[2]) Франкфуртское национальное собрание (открывшееся в мае 1848 г.) состояло в большинстве из либеральных адвокатов и доктринеров-профессоров. Трусость и нерешительность этого собрания, густо пересыпанные пустым словопрением, нашли себе достойного подражателя в лице Российского Учредительного собрания 1917 г.

[3]) Интересно сравнить эту неступленную защиту эсерами «народной святыни», Учредительного собрания, с той позицией в отношении Учредительного собрания, какую они занимали в самом начале Февральской революции. Как свидетельствует Милюков в своей «Истории» (т. I, вып. 1, стр. 46) в резолюции Петроградской конференции эсеров от 2 марта говорилось только о «п о д г о т о в к е Учредительного собрания п р о п а г а н д о й республиканского образа правления».

скоропостижную смерть. Неудивительно, что этот декрет был встречен резко-враждебно всеми «социалистическими» партиями, вплоть до их самых левых течений, как, например, социал-демократов-интернационалистов; этих последних охватывала мелкая дрожь при каждом решительном шаге революции, и теперь тоже представитель интернационалистов Строев заявил в ЦИКе, что роспуск Учредительного собрания представляется ему «головокружительным скачком в неизвестность, для которого не нужно разума».

Декрет встречал некоторые, правда—очень небольшие, единичные возражения и внутри нашей партии (главным образом, со стороны того, что Учредительному собранию не было дано время выявить свое лицо). Но в целом партия совершенно единодушно и с достаточной твердостью пошла на роспуск Учредительного собрания.

Возникает, однако, вопрос: почему большевики, признававшие, что Учредительное собрание не отражает правильных настроений масс, не произвели перевыборов Учредительного собрания?

Тут следует, однако, учесть две причины: первая—чисто техническая и внешняя: разруха транспорта, которая не давала никакой возможности сколько-нибудь скоро произвести перевыборы; вторая—более существенная, политическая причина: перевыборы Учредительного собрания означали бы отрицание советской власти. Учредительное собрание при советах не могло быть не чем иным, как центром подрывной работы для контр-революционных групп. Перевыборы Учредительного собрания означали бы отрицание советской власти. Перевыборы Учредительного собрания означали бы возвращение к формальной демократии, давно отметенной революцией.

На это большевики не могли пойти. Насколько губительна была бы противоположная в отношении к мелкобуржуазной «демократии» тактика—показывает печальный пример хотя бы финляндской революции 1918 г. Мы с тем большим основанием можем остановиться на этом примере, что «разгон» Учредительного собрания еще до сих пор встречает недостаточное понимание (особенно на Западе), и что демократические формы финляндской рабочей революции ставились в пример «захватчикам»-большевикам и со стороны наших социалистов.

«Переворот в Гельсингфорсе — писала «Новая жизнь» от 21 января 1918 г.—по существу своему глубоко отличен от «захвата власти» большевиками и воистину может быть назван тем термином, на который не имеет права существующий сейчас у нас «смольный» режим, а именно термином «диктатуры пролетариата». «В финляндской рабочей революции—восторгалась «Новая жизнь» — нет ни крикливых обещаний ско-

роналтительного социализма, ни воинственной «беспощадности», которой так любят хвастаться властители солдатских душ из Смольного».

Посмотрим же, хотя бы в самых кратких чертах, на ход и исход финляндской революции. Во второй половине января 1918 г. рабочий исполнительный комитет Финляндии об'явил, что «всю государственную власть решено взять в надежные руки рабочего народа этой страны». Но разразившаяся, как пролетарская, революция в Финляндии взяла явно неверный демократический уклон. Основной целью движения, по мысли его руководящего штаба, было стремление «к наилучшему демократизму». Но этот демократизм только спутывал сознание масс, стремившихся к социализму. В то время как условия властно выдвигали на очередь военный вопрос, совет народных уполномоченных больше всего занимался мирным законодательным творчеством, которое в этот момент в глазах масс не могло представляться не чем иным, как канцелярщиной. Проект конституции, выработанный Советом народных уполномоченных, был основан на широчайшем демократизме. «Казалось,—пишет Куусинен [1],—что демократическая конституция могла гарантировать в Финляндии большинство в народном представительстве, из которого по крайней мере значительная часть прямо требовала бы социалистического строя, да и остальная часть этого большинства не сопротивлялась бы, по всей видимости, введению—хотя бы постепенно и осторожно—реформ, ведущих к этому строю. Противники социализма были бы принуждены находиться в народном представительстве в меньшинстве и быть, таким образом, бессильными, парализованными». Так думало правительство рабочего класса Финляндии. Но демократизм рабочего правительства был не чем иным, как компромиссом, который не удовлетворял буржуазию, добивавшуюся собственной власти, но и не удовлетворял пролетариата, который относился к демократизму весьма индиферентно. В результате из чистейшего демократизма выросла ожесточенная гражданская война. С каким же лозунгом входил пролетариат в эту борьбу? Его движению навязывались демократическая программа и демократические лозунги, давно отброшенные оружием в сторону. «Демократизм» стал в результате только помехой и причиной слабости финляндской рабочей революции.

Он внес половинчатость, слабость, неясность и спутанность классовых позиций. Такую тактику оправдывали желанием не оттолкнуть от себя мелкобуржуазных и крестьянских

[1]) В книге «Революция в Финляндии». Самокритика. Петроград, 1919 г.

масс. Но на войне нужно поступать по-военному. Власть, главная социальная опора которой — рабочие, своей нерешительностью и вялостью только охлаждала пыл рабочих и вела к разочарованию в их среде. Эта нерешительность не могла также импонировать и мелкобуржуазным слоям, колебавшимся в ожидании выявления более сильной стороны в разгоревшейся борьбе классов.

Демократизм стал в итоге камнем, который потянул ко дну финляндскую революцию. Из демократической позиции пролетариата Финляндии вытекала одна ошибка за другой, одна более роковая, чем другая. Ошибки выявились уже в самой подготовке восстания, неэнергичной и неумелой: даже арест вождей буржуазии не был подготовлен. При сформировании Красной армии в некоторых пунктах оружие давалось и буржуазии. Когда гражданская война стала уже фактом, руководство ею было со стороны рабочего правительства недостаточно решительным. К буржуазии была проявлена высокой степени сентиментальная гуманность: ограничивались одними штрафами.

Но пролетариев Финляндии учила сама жизнь. В целях борьбы с контр-революционными происками буржуазии декрет наидемократического совета народных уполномоченных от 2 февраля был вынужден закрыть все буржуазные газеты. Декретом 21 февраля был запрещен перевод движимого и недвижимого имущества, денег и ценных бумаг за границу. 3 апреля была введена трудовая повинность для мужчин от 18 до 55-летнего возраста и для женщин, живущих без дела. Но эти меры проводились уже перед самым концом финляндского рабочего правительства; они не могли быть осуществлены в достаточно широких размерах.

Несмотря на беспрерывные подчеркивания словом и делом своей демократической сущности, совет народных уполномоченных в первые же дни столкнулся с саботажем и забастовками коммунальных и государственных чиновников. Демократизм, таким образом, ничуть не спасал от саботажа. Логика событий привела и пролетариев Финляндии к замене чиновников организованными рабочими. В области производства демократический совет народных уполномоченных встретился с такой же всеобщей забастовкой руководителей предприятий и техников. И тут, помимо воли руководителей, движение не ограничилось рабочим контролем, а само собой перерастало в захват фабрик рабочими.

Как дорого стоили финляндскому пролетариату его демократические иллюзии, показывает разнузданный террор, который завершил собой финляндскую революцию. Весь этот тяжелый и жестокий опыт борьбы привел революционных рабо-

чих Финляндии к выводам, изложенным ими в открытом письме к тов. Ленину и в постановлении I конференции Финляндской коммунистической партии. «Посредством революции— гласит важнейший вывод, вынесенный финляндскими рабочими из опыта их борьбы,—следует взять в собственные руки рабочего класса всю власть и основать железную пролетарскую диктатуру; следует, значит, стремиться к уничтожению буржуазного государства, а отнюдь не к демократизму ни до революции, ни посредством революции» [1]).

Урок финляндской революции только лишний раз доказывает, как правильна была тактика советской власти, которая, не колеблясь, покончила со ставшим на дороге революции Учредительным собранием. Компромисс с Учредительным собранием, продление демократических иллюзий, нерешительность в борьбе с формальной демократией—могли стать камнем, который потянул бы ко дну все Октябрьские завоевания, подобно тому, как это случилось с февральскими завоеваниями финляндской революции 1918 г.

Последовавший период гражданской войны тоже целиком оправдал тактику роспуска Учредительного собрания. «Потрепанная хоругвь» Учредительного собрания стала знаменем для ряда контр-революционных выступлений.

Для диктатуры пролетариата ликвидация Учредительного собрания сыграла громадную положительную роль, очистив систему советской власти от этого важнейшего пережитка мелкобуржуазной демократии и нанеся решительный удар «демократическим» иллюзиям, которые в дальнейшем могли только стать помехой в борьбе рабочего класса.

Ликвидация Учредительного собрания явилась одним из последних звеньев в начатом Октябрьской революцией разрушении старых аппаратов капитализма, сданных на слом, как чиновнический аппарат, старая армия и т. д.

6 января явилось, таким образом, прямым и необходимым следствием 25 октября. Актом 6 января Октябрь закреплял свою победу над Февралем, пролетарская демократия твердо сменяла мелкобуржуазную.

Если до завоевания власти пролетариатом, демократия неизменно оказывалась фикцией и обманом масс, то дело принципиально изменяется с победой пролетарской диктатуры. В условиях пролетарской власти демократия—могущественнейшее орудие для выявления таящихся в массах талантов; для

[1]) См.: «Финляндская революция», сборник статей. ГИЗ. Москва 1920 г. Свечников.— «Революция и гражданская война в Финляндии». Изд. 1923 г. Э. Гориайнен.—«Рабочая революция в Финляндии». Москва 1919 г. Катая — «Террор буржуазии в Финляндии». Петроград 1919 г.

мобилизации всей суммы опыта, инициативы и энергии масс вокруг интересов строительства и обороны пролетарского государства; для широчайшего привлечения масс к участию в государственном аппарате, контролю над ним и борьбе с имеющимися в этом аппарате бюрократическими извращениями. Только победоносный пролетарский переворот превращает призрак демократии, существующий при капитализме, во все более ощутимую массами реальность.

ЦЕНА ДВА РУБЛЯ

5

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА, Кузнецкий Мост, д. 7. Телефон 5-20-57
ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Октября, д. 68. Т. 2-28-56

